

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2022 / ТОМ 13 / НОМЕР 2

ВОЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

12–22

Д.В. ТРЕНИН

Гибридность
как главная черта
современных
международных
конфликтов

23–42

Л.В. ДЕРИГЛАЗОВА

Победы
и поражения
США и РФ в
асимметричных
конфликтах XXI века

43–58

Г. САЙМОНС

«Неизбежные»
и «неминуемые»
вторжения: логика
военных нарративов
западных СМИ

79–94

П.А. КАРАСЕВ

Эволюция
национальных
подходов
к ведению
кибервойны

2022 / VOLUME 13 / No. 2

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)
Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)
Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)
Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)
Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)
Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)
Pavel B. Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)
Valeriy N. Konyshev – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)
Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the unified electronic catalog of the Russian State Library, included in the Russian Science Citation Index (RSCI), indexed in Ulrich's Periodicals Directory, Directory of Open Access Journals (DOAJ), the Directory of Open Access scholarly Resources (ROAD), Crossref. The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Dmitry N. Tkach
Grant A. Beglarian
Natalya A. Samoylovskaya
Nikita Ya. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2022 / ТОМ 13 / № 2

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)

Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Мимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)

Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)

Сюз Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал. В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал входит в единый электронный каталог Российской государственной библиотеки, включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), индексируется в Ulrich's Periodicals Directory, Directory of Open Access Journals (DOAJ), the Directory of Open Access scholarly Resources (ROAD), Crossref.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Владимир Владимирович Павлов
Грант Артурович Бегларян
Дмитрий Николаевич Ткач
Наталья Александровна Самойловская
Никита Яковлевич Неклюдов

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Военное измерение международных отношений

С.М. МАРКЕДОНОВ, Н.Я. НЕКЛУДОВ

7

ИНТЕРВЬЮ

Гибридность как главная черта современных международных конфликтов

Д.В. ТРЕНИН

12

Космос как пространство соперничества: угрозы и возможности

Д.В. СТЕФАНОВИЧ, Д. ПОРРАС

95

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Победы и поражения США и РФ в асимметричных конфликтах XXI век

Л.В. ДЕРИГЛАЗОВА

23

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Частные военные и охранные компании (ЧВОК) в современных международных процессах

М.А. НЕБОЛЬСИНА

107

«Неизбежные» и «неминуемые» вторжения: логика военных нарративов западных СМИ

Г. САЙМОНС

43

РЕЦЕНЗИИ

Почему ошибается разведка, а уроки извлекать полезно всем?

А.Р. МАРГОЕВ

134

От «противодействия» к «конструированию» российских угроз в Грузии при Михаиле Саакашвили

А.Т. СИХАРУЛИДZE

59

Эволюция национальных подходов к ведению кибервойны

П.А. КАРАСЕВ

79

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

The Military Dimension of International Relations

S. MARKEDONOV, N. NEKLYUDOV

7

INTERVIEW

Hybridity as a Central Feature of Contemporary International Conflicts

D. TRENIN

12

P. KARASEV

79

Space as a Competition Domain: Threats and Opportunities

D. STEFANOVICH, D. PORRAS

95

RESEARCH ARTICLES

Victories and Loses of the USA and Russia in Asymmetric Conflicts at 21 Century

L. DERIGLAZOVA

23

RESEARCH ESSAYS

Private Military and Security Companies (PMSCs) in Modern International Processes

M. NEBOLSINA

107

“Inevitable” and “Imminent” Invasions: The Logic Behind Western Media War Stories

G. SIMONS

43

REVIEWS

From “Countering” To “Constructing” Russian Threats in Mikheil Saakashvili’s Georgia

A. SIKHARULIDZE

59

Why Does Intelligence Fail Yet We All Have to Learn from Mistakes?

A. MARGOEV

134

Evolution of National Approaches to Cyber Warfare

Военное измерение международных отношений

Вся история международных отношений неоднократно подтверждала правильность формулы К. Клаузевица о том, что «исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного». Выдающийся военный теоретик справедливо привел пример, как *побежденная страна* видит в победе своего противника «лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими, политическими отношениями»¹.

Но справедливы слова прусского мыслителя и относительно *победившей страны*. О трудностях военного целеполагания, например, США повествует документальный фильм «Правда, война и последствия», снятый американской телеслужбой *PBS* в 2003 году о войне в Ираке. В марте Администрация Дж. Буша-мл. говорила о целях США в войне так: «Демилитаризация, демократизация и дебаазизация Ирака». Уже в октябре, после падения режима С. Хусейна, глава американской оккупационной администрации Ирака П. Бремер не смог однозначно сказать, добился ли Вашингтон хотя бы одной из поставленных целей².

Действительно, Вестфальская система международных отношений пронизана диалектикой «побежденных» и «победивших». В частности, Вестфальский мир закрепил гегемонию Франции и Швеции в Европе. Но с этим положением по разным причинам были не согласны Англия, Испания, Голландия и Россия. Как следствие: серия новых противостояний, начиная от Войны за испанское наследство и заканчивая противоборством европейских коалиций с «корсиканским узурпатором». Казалось бы, следующая за ней Венская система базировалась на более рациональных и справедливых идеях «концерта», предполагавших арбитраж великих держав. Но, во-первых, в число арбитров попали далеко не все, а во-вторых, внутри самого европейского «оркестра» практически с первого дня его появления стали возникать различные, порой радикально отличающиеся друг от друга, вариации исполняемых «партий». В-третьих, постепенно о себе стали заявлять другие амбициозные «исполнители», претендующие на роль первой скрипки (объединенные Германия и Италия)³. В итоге нарастающая политическая «какофония» привела к масштабным сражениям Первой мировой войны: на Марне, под Верденом и на галицийских полях.

1 Клаузевиц, К. О войне. – М.: Госвоениздат, 1934. – С.23.

2 "Truth, War, and Consequences," YouTube, accessed June 15, 2022, <https://www.youtube.com/watch?v=RMSNUX3n6yA>.

3 Дебидур, А. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). – М.: Госиздательство иностранной литературы, 1947.

Версальский мир, завершивший Первую мировую войну, не принес долгосрочной стабильности. По меткому выражению французского маршала Ф. Фоша, де-факто он был лишь «перемирием на 20 лет»¹. Наверное, иного и быть не могло, если в фундамент новой системы международных отношений было вмонтировано национальное унижение для целого ряда проигравших государств, прежде всего Германии. И в этом контексте стоит согласиться с оценкой известного правоведа-международника Р. Мюллерсона: «Ответственность за войны несет не только тот, кто первым нажал курок, но и все те, кто сделал их если и не неизбежными, то вероятными»².

Казалось бы, Вторая мировая война должна была стать последним крупным международным военным противостоянием. По крайней мере, так это казалось лидерам стран-участниц антигитлеровской коалиции. Однако даже на пике их эффективной кооперации (на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме) между представителями Запада и Советским Союзом имелись острые противоречия, подогреваемые антагонистическими разногласиями в идейно-ценностной сфере. Как следствие, окончание Второй мировой войны оказалось зарифмованным с холодной войной, в которой ведущими факторами стали ядерное сдерживание и борьба двух идеологических систем.

Символом нового мира, приходившего на смену холодной войне, стало крушение Берлинской стены. Однако и после этого знакового события, открывшего путь к объединению Германии, фактор силы никуда не исчез. Причин тому множество: например, по окончании холодной войны так и не появился всеобъемлющий мирный договор, который прописывал бы основные «правила осмотрительного поведения»³ в новой реальности. Два полюса биполярного мира пришли к итоговой точке глобального противостояния с неравными силовыми потенциалами и различными интерпретациями результатов биполярного соперничества. Очевидно одно: американская гегемония не привнесла стабильности и с каждым годом, по мере отдаления от 1991 года, не устраивала все большее количество участников международных процессов. В результате по окончании холодной войны мы оказались в ситуации, когда применение военной силы вновь стало «нормой»⁴, ведь ракетно-бомбовые удары наносились теперь теми, кто находился на «правильной стороне истории».

Сегодня мы вновь стоим перед непростым вопросом, кто и как определяет критерии нормальности. Одних лишь намерений прекратить войну и отказаться от нее как от «продолжения политики иными средствами» недостаточно: война, как провидение, вновь возвращает нас к «точке старта» закладывания основ новых порядков. Политический философ Г. Моргентау в связи с этим писал о цикличной природе насилия: «Отними у них оружие, и они будут либо драться голыми кулаками, либо найдут себе приспособления, с которым тут же вступят в новую схватку»⁵.

- 1 *The Making of Peace: Rulers, States, and the Aftermath of War*, edited by W. Murray and J. Lacey. Cambridge University Press, 2009. P. 209–210.
- 2 Мюллерсон, Р. От падения Берлинской стены до возведения новых ограждений // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20 (2). – С. 35.
- 3 Сушенцов, А.А. Почему мы скучаем по холодной войне // Валдай. 6 мая 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-my-skuchaem-po-kholodnoy-voyne/> (дата обращения: 15.06.2022).
- 4 Мюллерсон, Р. От падения Берлинской стены до возведения новых ограждений // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20 (2). – С. 45.
- 5 Speer, James P. "Hans Morgenthau and the World State." *World Politics* 20, no. 2 (January 18, 1968): 207–227.

Недоучет и прямое игнорирование интересов различных государств, попытка их маргинализации и продавливание собственных ценностей как универсальной нормы не приближает мир, а отдаляет его, ибо ответами на выстраивание «общих знаменателей» в глобальном масштабе становятся ресентимент, ревизионизм, националистическая мобилизация, отодвигающая на второй план личные права и свободы. Парадоксально, но провозглашаемая борьба за свободу и демократию способствует их деградации.

Мы считаем, что сегодня как никогда важно поспорить о том, как сделать мир будущего более безопасным, предсказуемым и стабильным. Но делать это с однозначными приговорами, отказываясь от анализа причинно-следственных связей в вызревании того или иного конфликта, не только контрпродуктивно, но и опасно.

Мы, редакционная коллегия «Международной аналитики», задумывали второй номер, посвященный фактору силы в мировой политике, задолго до начала российской специальной военной операции на Украине. События последних месяцев значительно актуализировали всю проблематику, связанную с конфликтами, вооруженными противостояниями. Конечно, в материалах, предлагаемых для публикации, и мы, и наши авторы не могли всего этого не учитывать. В то же время задачей было не превратить номер в политизированный боевой листок и не следовать конъюнктуре, когда украинская тема, перефразируя Т. Мора, «села» бы все остальные не менее важные сюжеты.

Второй номер журнала открывает интервью Дмитрия Тренина. Известный эксперт по вопросам международной безопасности проводит четкие разграничительные линии между холодной войной, завершившейся три десятилетия назад, и нынешней ситуацией в мире. По его мнению, прямые аналогии между двумя эпохами, скорее, дезориентируют, чем помогают разобраться в сегодняшней мировой обстановке. Дмитрий Витальевич считает, что нынешнее противостояние России и коллективного Запада отличается *гибридностью*. Сама же конфронтация «ведется гораздо активнее и сразу на нескольких уровнях».

В 1975 году политолог-международник Э. Мак, впечатленный поражением США в войне во Вьетнаме, поставил интеллектуально провокационный вопрос: «Почему большие нации проигрывают малые войны?»¹. С той поры немало исследователей обращались к феномену *асимметричного конфликта*. Во втором номере «Международной аналитики» один из наиболее авторитетных исследователей данной темы профессор Лариса Дериглазова обращается к опыту асимметричных конфликтов и интерпретации теоретических аспектов данной темы в США и в России. Такой анализ имеет как академическую, так, очевидно, и прикладную ценность.

В современных военных противостояниях информационный фактор играет не меньшую роль, чем динамика на полях сражений. В статье Грега Саймонса рассматриваются способности политических субъектов создавать представления и *интерпретации принимаемых решений*, событий и процессов, происходя-

1 Mack, Andrew. "Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict." *World Politics* 27, no. 2 (January 18, 1975): 175–200.

щих на международной арене. Автор сосредоточен на информационной политике западных стран (прежде всего, США) как средстве воздействия на внутреннюю и внешнюю аудиторию. В качестве иллюстративных примеров Г. Саймонс применяет дискурсы «неизбежного» и «неотвратимого вторжения», активно используемые американскими СМИ в отношении России и КНР.

Но если Грег Саймонс говорит о западных дискурсах в отношении политики Москвы и Пекина, то Арчил Сихарулидзе рассматривает восприятие России в Грузии при помощи концепта *секьюритизации*. Автор говорит о том, почему действия Москвы воспринимаются грузинским политиком как угроза национальной безопасности, объясняет алгоритмы формирования таких представлений.

Статья Павла Карасева посвящена эволюции *облика кибервойны* в национальных дискурсах ведущих держав. В настоящее время противостояние в интернет-пространстве все чаще оказывается в фокусе общественно-политических дискуссий, которые, к сожалению, часто грешат конспирологическими построениями в ущерб пониманию сущности проблемы. Автор полагает, что анализ сегодняшней международной повестки позволяет сделать вывод о том, что эскалация конфронтации в киберсфере чревата новыми рисками и непредсказуемостью. По его мнению, крайне важны механизмы выработки «правил игры» для предотвращения киберконфликтов в будущем. Скорее всего, данную проблематику необходимо будет увязывать с решением вопросов стратегической стабильности.

Дмитрий Стефанович и Дэниел Поррас идут во многом сходным путем, что и Павел Карасев. В фокусе их внимания *космическая безопасность*. Они отвечают на вопрос о том, какие риски и угрозы содержатся для великих держав в случае, если космическое пространство станет местом растущей военно-политической конкуренции. По их мнению, соперничество в космосе не новая реальность. Но сегодня проблема боевых действий в космическом пространстве значительно актуализируется, а зависимость гражданской инфраструктуры от космоса намного более высока, чем раньше. Как следствие – необходимость выработки правил поведения для всех ключевых игроков.

В обзорной статье Марии Небольсиной рассматривается *феномен частных военных и охранных компаний* (ЧВОК) в современных международных процессах. Сегодня трудно себе представить любой военно-политический конфликт без их участия. Автор показывает их эволюцию, а также справедливо говорит о тех сложностях, которые создают данные структуры как для государств, так и для обществ. Эти трудности касаются как механизмов правового регулирования ЧВОК, так и правозащитной тематики.

Рецензия Адлана Маргоева посвящена анализу книги Роберта Джервиса «Почему разведка терпит неудачу: уроки революции в Иране и войны в Ираке». Автор справедливо указывает, что *ошибки разведки* (как и других структур государства) должны, прежде всего, предостерегать от любых внешнеполитических шагов, кажущихся, на первый взгляд, простыми. Любой чужой неудачный опыт важен для того, чтобы в будущем купировать собственные внешнеполитические провалы. И в этом смысле ошибки разведорганов США, допущенные ими в Иране и Ираке, имеют значение, выходящее за рамки одного отдельно взятого странового случая. Любой эксперт-международник найдет в их исследовании немало для своей «научной кухни».

Таким образом, в нашем новом номере мы предприняли попытку нового осмысления фактора силы и военного-политического измерения в международных отношениях. Не уходя от острых актуальных проблем и понимая, что имеется риск эмоциональных реакций на тот или иной текст, мы в то же время сделали акцент на академической объективности. Конечно, время для беспристрастного анализа современных конфликтов и вооруженных противостояний наступит рано или поздно. Но приближать его нужно уже сегодня силами экспертов, ставящих понимание выше однобоких и тенденциозных суждений.

*Сергей Маркедонов, главный редактор
Никита Неклюдов, ответственный секретарь*

Гибридность как главная черта современных международных конфликтов

Интервью с Дмитрием Трениным

АННОТАЦИЯ

Дмитрий Витальевич Тренин – российский политолог-международник, член Совета по внешней и оборонной политике и Российского совета по международным делам. Специализируется на общих проблемах внешней политики России, ее отношениях с США, ведущими странами Европы и Азии, а также с соседними государствами. Автор ряда книг, опубликованных в России, США, Великобритании, Германии, Китае и Японии. В 1972–1993 гг. служил в Вооруженных Силах СССР и Российской Федерации, в 1994–2022 гг. работал в Московском центре Карнеги, в т.ч. с 2008 г. – в качестве директора Центра.

*Беседу вел С.М. Маркедонов, главный редактор журнала
«Международная аналитика»*

Сергей Маркедонов: В последние годы холодной войны в академическом сообществе и в политических кругах ведущих государств мира доминировало представление если не о наступлении бесконфликтной эры, то о значительном снижении фактора силы в международных отношениях¹. Однако последующее развитие событий опровергло ожидания конца 1980-х гг. Серия этнополитических конфликтов на пространствах СССР и Югославии, эскалация насилия на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, практики так называемых «гуманитарных интервенций», ломающих национальный суверенитет, – это то, с чем мир имеет дело на протяжении последних 30 лет. Войны не просто не ушли из международной повестки дня, а стали едва ли не главным блюдом политического меню. Почему, с Вашей точки зрения, те возможности, которые открывались в 1989–1991 гг. перед миром в финале холодной войны, не реализовались? Ни новой Европы, которую предлагала Парижская хартия 1990 г., ни подлинно, безо всяких кавычек нового мышления на международной арене не появилось?

Дмитрий Тренин: Холодная война была главным образом военно-политическим и идеологическим противостоянием. Ее прекращение означало

1 Zubok, Vladislav. *Collapse. The Fall of the USSR*. London and New Haven: Yale University Press, 2021.

окончание не только центрального противостояния между СССР и США, но и периферийных вооруженных конфликтов по всему миру: от Афганистана и Юго-Восточной Азии (Камбоджа) и от Юга Африки (Намибия) до Центральной Америки (Никарагуа). Также произошли нормализация отношений по линии СССР–КНР и заморозка конфликта на Корейском полуострове. Для многих политологов, сосредоточенных на изучении глобального противостояния капитализма и коммунизма, это, действительно, было «концом истории»¹. Правда, одни из них видели этот «конец» в форме торжества рыночного либерализма, а другие – в форме движения к конвергенции противоборствующих мировых систем. Первые оказались триумфаторами (на время). Вторые очень скоро были горько разочарованы.

Были и те, кто видел в завершении холодной войны не конец истории, а ее возвращение². Они, собственно, были правы тогда и остаются правы сегодня. Господствовавшая в мире в целом биполярная модель международных отношений, а также «имперский мир», царивший в каждом из противоборствующих лагерей, на время заморозили многочисленные межгосударственные конфликты по всему миру, а также внутренние противоречия в некоторых сложных государственных образованиях. Глядя на конфликт в Нагорном Карабахе (с 1988) и нарастающую (с 1989) напряженность между Сербией и другими республиками еще существовавшей Югославии, «историки» ожидали взрыва территориальных претензий соседних государств друг к другу и ревизии границ, проведенных после 1945 г. Противодействие такому сценарию стало в начале 1990-х гг. одним из главных официальных аргументов в поддержку расширения НАТО на Восточную Европу.

Окончание холодной войны между Востоком и Западом и нормализация советско-китайских отношений означали резкое снижение конфликтности в отношениях между великими державами. Опасность мировой войны с перспективой всеобщего уничтожения отступила на дальний план. В то же время Соединенные Штаты Америки отметили окончание противостояния с Советским Союзом крупной войной на Ближнем Востоке – против Ирака, захватившего Кувейт. «Война в Заливе» в начале 1991 г. возвестила начало нового мирового порядка, основанного на гегемонии единственной оставшейся сверхдержавы. Москва не только осудила действия своего багдадского союзника, но фактически заявила о солидарности с Вашингтоном и созданной им широкой международной коалицией.

Вскоре последовало десятилетие непрерывных войн на территории распадавшейся Югославии. Вначале – между Сербией и Хорватией; затем между

Глядя на конфликт в Нагорном Карабахе (с 1988) и нарастающую (с 1989) напряженность между Сербией и другими республиками еще существовавшей Югославии, «историки» ожидали взрыва территориальных претензий соседних государств друг к другу и ревизии границ, проведенных после 1945 г.

1 Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.

2 Huntington, Samuel. "The Clash of Civilizations?" *Foreign Affairs* 72, no. 3 (1993): 22–49; Asmus, R. *Opening NATO's Door: How the Alliance Remade Itself for a New Era*. Columbia University Press, 2002.

сербами, хорватами и мусульманами в Боснии и Герцеговине; наконец, между сербами и косовскими албанцами в Косово. В эти конфликты непосредственно втягивалось – по нарастающей – НАТО. На территории СССР, кроме Карабахского кризиса, возникли очаги войн и конфликтов: в Таджикистане, Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии. Эти конфликты были остановлены – а таджикский был решен – в результате военного вмешательства России. Сама Россия с 1994 г. вела длительную вооруженную борьбу вначале против сепаратистов, затем международных террористов в Чечне и соседних республиках Северного Кавказа.

К перечисленному можно добавить еще немало других военных сюжетов 1990-х гг., включая геноцид в Руанде (1994). Смысл этого перечисления прост: параллельно тому, как уходил страх перед мировой ядерной войной, в мире актуа-

лизировались конфликты, долгое время скованные холодной войной. Страх перед мировой войной отступил, но на его место немедленно выступила реальность множества кровопролитных гражданских, локальных и региональных войн. Фактически в ряде регионов – Югославия, многие республики бывшего СССР – окончание холодной войны означало завершение 45-летнего периода мирного развития и начало периода войн.

Конечно, прекращение холодной войны – конфликта, сопоставимого по масштабам с мировой войной – логически требовало заключения мирного договора и строительства на этой основе новой модели миропорядка. В специфических условиях начала 1990-х гг. сторона победителей – Запад во главе с США – могла бы пойти на включение постсоветской России в институты расширившегося Запада. Геополитически и геοэкономически это был бы чрезвычайно сильный ход. Возможности для этого были: российская элита была готова к интеграции в Евро-Атлантическое сообщество на определенных условиях. Тем не менее Вашингтон отверг эту возможность, не без оснований опасаясь, что

такое расширение могло привести к эрозии единоличного доминирования (лидерства) США.

Любое решение, конечно, имеет свою цену. Пойдя на вариант расширения НАТО, включавший страны бывшего Варшавского договора и некоторые республики распавшегося СССР, США и их союзники фактически повели наступление на интересы безопасности России, что привело к охлаждению российско-американских отношений, затем к напряженности и, наконец, к противостоянию между Москвой и Вашингтоном. В феврале 2022 г. был совершен шаг от противостояния к противоборству. Дальше – только прямое столкновение, война. То, что произошло в отношениях России и Запада, еще раз свидетельствует: если по окончании крупной войны – неважно, горячей или холодной, – проигравшая сторона не включается на удовлетворяющих ее условиях в новый миропорядок, но при этом сохраняет достаточный потенциал и амбиции, то спустя некоторое время – одно, полтора поколения – следует новое столкновение.

В специфических условиях начала 1990-х гг. сторона победителей – Запад во главе с США – могла бы пойти на включение постсоветской России в институты расширившегося Запада. Геополитически и геοэкономически это был бы чрезвычайно сильный ход.

Парижская хартия для Новой Европы¹ не стала основой миропорядка. Такой основой стало глобальное доминирование США – «однополярный мир». Еще в 2007 г. в речи на Мюнхенской конференции по безопасности президент В. Путин заявил о неприятии Россией такой модели миропорядка². Пятнадцать лет спустя началась специальная военная операция (СВО – далее) на Украине.

С.М.: Сегодня ряд исследователей описывает противостояние России и Запада в категориях «новой холодной войны»³. Но полного тождества между реалиями ялтинско-потсдамского мира и сегодняшним днем быть не может. Взять хотя бы отсутствие биполярности. Как бы Вы охарактеризовали нынешнюю ситуацию, прежде всего с точки зрения задействования силового фактора в международных отношениях? Какое определение кажется Вам наиболее точным и оптимальным?

Д.Т.: Действительно, называть нынешнее противоборство России и Запада «новой холодной войной» некорректно: ситуации конца 1940-х и начала 2020-х гг. слишком сильно отличаются друг от друга, и прямые аналогии скорее дезориентируют, чем помогают понять происходящее. На мой взгляд, период с февраля 2014 по февраль 2022 гг. можно описать как конфронтацию, противостояние преимущественно между Россией и США, а с февраля 2022 г. можно говорить о противоборстве между РФ и уже коллективным Западом во главе с США.

Если нужно как-то специально назвать это противоборство, то подходит ставшее популярным словосочетание «гибридная война»⁴. Это сочетание рифмуется с холодной войной, но в то же время это не «вторая холодная», а что-то новое. Гибридность нынешнего противоборства – в том, что оно ведется гораздо активнее и сразу на нескольких уровнях. На Украине между РФ и НАТО – в опосредованном режиме – ведется вооруженная борьба; в экономической и финансовой сферах идет «тотальная война» Запада против России; интенсивное противоборство проходит на информационном поле, в киберпространстве и даже в гуманитарной и культурной сферах. На этих «небоевых» площадках Запад задает тон.

С.М.: В 2009 г. Вы выпустили книгу, ставшую во многом пророческой. Речь об «Одином плавании»⁵, где зафиксировали неудачу российского проекта по интеграции с западным (или, как его еще называют публицисты, «цивилизованным») миром. Но в сегодняшних условиях это «плавание» становится намного более опасным с учетом отсутствия у России надежных союзников и, напротив, ужесточения и консолидации позиций ее противников. Какая гавань была бы на пути нашей страны оптимальной?

Д.Т.: Вопрос о гавани – ключевой. Фактически это вопрос о целеполагании российской внешней политики. Неудача проекта западной интеграции России подтвердила, что наша страна не может быть вписана в чужие проекты и орга-

1 «Парижская Хартия для Новой Европы» // ОБСЕ. 21 ноября 1990. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.osce.org/ru/tsc/39520> (дата обращения 18.05.2022).

2 Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Президент России. 10 февраля 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения 18.05.2022).

3 Sakwa, Richard. "New Cold War" or Twenty Years' Crisis? Russia and International Politics." *International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944-)* 84, no. 2 (2008): 241–267; Legvold, Robert. *Return to Cold War*. Cambridge: Polity, 2016.

4 Hoffman, Frank G. *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid War*. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007.

5 Тренин, Д.В. *Одинокое плавание*. – М.: Изд. Эллинина, 2009. – 182 с.

нически не способна принять над собой чужую власть или гегемонию. Следовательно, «гаванью» для России может стать положение страны-цивилизации, крупного независимого игрока мирового уровня. В геополитическом отношении Россия – это ни Запад, ни Восток; она – мировой Север. Речь не может и не должна идти ни о «возвращении в Европу», ни о превращении России в данника Китая. В плане геоэкономики РФ необходимо избежать как автаркии, так и чрезмерной зависимости от внешних финансово-экономических центров, в том числе из числа дружественных стран. Иначе говоря, рабочий режим «гавани» – это разумная открытость, финансовая и технологическая автономия и растущая инновационная составляющая.

При этом на обозримое будущее Россия останется во многом ресурсной экономикой, но с развитой переработкой сырья. С несколькими непосредственными соседями гавани создается рублевая зона, с другими странами торговля ведется в национальных валютах. Общая ориентация России в торговле и инвестициях – на незападные страны, прежде всего наиболее передовые из них. Военная безопасность России обеспечивается путем надежного сдерживания противников – ядерными, обычными и киберсредствами. РФ обладает способностью к защите непризнанных (на западе) и незащищенных (на юге) границ. Москва также проводит эффективную информационную политику, способную влиять на мировую повестку и общественное мнение.

Стратегическая линия России не должна быть направлена ни на ниспровержение существующего миропорядка во главе с США, ни на возвращение в старый западоцентричный мир на новых – более благоприятных для себя – условиях.

В плане миропорядка целью должно стать выстраивание новой системы международных отношений со странами Не-Запада и формирование в сотрудничестве с ними новой повестки дня для последовательного продвижения.

В плане миропорядка целью должно стать выстраивание новой системы международных отношений со странами Не-Запада и формирование в сотрудничестве с ними новой повестки дня для последовательного продвижения. В двусторонних отношениях приоритет стоит отдавать союзникам – Белоруссии и Казахстану – и ключевым мировым державам: Китаю и Индии, а также Бразилии. Очень важны отношения с региональными игроками: Турцией, Ираном, Пакистаном, членами АСЕАН, государствами Ближнего и Среднего Востока. На многостороннем треке имеет смысл сосредоточиться на взаимодействии на незападных площадках: ЕАЭС, ОДКБ, РИК, ШОС, БРИКС.

Стратегия в отношении Запада – это надежное сдерживание противника, его последовательное принуждение к фактическому признанию российских интересов безопасности и новых границ, поощрение выгодных России экономических связей и эрозия антироссийского санкционного режима, активная экономическая и технологическая разведка и наступательная информационная политика. Даже в ходе «одиочного плаванья» Россия не только должна, но и может проводить активную внешнюю политику. Чтобы поход к «гавани» был успешным, внешняя политика Москвы должна опираться на прочную политическую, экономическую и ценностную основу

внутри страны, быть органично связанной с внешнеэкономической политикой и реализовываться как единое целое¹.

С.М.: Распад Советского Союза проходил параллельно с распадом «второй Югославии» (в виде СФРЮ). Эти два процесса нередко сравнивали². И даже приходили к выводу о том, что «развод» бывших советских республик был относительно мирным. Однако сегодня мы уже точно можем сказать: Беловежские соглашения 1991 г. с их пафосом взаимного признания старых межреспубликанских границ в качестве новых межгосударственных не спасли субъекты бывшего СССР от военного противостояния. В чем, на Ваш взгляд, причина того, что постсоветское пространство пошло по пути «балканизации»? И, заглядывая вперед, можем ли мы считать, что СВО на Украине станет «последним актом» в процессе раздела советского наследия?

Д.Т.: «Балканизация» сопровождала процесс распада Советского Союза с самого начала. Советскими «Балканами» стал Кавказ. Армяно-азербайджанский конфликт в Нагорном Карабахе разразился еще в СССР и стал одним из симптомов и отчасти факторов распада Союза. Вскоре вспыхнули конфликты в Абхазии и Южной Осетии, входивших тогда в состав Грузинской ССР. На российском Северном Кавказе возник конфликт между осетинами и ингушами, а вскоре началась многолетняя война в Чечне, затронувшая также соседние Ингушетию и Дагестан. Не забудем о вооруженном конфликте в Приднестровье и о кровопролитной гражданской войне в Таджикистане.

В то же время признание – главным образом Российской Федерацией – административных межреспубликанских границ в качестве государственных, вероятно, предотвратило в начале 1990-х гг. конфликты на постсоветском пространстве по югославскому образцу. Москва пошла на признание границ, оставлявших 25 млн русскоязычных жителей за пределами России, рассчитывая на то, что ей удастся сохранить дружественные отношения с бывшими советскими республиками и что русская диаспора станет фактором новой интеграции. Эти надежды оказались напрасными, но распад исторической России действительно оказался гораздо более мирным, чем распад европейских империй – Британской, Французской, Португальской.

За сравнительно мирным распадом СССР в начале 1990-х гг. в конце 2000-х стартовал другой процесс – передел границ уже суверенных государств, возникших на месте бывшего Союза. Едва ли не главным фактором, запустившим этот процесс, стало расширение НАТО. В 2008 г., вскоре после короткой войны в Южной Осетии со стремившейся в западный альянс Грузией, Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии. В 2014 г., сразу после прозападного переворота в Киеве, Россия установила контроль над Крымом и практически немедленно, организовав референдум на полуострове, включила эту территорию в свой состав. Одновременно Россия поддержала Донецк и Луганск, провозгласившие свои области – также на основе референдумов – независимыми республиками, и затем в течение восьми лет помогала ДНР и ЛНР отбивать попытки Киева восстановить свою власть в Донбассе.

1 Тренин, Д.В. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. – М: Альпина паблишер, – 2021.

2 Vujčić, Veljko. *Nationalism, Myth, and the State in Russia and Serbia: Antecedents of the Dissolution of the Soviet Union and Yugoslavia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Заявленная цель СВО, начатой Россией на Украине 24 февраля 2022 г., состоит в защите ДНР и ЛНР и возвращении под их контроль тех районов двух бывших украинских областей, которые были заняты украинскими войсками в 2014–2015 гг. Помимо этого, в ходе СВО Вооруженные силы РФ взяли под контроль часть южноукраинских территорий – Херсонскую и часть Запорожской областей. На этих территориях Москва создает свои военно-гражданские администрации, вводит российский рубль и проводит другие мероприятия, интегрирующие Херсон и Запорожье с Россией. Под контролем российских войск уже находятся некоторые районы Харьковской и Николаевской областей. Дальнейшее развитие СВО может привести к тому, что Россия займет Николаев, Одессу и Харьков. Судьба всех этих территорий, которые в России часто называют Новороссией, а также будущее остальной Украины зависят от конечных итогов СВО. На определенном этапе нельзя исключать и де-факто раздела Украины между Россией и странами НАТО (прежде всего Польшей и, возможно, Румынией), которые могут попытаться взять под контроль западные области Украины, где будет базироваться признанное Западом правительство Украины.

В случае перехода Одесской области под контроль РФ встанет вопрос о будущем Приднестровья. Один из возможных вариантов развития конфликта – изменение статуса непризнанной ПМР, ее окончательный развод с Молдавией и соединение с дружественными России территориями Новороссии. В случае реализации этого сценария нельзя исключать вхождения Молдавии в состав Румынии, где Бессарабия (но не Приднестровье) уже находилась в 1918–1940 гг. Правда, при этом встанет вопрос о Гагаузии, расположенной западнее Днестра, но тяготеющей к России.

Возвращаясь к Кавказу, следует иметь в виду, что Баку полон решимости не допустить вторичной заморозки карабахского конфликта и установить фактический контроль над всей территорией Нагорного Карабаха. Международно признанные границы при этом не изменятся, но успех Азербайджана и стоящей за ним Турции, если Москва по тем или иным причинам его допустит, будет означать полный исход армян из Карабаха и дальнейшее существенное изменение баланса сил в Закавказье в пользу Анкары и Баку. Другим изменением нынешнего статус-кво может стать добровольное вхождение Южной Осетии, которая по ряду очевидных причин не смогла состояться как независимое государство, в состав России, где она соединится с российской Северной Осетией¹.

Неожиданным исключением из «передельного процесса» стали страны Средней Азии и Казахстан. Границы между советскими республиками здесь были проведены довольно произвольно, в результате чего ряд этнических групп оказались разделенными границами. В советский период это не имело особого значения, но с получением этими республиками независимости ситуация изменилась. Тревожным фактором являлось непосредственное соседство с нестабильным

1 Проигравший в мае 2022 г. президентские выборы в Южной Осетии Анатолий Бибилов за 10 дней до своего ухода в отставку и инаугурации преемника назначил референдум в республике по вопросу о ее вхождении в состав Российской Федерации. Тем не менее Москва сдержанно отнеслась к этому предложению, не желая в условиях военной операции на Украине обострять отношения с Грузией. 30 мая 2022 года Алан Гаглоев, вновь избранный югоосетинский лидер приостановил указ своего предшественника о проведении референдума до завершения всеобъемлющих политических консультаций с руководством РФ.

Афганистаном. Неудивительно, что после распада СССР этот регион многими рассматривался как пороховой погреб. Тем не менее в этой части бывшего Союза границы остались стабильными, конфликты – за исключением внутритаджикского – сравнительно управляемыми. На будущее необходимо исходить из того, что именно внутренние конфликты в странах Центральной Азии представляют наибольшую опасность для стабильности региона. В начале января 2022 г. самая стабильная, как считалось, страна региона – Казахстан – преподнесла всем неожиданный, но важный урок. России пришлось срочно спасать ситуацию отправкой в Казахстан миротворческих сил ОДКБ.

Таким образом, передел геополитического пространства бывшего СССР еще далеко не закончен. Военная сила будет играть в этом процессе существенную роль.

С.М.: В современных исследованиях по проблемам мира и войны общим местом стали рассуждения о «гибридных» противостояниях. Более того, их подают как нечто новое в межгосударственных отношениях. Но не сомнительна ли такая «новизна»?¹ Разве не использовали в прежние годы разные государства тактику непрямого вмешательства в дела других стран? Взять хотя бы советских добровольцев в Испании 1930-х гг. или добровольцев из Китая во времена Корейской войны. В чем, по Вашему мнению, особенность «гибридных войн» дня сегодняшнего?

Д.Т.: Если под «гибридностью» понимать использование различных инструментов и методов – «квази», «прокси» и т.д. – применения силы, то примеры такого комплексного силового подхода можно найти в глубокой древности. Взять хотя бы стратагемы китайских правителей и полководцев. Военные интервенции осуществлялись в самых разных формах и под различными предлогами. Достаточно обратиться к истории иностранного вмешательства в российские дела в период Гражданской войны 1918–1920 гг.

Раньше я употреблял сочетание «гибридная война» для описания нынешнего противоборства коллективного Запада и России. Сделал это, сознательно взяв часто употребляемое выражение, похожее на холодную войну, но отличное от нее. В моем представлении, идущая сейчас «гибридная война» между РФ и американским блоком – такой же уникальный вид противоборства, как советско-американская холодная война 1940-х–1980-х гг. Главная особенность нынешнего противоборства по сравнению с холодной войной – в том, что оно проходит в условиях глобализованного мира, экономической взаимозависимости, логистической связанности, единого информационного пространства, с использованием технологий, которые прежде не только не существовали, но были просто немыслимы.

С.М.: Войны и конфликты не исчезли из мировой повестки дня. Однако на фоне растущей турбулентности мы видим постоянные апелляции к авторитету

Таким образом,
передел
геополитического
пространства
бывшего СССР
еще далеко не
закончен. Военная
сила будет играть
в этом процессе
существенную
роль.

1 Krasner, Stephen D. *Sovereignty: Organized Hypocrisy*. Princeton: Princeton University Press, 1999.

международного права. Делают это и США, и Россия, и Китай, и Иран с Турцией¹. Какова ценность международного права сегодня? Это только декларации или мы можем говорить о запросе на некие правила игры на мировой арене? Могут ли международные отношения выйти из состояния нынешнего политико-правового релятивизма? И что для этого необходимо?

Д.Т.: Международное право – это не аналог правовой системы государства с обязательными к исполнению законами, санкциями за их нарушение и корпусом стражей порядка, судами и тюрьмами для преступников. Фактически это сумма соглашений, свободно заключенных суверенными государствами, из которых эти государства вольны выйти в любой момент. Международная система в принципе анархична, она не предполагает международной иерархии, в которой отдельные государства оказываются в подчиненном положении у других государств или организаций. Итак, международное право – это, в сущности, право международных договоров и соглашений.

На деле, конечно, миропорядок определяется не правовыми положениями, а силовыми реалиями. Устав ООН был выработан победителями во Второй мировой войне, которые обеспечили себе право вето в Совете Безопасности (СБ) и создали правовой механизм для осуществления военной интервенции (миротворчество) и принуждения к миру (ведение военных действий). СБ ООН мог бы стать мировым правительством, действовавшим на основе Устава – таковой была идея президента США Франклина Рузвельта, – если бы между постоянными членами Совета существовало устойчивое согласие. С окончанием войны, однако, союзные державы превратились в противников в новой – уже холодной – войне. Тем не менее в ходе противостояния противники вынуждены были соблюдать определенные нормы и правила, поскольку в биполярном мире ни одна из сторон не имела явного перевеса.

Ситуация изменилась после окончания холодной войны и установления мировой гегемонии США. Временное прекращение соперничества великих держав в условиях, когда Россия оказалась серьезно ослабленной, а поднимавшийся Китай был сосредоточен на проблемах экономического развития, привело к тому, что США получили возможность распространить свои нормы и правила, даже свое национальное право на весь мир. Международное право, основанное на договоренностях, стало подаваться в США и в Европе как слишком консервативное и устаревшее. Вместо него Запад предложил «мир, основанный на правилах», т.е. сумму норм и правил, сформулированных в США и Европе и корректируемых ими же. США в принципе не признают никакой власти над собой, включая ООН, международное право и мнение союзников. С правилами по-американски, в свою очередь, не согласны Россия, Китай и ряд других незападных государств, отстаивающих традиционное право, основанное на договоренностях.

Декларируемая приверженность государств международному праву не означает, конечно, безусловное подчинение тем или иным нормам. Такие сильные, самостоятельные государства, как Россия и Китай, действуют сообразно своим национальным интересам и представлениям. Это в полной мере относится, в част-

1 Ōnuma, Yasuaki. *International Law in a Transcivilizational World*. Cambridge University Press, 2017.

ности, к политике Москвы в украинском вопросе. При необходимости Москва и Пекин применяют вето в СБ ООН и могут позволить себе лишь принимать к сведению негативное для них голосование в Генеральной ассамблее ООН. Надо иметь в виду, что в современных условиях такие понятия, как «агрессия» или «санкции», могут применяться в контексте международного права только по решению СБ ООН, где каждый из пяти постоянных членов имеет право вето. Соответственно, санкции против РФ, объявляемые США или Евросоюзом, в России называют «незаконными», хотя это и не мешает Западу их множить. В свою очередь, западные государства говорят о «незаконной агрессии России» и «незаконной аннексии и оккупации» ею украинских территорий, но решающее значение имеет то, что реально происходит на земле.

Менее крупные игроки тоже имеют возможность не обращать внимания на международное право. Одни – такие как Израиль или Турция – потому, что могут всегда рассчитывать на понимание их действий, например, в Сирии или Ираке со стороны старшего союзника, США. Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты уже много лет ведут войну в Йемене, которая – несмотря на многочисленные жертвы и лишения – очень скупо освещается в западных СМИ и логично не вызывает протесты западных столиц, поскольку Эр-Рияд и Абу-Даби считаются региональными союзниками США и являются покупателями больших партий американских и других западных вооружений. Кроме того, арабские страны Залива противопоставят Ирану, которого в США уже больше 40 лет числят врагом. Со своей стороны, Иран и Северная Корея, ставшие странами-изгоями для Запада, пользуются свободой действовать без оглядки на Вашингтон и его союзников.

Международное право имеет ценность – в тех пределах, в которых оно реально способно действовать. Запрос на некие общие правила игры на международной арене в принципе существует. Без соблюдаемых всеми правил в мире правит хаос. Такие правила, однако, могут стать только результатом установления той или иной формы миропорядка и согласия основных государств с этим порядком. Но именно миропорядок и является сейчас главным предметом конфронтации между США и КНР и «гибридной войны» между Россией и Западом. Пока это противостояние на одном фронте и противоборство на другом не приведут к устойчивому равновесию в мире, ни о каких общих правилах речи быть не может. Все разговоры о мирном договоре по Украине, не говоря уже о «Хельсинки-II» для Европы, сейчас беспредметны. Основы для них пока нет и в обозримом будущем не будет.

Саудовская Аравия
и Объединенные
Арабские Эмираты
уже много лет
ведут войну в
Йемене, которая –
несмотря на
многочисленные
жертвы и
лишения – очень
скупо освещается
в западных
СМИ и логично
не вызывает
протесты
западных столиц,
поскольку Эр-
Рияд и Абу-
Даби считаются
региональными
союзниками
США и являются
покупателями
больших партий
американских и
других западных
вооружений.

На мой взгляд, если говорить в целом об отношениях России и Запада, международно-правовой релятивизм из них уже исчез. Такой режим сохранялся до 24 февраля 2022 г., но затем в течение нескольких недель действия стран Запада в отношении валютных резервов Центрального Банка РФ, зарубежной собственности российских граждан, российских средств массовой информации и так далее фактически разрушили фундаментальные основы отношений России и Запада. Растущая вовлеченность стран НАТО в военное противостояние на Украине фактически превратила эти страны не просто в недружественные, а откровенно враждебные по отношению к России государства.

Цитирование

Тренин, Д.В. Гибридность как главная черта современных международных конфликтов // *Международная аналитика*. – 2022. – Том 13 (2). – С. 12–22.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-12-22>

For citation

Trenin, Dmitry V. "Hybridity as a Central Feature of Contemporary International Conflicts."
Journal of International Analytics 13, no. 2. (2022): 12–22.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-12-22>

Победы и поражения США и РФ в асимметричных конфликтах XXI века

Дериглазова Лариса Валериевна, НИ ТГУ, Томск, Россия

Контактный адрес: dlarisa@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности вооруженных конфликтов в начале XXI в. через призму теории асимметричного конфликта. В рамках теории выделяют базовые и сопутствующие асимметрии, которые определяют причины политического, а не военного поражения развитых стран в войнах против относительно слабых противников. В начале XXI в. большая часть вооруженных конфликтов имеет выраженные признаки множественных асимметрий, что влияет на ход и результаты конфликтов. На основе теории можно выделить несколько важных аспектов, которые следовало бы учитывать военным и политикам при планировании и проведении военных операций. Среди них: легитимность военных операций с точки зрения международного права, нейтрализация антивоенных настроений, минимизация потерь военнослужащих, обеспечение безопасности населения в зоне военных действий. Для зарубежной аналитики характерен фокус на причинах неудач США и других государств Запада в военных операциях в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии. Среди причин неудач называют непонимание культуры и особенностей стран ведения военных действий, режим оккупации, попытки нацистроительства. Некоторые зарубежные эксперты отмечают, что РФ гораздо успешнее участвует в асимметричных конфликтах XXI в. Среди российских военных экспертов заметен интерес к разработке стратегии «асимметричной войны» в рамках геополитического противостояния со странами Запада. Универсальный характер имеет тенденция развития бесконтактных методов ведения борьбы и привлечения частных военных компаний для нейтрализации антивоенных настроений и минимизации потерь военнослужащих. При этом все более острой является проблема неизбирательности таких методов ведения войны и их соответствия международному праву. Теория асимметричного конфликта является теорией международных отношений, основные презумпции которой полезно учитывать политикам и военным в процессе принятия решений о начале военных действий и возможности достижения политических целей военными средствами, а не только для нахождения победоносных стратегий в асимметричных конфликтах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*асимметричный конфликт, теория асимметричного конфликта,
асимметричная война, США, РФ*

Целью статьи является рассмотрение вооруженных конфликтов начала XXI в. с использованием теории асимметричного конфликта. Такая постановка проблемы объясняется несколькими обстоятельствами. Теория асимметричного конфликта была разработана применительно к военному опыту великих держав на периферии международной системы в период распада колониальных империй¹. Согласно изначальной формулировке, асимметричные конфликты представляли собой вооруженное столкновение несоизмеримых по силе и статусу противников, где сильная сторона (великая держава) проигрывала слабому противнику. Многочисленные вооруженные конфликты послевоенной эпохи имели несколько особенностей, что позволяло экспертам применять термин «асимметричный» и вне предложенной теории. Конфликты были преимущественно внутренними, где борьба происходила между государственными и негосударственными акторами, оспаривающими центральную власть, – *асимметрия статусов* противников. В большинстве таких конфликтов слабая сторона использовала партизанские и террористические методы борьбы против регулярных вооруженных сил превосходящего противника – *асимметричные методы* борьбы. Значительная часть внутренних конфликтов на периферии мировой системы была интернационализирована за счет участия развитых стран – *асимметрия силовых возможностей* и ресурсов.

Чаще всего в первые два послевоенных десятилетия воевали Франция и Великобритания на территориях, входивших в колониальные империи. В течение всего послевоенного периода активно воевали также США, СССР/РФ и КНР². Все пять стран являются постоянными членами Совета Безопасности ООН, владеют ядерным оружием и обладают статусом великой державы. Термин «великие державы» является все более дебатруемым, причем для России и США этот статус воспринимается как приемлемый и даже желаемый³. Первые два десятилетия XXI в. дают примеры вооруженных конфликтов с участием развитых стран, однако эти кампании не всегда заканчиваются победой – военной или политической⁴. Многие аналитики, журналисты, политики и военные используют термин «асимметричный» для характеристики актуальных конфликтов, при этом остается открытым вопрос: насколько применение термина соотносится с теорией асимметричного конфликта? Отвечая на него, необходимо уточнить: какую эвристическую ценность имеет данная теория для понимания сути текущих конфликтов? Какое значение имеет теория в процессе принятия решений о начале вооруженных действий и как она учитывается в стратегии и тактике?

В статье основной акцент делается на опыте асимметричных конфликтов и интерпретации теории асимметричного конфликта в США и РФ. Вначале будет кратко представлена теория асимметричного конфликта, затем особенности вооруженных конфликтов начала XXI в. и их результаты. Анализ использования презумпций теории асимметричного конфликта позволит сделать вывод о ее эвристической ценности и прикладном использовании.

1 Mack 1975.

2 Deriglazova 2014, 101–109.

3 Cleveland, Egel 2020; Боришполец 2022.

4 Angstrom, Duyvesteyn 2006.

Теория асимметричного конфликта

Пионером разработки теории асимметричного конфликта по праву считают политолога Э. Мака, который в 1975 г. сформулировал ее основные идеи в статье «Почему большие нации проигрывают малые войны?». Э. Мак, основываясь на анализе войны США во Вьетнаме 1962–1975 гг., доказывал, что асимметричные конфликты показали неспособность великих держав доминировать в третьем мире. В асимметричных конфликтах великие державы терпели политическое, а не военное поражение, что показывает ограниченность стратегического анализа, основанного на учете преимущественно силовых возможностей противников. В рамках теории Э. Мак разделит политическое и военное поражения, так как великие державы даже при военном доминировании вынуждены прекращать военные действия, не достигнув поставленных целей. Привычная формула установления мира на условиях сильной и победившей стороны была разрушена.

Э. Мак выдвинул несколько гипотез о причинах парадоксального поражения великих держав: 1) потеря ими политической воли к продолжению войны; 2) логика ограниченной войны для сильной стороны против тотальной войны для слабой стороны; 3) применение асимметричных стратегий борьбы слабой стороной; 4) влияние невоенных факторов на исход борьбы – внутривнутриполитических, социальных, международных¹. Во второй половине XX в. многие исследователи обращались к проблеме поражения сильных противников, не всегда используя теорию асимметричного конфликта². Любопытно, что Э. Мак, первооткрыватель этой теории, не опубликовал ни одной работы в ее развитие, хотя продолжал оставаться активным и авторитетным экспертом в области международных отношений до последних дней своей жизни.

Формулируя целостную теорию асимметричного конфликта, можно выделить *базовые асимметрии*, которые определяют комплекс асимметричных отношений между противниками вследствие базовых несоразмерностей. К базовым асимметриям исследователи относят ресурсные и силовые возможности противников и их статусы. *Сопутствующие асимметрии* включают: асимметричные формы борьбы (партизанские, затяжные войны с использованием террористических действий); мобилизационные возможности и отношение воюющих сторон к конфликту (воля к победе); завершение конфликта как политическое, а не военное поражение сильного и победа слабого противника (парадоксальное проявление асимметрии). Асимметричный конфликт стоит рассматривать в рамках системы, представляющей собой государство или систему международных отношений с существующей в ней иерархией сил, зависимостей и возможностей разных акторов системы³.

Потерю политической воли к продолжению военных действий у сильного участника конфликта аналитики объясняют следующими факторами: 1) затяжная война без определенных успехов; 2) борьба регулярных вооруженных сил

1 Дериглазова 2010, 52.

2 Organski, Kugler 1980.

3 Deriglazova 2014, 44–45.

против соперника, использующего партизанские и террористические формы борьбы; 3) антивоенные настроения в обществе; 4) усиление раскола в политической элите, особенно во время выборов; 5) поддержка слабого участника другими сильными противниками; 6) отрицательное отношение международного сообщества к целям и средствам ведения войны¹.

Похожим, хотя и не тождественным, образом, среди причин победы слабой стороны в конфликте исследователи отмечали факторы, совокупность которых можно объединить в аналитическую модель: 1) сохранение воли к победе и способности к массовой мобилизации людей и ресурсов на борьбу на протяжении длительного времени; 2) продолжение борьбы и отказ от поражения в противостоянии с преобладающим в силе противником; 3) поддержка населением партизан и террористических групп; 4) консолидация политической элиты и всего общества на борьбу; 5) получение материальной, военной, технической и иной помощи от сторонних сил; 6) апелляция к международному сообществу в поддержку справедливых целей борьбы и осуждение аморальности целей и методов ведения войны сильной стороной².

Основными единицами анализа в рамках теории асимметричного конфликта являются: статусы, силовые возможности и ресурсы участников вооруженных конфликтов, применяемые тактики и стратегии борьбы, индикаторы победы или поражения и влияние невоенных факторов. Значение некоторых факторов можно оценить, используя количественные методы: силовые и мобилизационные возможности, ресурсы, общественное мнение, людские потери, расходы на ведение войны, экономические последствия, рост оппозиционных настроений. Для других параметров оценка возможного исхода вооруженного столкновения представляется сложной задачей, требующей скорее качественных методов анализа. Такие факторы плохо поддаются квантификации, хотя попытки предпринимаются³.

Важным направлением развития теории асимметричного конфликта в начале XXI в. является обращение к причинам поражения демократий в таких войнах. Израильский исследователь Г. Мером выделил дилеммы участия демократических стран в асимметричных конфликтах. Демократиям трудно совместить жестокость методов антиповстанческих войн и ценности гуманизма, ведение войны и готовность общества на жертвы ради победы, а также обеспечить общественную поддержку войне при сохранении демократических принципов⁴. Историки и военные, которые изучали войны развитых стран в третьем мире, называли схожие причины политических неудач. Классическим сюжетом, которому посвящено огромное количество исследовательской литературы, является война США во Вьетнаме, осмысление «уроков Вьетнама»⁵.

Другое важное направление развития теории – это обсуждение выбора победоносной стратегии и тактики в асимметричных конфликтах, что отражено в работах аналитиков и военных развитых стран. Американский политолог И. Аррегин-

1 Deriglazova 2014, 52.

2 Ibid., 54.

3 Organski, Kugler 1980; Arreguin-Toft 2005; Тетерюк, Чижевский 2015; 2016; 2018; Kztzelman 2020.

4 Merom 2003, 229–231.

5 Prados 2009.

Тофт привел подсчеты побед и поражений в асимметричных конфликтах, и, согласно его данным, сильные страны потерпели поражение почти в половине столкновений после Второй мировой войны¹. И. Аррегин-Тофт предложил теорию стратегического взаимодействия и выделил два идеальных типа борьбы – прямая и непрямая. Прямые стратегии включают действия регулярной армии против вооруженных сил противника, направленные на разрушение его силовых возможностей и ресурсов, что уничтожает *способность* продолжать войну. Такие стратегии обычно называют конвенциональными. Непрямые стратегии направлены на разрушение *воли противника* к продолжению борьбы, подрыв его способности к мобилизации. По мнению И. Аррегин-Тофта, если обе стороны выбирают одинаковую стратегию (прямая / прямая или непрямая / непрямая), то сильная сторона может быстро одержать решающую победу. Если же противники выберут разные стратегии, то более вероятной будет победа слабого. И. Аррегин-Тофт указывал на *варварские формы борьбы* как часть непрямой стратегии, которую используют государственные и негосударственные акторы для достижения военных или политических целей. Среди варварских форм борьбы он назвал «намеренное и систематическое причинение вреда некомбатантам (изнасилования, убийства, пытки)»². И. Аррегин-Тофт также ссылался на проблему «социальной брезгливости демократий», которые проигрывают малые войны из-за негативного отношения общества к таким войнам. Помимо варварских методов борьбы сильная сторона втягивается в затяжные войны на истощение или вынуждена идти на кооптацию противника, что требует больших расходов, политических компромиссов и принуждения противника к политическим и экономическим реформам³.

Проблема урегулирования асимметричных конфликтов является важным аспектом их изучения⁴. Е.А. Степанова, признанный специалист по изучению конфликтов и проблем терроризма, указывает на необходимость переводить вооруженную борьбу с радикальными движениями в русло политики, интегрировать их в существующие политические структуры, что позволяет постепенно разрушать их сетевую организацию⁵. Стратегия кооптации и пацификации радикальных элементов через интеграцию в политический процесс известна давно. Она активно использовалась во время военных действий во Вьетнаме, в Северной Ирландии, в Чеченской республике, в процессе ближневосточного урегулирования⁶. Известны и проблемы, возникающие при реализации такой стратегии: непоследовательность кооптируемых радикалов, проблемы контроля над всей сетью радикальной организации, нередко высокая цена такой кооптации и ее ненадежность⁷.

Таким образом, теория асимметричного конфликта сформулирована как комплекс гипотез, которые указывают на наличие зависимостей между выявленными факторами, определяющими исход вооруженных конфликтов между не-

1 Arreguin-Toft 2005, 3–4.

2 Ibid., 31.

3 Ibid., 222–223.

4 Fisher 2010.

5 Stepanova 2008, 153, 161–164.

6 Edwards 2011.

7 Russel 2007.

равными в силе, статусе и ресурсах противниками. Исследователи верифицируют гипотезы на конкретно-историческом материале и предлагают способы учета зависимостей при оценке хода и завершения асимметричных вооруженных конфликтов с участием развитых стран.

Асимметричные вооруженные конфликты XXI в. и их результаты

Два десятилетия XXI в. продолжили тенденцию увеличения числа вооруженных конфликтов после окончания холодной войны. В «Ежегоднике СИПРИ» за 2021 г. отмечено, что в 2020 г. в 39 странах шли вооруженные конфликты, что больше, чем в 2019 г. Почти половина конфликтов (18) могут быть классифицированы как войны с большим числом жертв: в Афганистане и Йемене число жертв превышало 10 тыс. человек в год, – и 16 конфликтов достигли уровня войны (более 1 тыс. человек в год, но менее 10 тыс.). Большая часть вооруженных противостояний являлась внутренними конфликтами между правительством и организованной политической группой по поводу территории и/или власти. Значительная часть вооруженных конфликтов была интернационализирована за счет участия других стран¹. Эти данные показывают, что большая часть вооруженных конфликтов в начале XXI в. является асимметричными по базовым элементам (статусы, силовые возможности и ресурсы участников конфликтов), что отмечают многие аналитики².

Особенностью войн нового века является активное участие в них развитых стран. Наиболее заметными были военные действия коалиций стран в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии. Глобальная война с террором, объявленная США после терактов сентября 2001 г., сформировала тенденцию к превентивному вторжению и использованию военной силы против недемократических режимов. Две большие войны на Ближнем Востоке – в Афганистане в 2001–2021 гг. и в Ираке в 2003–2011 гг. – были инициированы США, однако в Ираке воевала «коалиция желающих» 49 стран, а в Афганистане осуществлялась операция стран НАТО, в которой принимало участие 30 государств. Вооруженные конфликты XXI в. с участием России включают вторую Чеченскую кампанию (1999–2009), грузино-южноосетинский конфликт, или «Пятидневную войну» (2008), а также конфликт с Украиной (продолжающийся в форме опосредованного столкновения с 2014 г. и перешедший в «горячую» фазу с февраля 2022 г.), участие в войне в Сирии (с 2015 г.) и миротворческую миссию в Нагорном Карабахе (с 2020 г.). Начало специальной военной операции (далее – СВО) России на Украине 24 февраля 2022 г.³ отражает новый уровень прямого военного столкновения двух стран при активной поддержке Украины странами НАТО и официальном осуждении действий России большинством государств, что отражено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2 марта 2022 г.⁴

1 Ian Davis, and Jaïr van der Lijn, "Global Developments in Armed Conflicts, Peace Processes and Peace Operations," SIPRI Yearbook 2021, accessed May 30, 2022, <https://www.sipri.org/yearbook/2021/02>.

2 Stepanova 2008; Tierney 2015.

3 Брифинг официального представителя Минобороны России // Министерство обороны Российской Федерации. 24 февраля 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/news/more.htm?id=12410575@egNews (дата обращения: 30.05.2022).

4 Генассамблея ООН потребовала от России «немедленно» вывести свои войска из Украины // Организация Объединенных Наций. 2 марта 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/03/1419092> (дата обращения: 27.05.2022).

Использование военной силы и военное вмешательство во внутренние конфликты в рамках миротворческих операций, операций по принуждению к миру и контртеррористических операций являются заметной тенденцией начала XXI в. Такие операции реализовывались без санкции ООН и осуществлялись в рамках широко толкуемых угроз международной или национальной безопасности. Военные операции в Афганистане и Ираке не получали одобрение ООН, однако позже действия коалиций были подкреплены специальными политическими миссиями ООН по восстановлению мира¹. С 2011 г. западные страны приняли активное военное участие в двух внутренних конфликтах на стороне оппозиционных сил – в Ливии и Сирии – без размещения военных контингентов и осуществления режима оккупации. ООН создала специальную политическую миссию для Ливии в 2011 г. с целью политического урегулирования конфликта². Для Сирии в 2014 г. был создан офис Специального посланника³.

Военные кампании в Афганистане и Ираке имели ряд важных особенностей. Они были направлены на уничтожение центров международного терроризма для обеспечения международной безопасности в долгосрочной перспективе⁴. Для ведения военных действий были сформированы большие коалиции развитых стран. Афганистан и Ирак были оккупированы иностранными войсками, была разрушена существовавшая система госуправления. Была сделана попытка создания новых местных органов власти на демократических принципах. Режим оккупации сохранялся на протяжении продолжительного времени, а вывод иностранных войск привел к резкому ухудшению ситуации в странах и в регионе в целом. После вывода войск США из Ирака в декабре 2011 г. появляется Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная в России) в форме квазигосударства, воплотившего в себе антизападную идеологию в радикальной форме⁵. В 2015 г. наибольшим вызовом безопасности стала экспансия ИГИЛ на значительную территорию Ирака и Сирии. Россия вступила в сирийский конфликт осенью 2015 г. в ответ на приглашение правительства Сирии и разместила на территории страны свои базы и военный контингент⁶. Борьба с ИГИЛ потребовала мобилизации ведущих держав, что позволило в основном уничтожить ИГИЛ к концу 2018 г., а правительству Сирии во главе с Б. Асадом – восстановить контроль над большей частью территории страны⁷.

Военные операции в Афганистане и Ираке в рамках глобальной войны против террора однозначно оцениваются большинством аналитиков как провальные. Обе операции формально завершены, однако их негативные последствия повысили, а не уменьшили уровень опасности в регионе и мире. Аналитики из

- 1 "United Nations Assistance Mission for Iraq (UNAMI)," UN DPPA, accessed May 30, 2022, <https://dppa.un.org/en/mission/unami>; "United Nations Assistance Mission in Afghanistan (UNAMA)," UNAMA, accessed May 25, 2022, <https://unama.unmissions.org/about>.
- 2 "United Nations Support Mission in Libya (UNSMIL)," UN DPAA, accessed May 30, 2022, <https://dppa.un.org/en/mission/unsmil>.
- 3 "Special Envoy Syria," UN DPAA, accessed May 29, 2022, <https://dppa.un.org/en/mission/special-envoy-syria>.
- 4 Ewans 2005.
- 5 Степанова 2020.
- 6 Миссия в Сирии // Министерство обороны РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://syria.mil.ru/split.htm> (дата обращения: 20.05.2022).
- 7 Аксенов, А. Г. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру // Валдайские записки №104. 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-104/> (дата обращения: 28.05.2022).

разных стран, в том числе США, выделяют следующие долгосрочные негативные последствия: ухудшение системы региональной и международной безопасности; разрушение существовавшего баланса сил в регионе; не уничтожение террористических групп и движений, а, напротив, создание основы для формирования новых антизападных движений радикальной направленности; гибель сотен тысяч людей, включая гражданское население; ситуация гуманитарной катастрофы в регионе и миллионные волны миграции из него; невосполнимый ущерб экономике региона, его культурному наследию и т.д.¹.

Примеры Ливии и Сирии отличаются от войн в Афганистане и Ираке тем, что не сопровождались масштабным военным присутствием иностранных государств и режимом оккупации, хотя вмешательство повлияло на местные политические институты. В случае Ливии это привело к разрушению существующих политических институтов, к расколу страны на две части и непрекращающимся военным действиям. В Сирии западные страны поддерживали оппозицию через поставки оружия и прямое военное участие без дислокации военных контингентов. Выступление России на стороне правительства Сирии позволило сохранить существующие политические институты и сокрушить ИГИЛ. Победа над ИГИЛ является успехом, но не для западной коалиции, а для официального правительства Сирии в союзе с Россией, о чем пишет в своей статье американский политолог Д. Тирни. Он назвал следующие причины поражения США в асимметричных конфликтах XXI в.: незнание особенностей местной культуры, вмешательство во внутренние гражданские войны; режим полной оккупации; уничтожение предшествовавших политических институтов и создание новых в рамках проектов по нациестроительству. Д. Тирни противопоставил неудачи вооруженных сил США успехам менее оснащенных военных сил Ирана и России, которые одерживают победы за счет знания и учета местной культуры при проведении военных операций в Грузии, на Украине, в Сирии и Ираке².

Реализация Российской Федерацией контртеррористической операции (далее – КТО) в Чеченской республике в начале 2000-х гг. оценивалась как успешная, в отличие от первой кампании, которая однозначно считалась поражением центрального правительства против «мятежной республики»³. В отличие от первой кампании, КТО проводилась не как войсковая операция, а силами МВД и специальными подразделениями. Дискурсивно КТО была вписана в глобальный контекст борьбы с террором, что позволило избежать острой критики со стороны международного сообщества⁴. Урегулирование конфликта происходило по формуле «чеченизации конфликта», то есть кооптации и привлечения на сторону федерального центра части местной элиты для подавления сопротивления⁵. Умиротворение Чечни рассматривается аналитиками как неоднозначное по своим результатам, хотя этот вопрос почти не обсуждается в терминах победы или поражения. Российские специалисты обсуждают затраты на восстановление республики и на поддержание лояльности местной политической элиты; уровень

1 Angstrom, Duyvesteyn 2006; Stepanova 2022.

2 Tierney 2021, 69.

3 Lieven 1998.

4 Golts 2004.

5 Russel 2007.

безопасности в регионе и в стране; состояние мира как персональный контракт между федеральным центром и руководством Чеченской республики; влияние политических процессов в ЧР на политические процессы России в целом¹.

Краткосрочная военная операция России в Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г. имела официальный статус «принуждения к миру»², за чем последовало размещение российских военных баз в Южной Осетии и Абхазии. Операция завершилась замораживанием конфликта между Абхазией, Южной Осетией и Грузией. Российская Федерация официально признала независимость двух республик, хотя большинство государств по-прежнему считает их территории грузинскими. Абхазия и Южная Осетия полностью зависят в вопросах обеспечения безопасности, экономически и политически от России. Исследуемые в литературе «процессы паспортизации» их граждан российскими документами³ свидетельствуют о высокой степени готовности России обеспечивать их безопасность от повторных попыток Тбилиси силой присоединить «мятежные республики».

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. обеспечивалось использованием Вооруженных сил РФ и референдумом, по результатам которого полуостров вошел в состав России⁴. Военная поддержка и присутствие регулярных подразделений Вооруженных сил РФ в Донецкой и Луганской областях Украины не признавались Россией, что позволяет наблюдателям трактовать этот конфликт как пример «войны по доверенности», где России противостоят страны-члены НАТО, а Украина является лишь местом военного столкновения. В ноябре 2016 г. в «Отчете о действиях по предварительному расследованию» прокурора Международного уголовного суда (МУС) констатировалось, что «ситуация на территории Крыма и Севастополя равнозначна международному вооруженному конфликту между Украиной и Российской Федерацией» и «продолжающемуся состоянию оккупации»⁵. СВО на Украине продолжает логику превентивного вторжения. При явном силовом доминировании России не удалось достичь быстрой победы. Размах военных действий, количество погибших среди военных и гражданского населения с обеих сторон, миллионы перемещенных лиц и беженцев – все это может быть охарактеризовано как гуманитарная катастрофа. Официальные данные с обеих сторон подтверждают гибель тысяч военнослужащих и мирных жителей, массовые разрушения в крупных городах и малых населенных пунктах, в том числе на территории Донбасса. Североатлантический альянс увеличил в несколько раз свое военное присутствие в регионе после начала военных действий, а нейтральные государства Северной Европы – Финляндия и Швеция –

1 Poltkovskaya 2003; Решиев et al. 2019; Голяндин et al. 2021; Танайлова 2021.

2 Хафизов, К. Принуждение к миру // Интерфакс. 09 сентября 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/26093> (дата обращения: 30.05.2022).

3 См., например: Nagashima 2019.

4 Райбман, Н. Путин рассказал, каковы были задачи «вежливых людей» в Крыму // Ведомости. 17 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/04/17/putin-rasskazal-cto-takie-vezhliiye-lyudi-v-krymu> (дата обращения: 29.05.2022); Прямая линия с Владимиром Путиным // Президент России. 17 апреля 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/20796/work> (дата обращения: 29.05.2022).

5 Отчет о действиях по предварительному расследованию // The Office of the Prosecutor. International Criminal Court. 14 ноября 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icc-cpi.int/iccdocs/otp/161114-otp-rep-PE-Ukraine.pdf> (дата обращения: 24.04.2022).

рассматривают вопрос о вхождении в НАТО¹. Это дает основания для сомнений в достижимости заявленных целей СВО². При этом действия обеих сторон соотносимы с основными гипотезами теории асимметричного конфликта. Обе стороны заявляют о легитимности своих действий и о следовании принципам международного гуманитарного права, обвиняя противника в нарушении принципов и норм ведения войны. Украина как более слабая сторона конфликта в ресурсном и военном отношении заручилась моральной и материальной поддержкой многих государств, что дает ей возможность продолжать военные действия против Вооруженных сил РФ.

Применение теории асимметричного конфликта

Обращение к теории асимметричного конфликта отражает ее востребованность для понимания особенностей текущих вооруженных конфликтов. По понятным причинам именно военные из развитых и активно воюющих стран проявляют наибольшее внимание к этой теории³. В США интерес к асимметричным конфликтам прослеживается с 1990-х гг., и этот термин используется в документах по стратегическому анализу⁴. С 2008 г. в США издается научный журнал «Динамика асимметричного конфликта», в котором такое противостояние трактуется как конфликт преобладающего в XXI в. типа. В 2010-х гг. в российской аналитике все чаще используются термины «асимметричный конфликт» и «асимметричная война», включая публикации в специализированных журналах «Военная мысль» и «Независимое военное обозрение». В Стратегии национальной безопасности РФ, принятой в июле 2021 г., используются термины «симметричные и асимметричные меры», которые будут применяться в ответ на недружественные действия⁵. На официальном сайте Министерства обороны РФ в разделе «Справочник по терминологии в оборонной сфере» дано определение «асимметричных военных (боевых) действий», которое содержит элементы теории асимметричного конфликта⁶.

Исследователи пытаются ответить на два взаимосвязанных вопроса, которые имеют прикладное значение: почему развитые страны проигрывают такие

- 1 Times: Швеция и Финляндия могут вступить в НАТО этим летом // Ведомости. 11 апреля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/04/11/917511-times-shvetsiya-i-finlyandiya-mogut-vstupit-v-nato> (дата обращения: 29.05.2022)
- 2 Президент РФ В.В. Путин назвал цели специальной военной операции в Украине: денацификация и демилитаризация Украины, недопущение вхождения Украины в НАТО, защита России от внешней военной угрозы со стороны западных стран и обеспечение безопасности жителей Донецкой и Луганской областей Украины. См.: Владимир Путин выступил с обращением. Стенограмма // Российская газета. 24 февраля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/02/24/vladimir-putin-vystupil-s-obrashcheniem-k-rossiianam.html> (дата обращения: 29.05.2022).
- 3 См., например: Saforio 2012; Cassidy 2003; Ewans 2003; Helmer 2007; Johnson, Tierney 2006; Thornton 2007; Сучков, М.А., Тэж, С. Будущее войны: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Валдайский клуб. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/28848/> (дата обращения: 27.05.2022).
- 4 См., например; Дериглазова 2010, Сушенцов 2014.
- 5 Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=0001202107030001> (дата обращения: 27.05.2022).
- 6 «Асимметричные военные (боевые) действия – вид военных (боевых) действий, характеризующихся: неравенством сил, средств, технологий и ресурсов сторон конфликта, когда каждая сторона выбирает наиболее эффективную стратегию (тактику) ведения вооруженной борьбы, исходя из имеющихся возможностей (традиционный подход); совокупностью стратегий и тактик вооруженной борьбы, нарушающих логику традиционных (классических) военных (боевых) действий (тактико-стратегический подход). К асимметричным действиям относятся: партизанские, диверсионно-разведывательные, диверсионно-террористические, террористические и другие действия». По данным: Справочник по терминологии в оборонной сфере // Министерство обороны РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.mil.ru/folder/123102/item/129185/> (дата обращения: 28.05.2022).

войны и как они могут в них победить¹. Прикладная аналитика сфокусирована на трех основных факторах: 1) нейтрализация антивоенных настроений и критики со стороны международного сообщества; 2) обеспечение лояльности населения страны, на территории которой происходят военные действия; 3) выбор победоносной тактики и стратегии.

Одним из факторов поражения развитых стран в асимметричных конфликтах является отрицательное отношение населения воюющих стран и международного сообщества. Учитывая низкую легитимность использования военной силы в настоящее время, в развитых странах обращают особое внимание на легитимацию целей войны для обеспечения поддержки гражданами своей страны и мировым сообществом. Воюющие государства обращаются к международным организациям, таким как ООН, апеллируя к ценностям демократии и гуманизма.

Для поддержания положительного отношения к военным действиям в своей стране важным является достижение поставленных целей в наиболее короткие сроки и с минимальными потерями среди военнослужащих и гражданского населения в зоне военных действий. Ход вооруженного конфликта на Украине соответствует логике асимметричного конфликта. Власти Украины заявляют, что ведут тотальную войну за выживание нации, объявив всеобщую мобилизацию и направив все имеющиеся ресурсы на борьбу. Как отмечают аналитики, для Украины в данном конфликте важно не потерпеть очевидного военного поражения, и поэтому продолжение военного сопротивления представляется правящим элитам важным. Россия же планировала конфликт как ограниченный, что зафиксировано в самом названии «специальной военной операции», с ожиданием достижения быстрой победы с минимальными затратами и жертвами. Аналогичные планы строили в администрации Дж. Буша-мл, планируя за короткие сроки свергнуть режим С. Хусейна и утвердить демократический режим в Ираке (2003).

Г. Мером указал на стратегии, к которым все чаще прибегают развитые страны для снижения потерь среди военнослужащих и нейтрализации антивоенных настроений: использование дистантных и бесконтактных методов борьбы, активное использование частных военных компаний вместо регулярной армии². Оба способа позволяют уменьшить влияние военных действий на общество и сделать войну более «удаленной и несущественной». Следование этим стратегиям заметно в большинстве вооруженных конфликтов начала XXI в. Все чаще воюющие страны используют высокоточное оружие дальнего радиуса действия и беспилотные летательные аппараты для нанесения ударов по намеченным целям. Для армии США с 1990-х гг. характерно неуклонное уменьшение численности военного персонала и резкое увеличение числа боевой техники, не требующей непосредственного управления человеком, во всех родах войск³. Российская армия использует дроны и средства дистанционного поражения целей противника, что прослеживается в ходе СВО.

1 Johnson 2006; Gross 2009; Kaempf 2018.

2 Merom 2012.

3 Morgan, Cohen 2020, 10.

Но важно учитывать критику дистантных стратегий, так как соответствующие действия могут рассматриваться как неизбирательное и непропорциональное применение военной силы¹. В результате таких ударов не проводится необходимое разграничение между военными и гражданскими объектами и гибнет гражданское население. Точечное уничтожение лидеров противоборствующей стороны также может рассматриваться как внесудебная расправа². США и Израиль наиболее часто сталкиваются с подобной критикой борьбы против радикальных сил в регионе Ближнего Востока³.

В рамках проекта «Новая асимметричная война в теориях международных отношений» (грант РГНФ, 2015–2017) А.С. Тетерюк и Я.А. Чижевский использовали методы статистического анализа для проверки эффективности бесконтактных методов борьбы. Подсчеты для военных действий международной коалиции в Афганистане выявили устойчивую положительную связь (корреляцию) между количеством нанесенных авиаударов посредством дронов и интенсивностью атак боевиков против сил коалиции. Это означает, что интенсификация авианалетов приводила к увеличению числа терактов против сил коалиции. Данный вывод ставит под сомнение уверенность в эффективности такого способа борьбы и указывает на некие «важные вопросы морально-этического и юридического характера», которые необходимо решать воюющим странам и всему международному сообществу⁴.

Еще одним значимым аспектом обеспечения победы в асимметричных конфликтах является учет их особенности как войны среди людей, то есть происходящей при постоянном присутствии гражданского населения в зоне военных действий⁵. Для достижения успеха военной кампании необходимо обеспечить безопасность гражданского населения. Проблема обеспечения безопасности и лояльности его по отношению к вооруженным силам развитых стран была сформулирована во второй половине XX в. как борьба за умы и сердца людей британскими военными, которые принимали участие в многочисленных операциях в распадающейся империи⁶. Американские аналитики много писали о стратегиях выполнения этого условия успеха. По мнению А. Лотера, в Афганистане на 2007 г.⁷ военной коалиции в целом удалось решить эту проблему, по сравнению с постоянно ухудшающимся положением в Ираке. А. Лотер полагал, что США смогли обеспечить лояльность местной политической элиты и решили целый комплекс проблем: безопасность местного населения, возвращение беженцев, примирение враждующих племен, подготовка местных сил безопасности, помощь афганцам в проведении реформ в экономике, политике, сфере медицинского обслуживания, образовании, преодоление наследия исламистского режима в отношении женщин⁸.

Прямо противоположную оценку действий коалиции по политическому преобразованию Афганистана дает французский антрополог иранского происхожде-

1 Paulus, Vashakmadze 2009.

2 Weiner 2017; Lefeez 2013.

3 Lieblich, Alterman 2015.

4 Тетерюк, Чижевский 2016, 191–199.

5 Smith 2005.

6 Stubbs 1989; French 1990; Дериглазова 2009.

7 Lowther 2007, 143.

8 Ibid., 135–137.

ния Ф. Адельха, которая полагает, что международная помощь парадоксальным образом усилила фрагментированность афганского общества по этническим и конфессиональным линиям¹. Полный вывод войск США в августе 2021 г. привел к захвату власти «Талибаном». По сути, все многолетние усилия западной коалиции по трансформации Афганистана из страны, представляющей угрозу с точки зрения терроризма и наркотрафика, в демократическую процветающую страну оказались тщетными. При этом военная операция стоила значительного числа жизней афганцев, стала причиной массовой эмиграции, а само движение «Талибан» считается террористическим многими государствами, включая США и Россию. В публикациях американских военных экспертов идет дальнейшая разработка проблемы обеспечения лояльности населения по отношению к воюющей стороне². Эта проблема находит отражение и в работах российских военных экспертов³.

В российской аналитике термин «асимметричный» закреплен в двух концепциях – «асимметричный ответ» и «асимметричная война» – с акцентом на идеологическое и стратегическое противостояние России с развитыми странами и, в первую очередь, с США. Концепция «асимметричного ответа» стала реакцией на Стратегическую оборонную инициативу (СОИ) США в 1983 г., когда СССР смог найти уязвимые компоненты в системе противоракетной обороны США, разработал методы поражения этих компонентов, что делало СОИ неэффективной⁴. Таким образом, асимметричный ответ рассматривается как компенсация неравенства в силовых возможностях и отказ от достижения паритета или преодоления силового доминирования в определенной сфере. Такое видение асимметричного ответа характерно для военно-стратегических и внешнеполитических доктрин. Интересно, что для американских аналитиков это – проблема прогнозирования асимметричного ответа на вызовы держав «второго эшелона», которые не могут прямо противостоять силовому преобладанию США⁵, для российских же военных этот подход подразумевает поиск уязвимых мест у сильного противника⁶.

Концепция «асимметричной войны» разрабатывалась в России в 2010-е гг. с целью выработки асимметричных способов борьбы в рамках геополитического противостояния со странами Запада. Суть концепции асимметричных войн как разновидности геополитического противоборства отражена в коллективной статье российских авторов, опубликованной в журнале *"Survival"*⁷. Авторы указывают, что российские военные сделали пять основных выводов из событий в Сирии и на Украине: 1) внешние силы будут стремиться минимизировать свое прямое участие в конфликте, действуя чужими руками для реализации своих интересов; 2) учитывая быстрое развитие событий и чтобы избежать поражения, Вооруженные силы РФ должны развивать мобильные ударные комплексы, которые позволят наносить постоянные и ощутимые удары по противнику; 3) необходимо раз-

1 Адельха 2022.

2 Cleveland, Egel 2020.

3 Маричев et al. 2021.

4 Кокошин, А.А. Асимметричный ответ номер один // Независимое военное обозрение. – 27 июля 2007. https://nvo.ng.ru/concepts/2007-07-27/4_otvet.html?print=Y; Ознобищев et al. 2008.

5 Morgan, Cohen 2020, 33–37.

6 Хомутов 2021.

7 Chekov et al. 2019.

витие высокоточного оружия, способного наносить удары по выбранным целям на большом удалении; 4) возможность одновременного возникновения угроз безопасности России с разных направлений требует проведения постоянных маневров различных родов войск и размещения передовых мобильных подразделений, включая морское базирование; 5) развитие и совершенствование военной инфраструктуры за пределами России позволит сократить время для возможного нанесения ответного военного удара¹.

Военные специалисты И.В. Максименков и А.С. Богданов дают следующую классификацию «неконвенциональных (асимметричных) способов и методов геополитического противоборства»: «наркоторговля и использование доходов от нелегальной деятельности для финансирования протестов оппозиционных движений и покупки лояльных местных СМИ» с целью «дестабилизации общества»; «перехват управления над крупнейшими корпорациями, разрушение установившегося экономического порядка»; «борьба в медиапространстве» как «противостояние сеток вещания» и медиахолдингов в интересах формирования выгодного для себя информационного пространства; «распространение дезинформации для дискредитации органов государственного и военного управления страны противника, подавления воли личного состава ВС и населения к сопротивлению»; «борьба в сфере международного законодательства», под которой подразумевается «присвоение себе права первым устанавливать правила регулирования международной деятельности в новой сфере»². Схожим образом термин «асимметричный» используется для описания гибридных угроз и гибридных конфликтов в других публикациях российских военных³.

Концепция «асимметричной войны» рассматривается российскими военными как разновидность стратегии борьбы с прокси-противником. Так, А.А. Селиванов и С.В. Чварков указывают на необходимость выработки «аналитической модели асимметричного конфликта» для эффективного решения прагматических задач ведения асимметричных противоборств и критикуют применявшиеся теоретические подходы и политику США в Афганистане и Ираке по формированию лояльности местного населения. Однако эксперты не предлагают нового и оригинального видения асимметричного конфликта, их основное внимание уделено реализации успешной военной стратегии в прокси-войнах, в которых нерегулярные военные формирования получают поддержку от внешних сил. Авторы предлагают классификацию военных действий с прокси-противником в формате «асимметричной войны» для вооруженных сил РФ и Республики Беларусь. Анализ предложенных принципов показывает, что некоторыми российскими военными асимметричные войны зачастую трактуются как опосредованная борьба со странами Запада. Впрочем, эти специалисты не развивают саму теорию асимметричного конфликта и не анализируют причины неудач в таких конфликтах⁴.

1 Chekov et al. 2019, 38–40.

2 Максименков, Богданов 2021, 44–45.

3 Злобин et al. 2021.

4 Селиванов, А.А., Чварков, С.В. Методологический подход к определению асимметричного конфликта: Оценка возможностей, целей, идеологий и мотиваций враждующих сильной и слабой сторон // Независимое военное обозрение. 27 марта 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2020-03-27/1_1087_methodology.html?print=Y (дата обращения: 30.05.2022).

Таким образом, можно отметить явные совпадения и различия в использовании презумпций теории асимметричного конфликта в прикладном анализе в США и России. К совпадающим позициям следует отнести основные факторы, которые учитываются при выработке военных стратегий (легитимность военных действий, минимизация потерь, лояльность населения). Отличия заключаются в том, что военные и аналитики США зачастую прямо обсуждают причины неудач своих военных компаний. Для российской аналитики характерны фокус на разработку концепции «асимметричной войны» как прокси-войны в геополитическом противостоянии и отсутствие критики российских военных действий.

Выводы

Асимметричные конфликты представляют исследовательский парадокс, который показывает ограниченность существующих теорий международных отношений и стратегического анализа, главной категорией которых является понятие силы (*power*). Военные и политики из развитых стран являются интересантами развития этой теории, чьи выводы пригодны для практического использования. Для аналитиков, политиков и военных важно выяснить уроки асимметричных конфликтов, с тем чтобы предотвратить повторение унижительных политических провалов, гуманитарных катастроф, многочисленных жертв и ухудшения безопасности как прямого следствия применения военной силы. Эти обстоятельства делают теорию асимметричного конфликта востребованным аналитическим инструментом, который помогает военным и политикам выработать победоносные стратегии и политику.

Несмотря на то что само содержание понятия «асимметричный конфликт» и разработка теории асимметричного конфликта часто вызывают споры и даже раздражение из-за недостаточной согласованности применения терминов¹, можно утверждать, что основные презумпции этой теории и ее элементы востребованы с точки зрения прикладного анализа и использования военными и политиками. При этом теория как таковая не является для военных и стратегов практическим пособием о том, как выигрывать войны, что нередко вызывает их сожаление². Теория выявляет комплекс факторов и зависимостей, которые включают как военно-стратегические, так и невоенные параметры, и рассматривает вооруженные конфликты как часть социально-политического взаимодействия, где военные факторы подчинены политическим и социальным. Теория достаточно точно указывает на причины поражения сильных государств в асимметричных вооруженных конфликтах, и в военных стратегиях было бы логично учитывать эти обстоятельства. Вклад в развитие теории внесли аналитики, которые имели военный опыт (Э. Мак, Г. Мером, Й. Аррегин-Тофт и др.), что отражает понимание практических особенностей организации военного дела в армиях ведущих стран мира.

1 Степанова 2010; Berglund, Souleimanov 2020; Селиванов, А.А., Чварков, С.В. Методологический подход к определению асимметричного конфликта: Оценка возможностей, целей, идеологий и мотиваций враждующих сильной и слабой сторон // Независимое военное обозрение. 27 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2020-03-27/1_1087_methodology.html?print=Y (дата обращения: 30.05.2022).

2 Kiss 2015.

Анализ асимметричных конфликтов начала XXI в. подтверждает несколько важных презумпций теории. Полномасштабное военное вмешательство развитых государств и размещение значительных воинских контингентов на продолжительное время является контрпродуктивным для достижения победы, обеспечения лояльного отношения местного населения и политического переустройства оккупируемой страны. Более того, военные действия создают условия для эскалации насилия и расширения конфликта за счет появления новых участников или интересантов. Развитие событий в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине подтверждает эти наблюдения.

Можно выделить несколько основных стратегий и тактик, которые учитывают развитые страны в асимметричных конфликтах. Особое внимание уделяется легитимации военных действий с точки зрения международного права и принципов гуманизма. Важным считается избегание режима оккупации и размещения больших контингентов войск, что влечет за собой проблему обеспечения безопасности местного населения, усиливает вероятность затягивания военных действий, риск гибели военнослужащих в результате терактов или партизанских действий на оккупированных территориях. Важным считается жесткое временное планирование операции и масштаба военного присутствия. Это также необходимо для сохранения положительного отношения к военным действиям населения воюющей страны. Заметно стремление развитых стран уменьшить прямое участие своих военнослужащих в таких конфликтах. Активно развиваются военные технологии, позволяющие наносить поражающие удары на расстоянии без непосредственного присутствия военных (дроны, высокоточное оружие, артиллерия). Тактика и стратегия ведения «гибридных войн» и прокси-войн развиваются и в российской военной аналитике в рамках концепции геополитического противостояния со странами Запада.

Серьезной проблемой современных асимметричных конфликтов становятся «варваризация» и усиление неизбирательного характера ведения военных действий, на что указывают и гуманитарные организации, такие как Международный комитет Красного Креста. В асимметричных конфликтах имеют место жертвы среди гражданского населения тех стран, где разворачивается военное столкновение. Использование дистанционных методов позволяет уменьшить количество погибших военнослужащих, но не гражданского населения. Проект *WikiLeaks* Дж. Ассанжа возник именно для освещения этой стороны ведения войн развитыми странами. Военные, которые предоставляли материалы данному проекту, были озабочены распространенностью данной проблемы. Жесткая реакция правительств США и Великобритании на деятельность Дж. Ассанжа и на проект *WikiLeaks* показывает серьезность отношения к этой информации лиц, принимающих решения.

Анализ намерений и результатов военных операций сильных игроков международных отношений против относительно слабых противников в рамках теории асимметричного конфликта продолжает дискуссии о целесообразности и эффективности применения военной силы для достижения политических целей и о существующих альтернативах военным действиям. Теория асимметричного конфликта не является руководством к действию для вооруженных сил, хотя ее базовые презумпции должны учитываться при планировании и осуществлении

военных кампаний. Теория указывает на контрпродуктивность использования военной силы для достижения политических целей даже, казалось бы, при очевидном силовом превосходстве. Многие асимметричные конфликты XXI в. чреватны необратимыми последствиями регионального и даже мирового масштаба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Адельха, Ф. Война и (ре)конструкция государства в Афганистане: конфликт традиций или конфликт развития? // Сибирские исторические исследования. – 2022. – № 1. – С. 10–35. <https://doi.org/10.17223/2312461X/35/2>.
- Adelkhah, Fariba. "War and State (Re)Construction in Afghanistan: Conflicts of Tradition or Conflicts of Development?" *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia*, no. 1 (2022), 10–35 [In Russian].
- Борисполец, К.П. Конкуренция великих держав в XXI веке: российские подходы и российский дискурс // Полис. Политическое исследования. – 2022. – № 1. – С. 150–165. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.12>.
- Borishpolec, Kseniya. "Konkurenciya Velikih Derzhav v XXI Veke: Rossijskie Podhody i Rossijskij Diskurs." *Polis. Politicheskie Issledovaniya*, no. 1 (October 28, 2022): 150–65 [In Russian].
- Голяндин, Н.П., Ешеров, А.Г., Шериев, А.М. Криминогенные факторы, влияющие на результаты борьбы с терроризмом на территории Северо-Кавказского федерального округа // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – № 5. – С. 34–39.
- Golyandin, Nicolaj P., A.G. Esherov, and Alberd M. SHERIEV. "Kriminogennyye faktory, vliyayushchie na rezultaty bor'by s terrorizmom na territorii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga." *Probeli v Rossijskom zakonodatel'stve*, no. 5 (2021): 34–39 [In Russian].
- Дериглазова, Л.В. К вопросу об эволюции феномена партизанской войны // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 95–103.
- Deriglazova, Larisa V. "K voprosu ob evolyucii fenomena partizanskoj vojny." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 4 (2009): 95–103 [In Russian].
- Дериглазова, Л.В. Асимметричный конфликт в современной американской политологии // Международные процессы. – 2010. – № 2(23). – С. 51–64.
- Deriglazova, Larisa V. "Asimmetrichnyj konflikt v sovremennoj amerikanskoj politologii." *Mezhdunarodnyy processy*, no. 2 (2010): 51–64 [In Russian].
- Злобин, В.А., Корольков, А.И., Метелев, Д.Н. Классификация и оценка асимметричных угроз стационарным потенциально опасным объектам // Военная мысль. – 2021. – № 1. – С. 85–97.
- Zlobin, Vadim A., Aleksandr I. Korol'kov, Dmitrij N. Metelev. "Klassifikacija i ocenka asimmetrichnyh ugroz stacionarnym potencial'no opasnym ob'ektam." *Voennaya mysl'*, no. 1 (2021): 85–97 [In Russian].
- Максименков, И.А., Богданов, А.С. Современные подходы к информационно-аналитической деятельности по выявлению гибридных угроз // Военная мысль. – 2021. – № 5. – С. 42–49.
- Maksimenzov, Igor' A., Aleksandr S. Bogdanov. "Sovremennyye podhody k informacionno-analiticheskoj deyateli'nosti po vyavleniyu gibridnyh ugroz." *Voennaya mysl'*, no. 5 (2021): 42–49 [In Russian].
- Маричев, М.О., Лобанов, И.Г., Тарасов, Е.А. Борьба за ментальность – тренд современной войны // Военная мысль. – 2021. – № 8. – С. 48–57.
- Marichev, Maksim O., Igor' G. Lobanov, Evgenij A. Tarasov. "Bor'ba za mental'nost' – trend sovremennoj vojny." *Voennaya mysl'*, no. 8 (2021): 48–57 [In Russian].
- Ознобищев, С.К., Потанов, В.Я., Скоков, В.В. Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. – Москва: Ленанд, 2008. – 56 с.
- Oznobishchev, Sergej K., Viktor YA. Potapov, Viktor V. Skokov. *Kak gotovilsya 'asimmetrichnyj otvet' na 'Strategicheskuyu oboronnyu inicjativu' R. Rejgana*. Moskva: Lenand, 2008 [In Russian].
- Решуев, С.С., Умаров, Р.Х., Ясаева, М.Л. Анализ системных характеристик Чеченской Республики за 2011–2017 годы // Экономика и предпринимательство. – 2019. – № 1 (102). – С. 345–352.
- Reshiev, Sulajman S., Rustam H. Umarov, Madina L. Yasaeva. "Analiz sistemnyh karakteristik SHechenskoj Respubliki za 2011–2017 gody." *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 1, (2019): 345–352 [In Russian].
- Степанова, Е.А. Асимметричный конфликт как силовая, статусная, идеологическая и структурная асимметрия // Военная мысль. – 2010. – № 5. – С. 47–54.
- Stepanova, Ekaterina A. "Asimmetrichnyj konflikt kak silovaya, statusnaya, ideologicheskaya i strukturnaya asimmetriya." *Voennaya mysl'*, no. 5 (2010): 47–54 [In Russian].
- Степанова, Е.А. ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке. – Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2020. – 198 с. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0583-3>.
- Stepanova, Ekaterina A. *ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq*. – Moscow: IMEMO, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, 2020 [In Russian].
- Сушенцов, А.А. Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. – Москва: Аспект Пресс, 2014. – 272 с.
- Sushentsov, Andrej A. *Malye vojny SSHA: Politicheskaya strategiya SSHA v konfliktah v Afganistane i Irake v 2000–2010-h godah*. Moskva: Aspekt Press, 2014 [In Russian].
- Танайлова, В.А. (Не)быть ветераном чеченских войн // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 2. – С. 99–119. <https://doi.org/10.17223/2312461X/32/5>
- Tanajlova, Valentina A. "(Ne)byt' veteranom chechenskikh vojn." *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2 (2021): 99–119 [In Russian].
- Тетерюк, А.С., Чижевский, Я.А. Оценка эффективности военного аспекта стратегии НАТО в Афганистане, принятой при Б. Обаме // Сравнительная политика. – 2015. – Т. 6. – № 2 (19). – С. 110–124. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-2\(19\)-110-124](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2015-6-2(19)-110-124).
- Tetryuk, Alexej S., and Yan A. Chizhevskiy. "The NATO Strategy in Afghanistan During Obama

Administration. The Military Aspect's Effectiveness Evaluation." *Comparative Politics Russia* 6, no. 2 (19) (January 1, 2015): 110–124 [In Russian].

Тетерюк, А.С., Чижевский, Я.А. Беспилотные летательные аппараты в асимметричных конфликтах // *Международные процессы*. – 2016. – Т. 14. – № 2 (45). – С. 189–201.

Teteryuk, Alexej S., and Yan A. Chizhevsky. "Bespilotnye letatel'nye apparaty v asimmetrichnykh konfliktakh." *Mezhdunarodnye Protsestry* 14, no. 2 (45) (2016): 189–201 [In Russian].

Тетерюк, А.С., Чижевский, Я.А. Теоретико-игровое моделирование асимметричного конфликта казус войны в Афганистане (2009–2016) // *Международные процессы*. – 2018. – Том 16. – № 3 (54). – С. 126–146.

Teteryuk, Alexej S., and Yan A. Chizhevsky. "Teoretiko-igrovoe modelirovanie asimmetrichnogo konflikta kazus vojny v Afganistane (2009–2016)." *Mezhdunarodnye Protsestry* 16, no. 3 (54) (2018): 126–146 [In Russian].

Хомутов, А.В. О противодействии противнику в условиях ведения им «многоосферных операций» // *Военная мысль*. – 2021. – № 5. – С. 27–41.

Хомутов, Александр В. "O protivodejstviy protivniku v usloviyah vedeniya im 'mnogosfernnykh operacij.'" *Voennaya mysl'*, no. 5 (2021): 27–41 [In Russian].

Angstrom, Jan, and Isabelle Duyvesteyn, eds. *Understanding Victory and Defeat in Contemporary War*. Routledge, 2006.

Arreguín-Toft, Ivan Michael. *How the Weak Win Wars: A Theory of Asymmetric Conflict*. New York: Cambridge University Press, 2005.

Berglund, Christofer, and Emil Aslan Souleimanov. "What Is (Not) Asymmetric Conflict? From Conceptual Stretching to Conceptual Structuring." *Dynamics of Asymmetric Conflict* 13, no. 1 (January 2, 2020): 87–98. <https://doi:10.1080/17467586.2019.1680855>.

Caforio, Giuseppe. "The Concreteness of Asymmetric War: Fragments of Experience." *Connections* 11, no. 3 (Summer 2012): 21–40.

Cassidy, Robert M. *Russia in Afghanistan and Chechnya: Military Strategic Culture and the Paradoxes of Asymmetric Conflict*. Carlisle: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, 2003.

Chekov, Alexander D., Anna V. Makarycheva, Anastasia M. Solomentseva, Maxim A. Suchkov, and Andrey A. Sushentsov. "War of the Future: A View from Russia." *Survival* 61, no. 6 (November 2, 2019): 25–48. <https://doi:10.1080/00396338.2019.1688563>.

Cleveland, Charles T., and Daniel Egel. *The American Way of Irregular War: An Analytical Memoir*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020.

Deriglazova, Larisa. *Great Powers, Small Wars: Asymmetric Conflict Since 1945*. Washington: Woodrow Wilson Center Press & Johns Hopkins University, 2014.

Edwards, Aaron. "Deterrence, Coercion and Brute Force in Asymmetric Conflict: The Role of the Military Instrument in Resolving the Northern Ireland 'Troubles.'" *Dynamics of Asymmetric Conflict* 4, no. 3 (November 2, 2011): 226–41. <https://doi:10.1080/17467586.2011.632777>.

Ewans, Martin. *Conflict in Afghanistan: Studies in Asymmetric Warfare*. N.Y.: Routledge, 2005.

Fisher, Ronald J. "Challenges of Power Asymmetry and Justice for Problem-Solving Workshops." *Dynamics of Asymmetric Conflict: Pathways toward terrorism and genocide* 3, no. 3 (2010): 145–161.

French, David. *The British Way in Warfare, 1688–2000*. London, Boston: Unwin Hyman, 1990.

Golts, Alexander. "Military Reform in Russia and the Global War against Terrorism." *The Journal of Slavic Military Studies* 17, no. 1 (2004): 29–41.

Gross, Michael. *Moral Dilemmas of Modern War: Torture, Assassination, and Blackmail in an Age of Asymmetric Conflict*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Helmer, Daniel Isaac. *The Flipside of the COIN: Israel's Lebanese Incursion between 1982–2000*. Fort Leavenworth, Kan.: Combat Studies Institute Press, 2007.

Johnson, Dominic, and Dominic Tierney. *Failing to Win: Perceptions of Victory and Defeat in International Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 2006.

Kaempf, Sebastian. *Saving Soldiers or Civilians?: Casualty-Aversion versus Civilian Protection in Asymmetric Conflicts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Kiss, Peter A. "Book Review: Great Powers, Small Wars: Asymmetric Conflict since 1945 by Larisa Deriglazova." *War in History* 22, no. 4 (2015): 569–571.

Lefeez, Sophie. "Grégoire Chamayou, Théorie Du Drone." *Socio-Anthropologie* 4, no. 28 (December 15, 2013): 168–170. <https://doi:10.4000/socio-anthropologie.1617>.

Lieblich, Eliav, and Owen Alterman. *Transnational Asymmetric Armed Conflict under International Humanitarian Law: Key Contemporary Challenges*. Tel Aviv: Institute for National Security Studies, 2015.

Lieven, Anatol. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. New Haven and London: Yale University Press, 1998.

Lowther, Adam. *Asymmetric Warfare and Military Thought*. L.: Glen Segell, 2006.

Merom, Gil. *How Democracies Lose Small Wars: State, Society, and the Failure of France in Algeria, Israel in Lebanon, and the United States in Vietnam*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2003.

Merom, Gil. "The Age of Asocial War: Democratic Intervention and Counterinsurgency in the Twenty-First Century." *Australian Journal of International Affairs* 66, no. 3(2012): 365–380.

Morgan, Forrest E. and Raphael S. Cohen. *Military Trends and the Future of Warfare: The Changing Global Environment and Its Implications for the U.S. Air Force*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2020.

Nagashima, Toru. "Russia's Passportization Policy toward Unrecognized Republics." *Problems of Post-Communism* 66, no. 3 (May 4, 2019): 186–99. <https://doi:10.1080/10758216.2017.1388182>

Organski, Abramo, and Jacek Kugler. *The War Ledger*. Chicago and London: University of Chicago Press, 1980.

Paulus, Andreas, and Mindia Vashakmadze. "Asymmetrical War and the Notion of Armed Conflict – A Tentative Conceptualization." *International Review of the Red Cross* 91, no. 873 (2009): 95–125.

Politkovskaya, Anna. *A Small Corner of Hell: Dispatches from Chechnya*. Translated by Alexander Burry and Tatiana Tulchinsky; with an introduction by Georgi Derluguian. Chicago: Univ. of Chicago press, 2003.

Prados, John. *Vietnam: The History of an Unwinnable War, 1945–1975*. Lawrence, KS: University Press of Kansas, 2009.

Russel, John. *Chechnya: Russia's "War on Terror"*. London: Routledge, 2007.

Smith, Rupert. *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World*. London: Penguin Books, 2005.

Stepanova, Ekaterina. *Terrorism in Asymmetric Conflict: Ideological and Structural Aspects*. Oxford University Press, 2008.

Stepanova, Ekaterina. "Russia, Central Asia and Non-traditional Security Threats from Afghanistan Following the US Withdrawal." *Global Policy* 13, no. 1 (February 11, 2022): 138–145. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13058>.

Stubbs, Richard. *Hearts and Minds in Guerrilla Warfare: The Malayan Emergency, 1948–1960*. Singapore: Oxford University Press, 1989.

Thornton, Rod. *Asymmetric Warfare: Threat and Response in the Twenty-First Century*. Cambridge: Polity, 2007.

Tierney, Dominic. "Why the United States Is Losing – And Russia and Iran Are Winning." *The Washington Quarterly* 44, no. 3 (2021): 69–87.

Tierney, Dominic. *The Right Way to Lose a War: America in an Age of Unwinnable Conflicts*. New York: Little, Brown & Co., 2015.

Weiner, Allen S. "Just War Theory and the Conduct of Asymmetric Warfare." *Daedalus* 146, no. 1 (2017): 59–70.

Сведения об авторе

Лариса Валериевна Дериглазова,

доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой политики
Факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, 634050, город Томск, пр. Ленина, 36.

e-mail: dlarisa@inbox.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 31 марта 2022.

Переработана: 30 апреля 2022.

Принята к публикации: 14 июня 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Дериглазова, Л.В. Победы и поражения США и РФ в асимметричных конфликтах XXI века // *Международная аналитика*. – 2022. – Том 13 (2). – С. 23–42.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-23-42>

Victories and Losses of the USA and Russia in Asymmetric Conflicts at 21st Century

ABSTRACT

The article discusses the features of armed conflicts at the beginning of the 21st century through the prism of the theory of asymmetric conflict. Within the framework of the theory, basic and accompanying asymmetries are distinguished, which determine the reasons for the political, rather than military, defeat of developed countries in wars against relatively weak opponents. At the beginning of the 21st century most of the armed conflicts have pronounced signs of multiple asymmetries that affect the course and outcome of conflicts. On the basis of the theory, several important aspects can be distinguished that should be taken into account by the military and politicians when planning and conducting military operations. Among them: the legitimacy of military operations from the point of view of international law, neutralization of anti-war sentiments, minimization of losses of military personnel, ensuring the safety of the population in the war zone. Foreign analytics is characterized by a focus on the reasons for the failures of the United States and other Western states in military operations in Afghanistan, Iraq, Libya, and Syria. Among the reasons for the failures are a lack of understanding of the culture and characteristics of the countries where hostilities are conducted, the regime of occupation, and attempts at nation-building. Some foreign experts note that the Russian Federation is much more successful in participating in asymmetric conflicts of the 21st century. Among Russian military experts, there is a noticeable interest in developing an "asymmetric war" strategy in the framework of the geopolitical confrontation with the countries of the West. The tendency to develop non-contact methods of warfare and the involvement of private military companies to neutralize anti-war sentiments and minimize losses of military personnel has a universal character. At the same time, the problem of non-selectivity of such methods of warfare and their compliance with international law is becoming more and more acute. The theory of asymmetric conflict is a theory of international relations, which main assumptions are useful for politicians and the military to take into account in the process of deciding on the start of hostilities and the possibility of achieving political goals by military means, and not just for finding victorious strategies in asymmetric conflicts.

KEYWORDS

asymmetric conflict, theory of asymmetric conflict, asymmetric warfare, USA, Russia

Author

Larisa V. Deriglazova,

PhD in History, Professor at the Department of World Politics, Faculty of Historical and Political sciences, National Research Tomsk State University, 634050, Tomsk, pr. Lenina, 36.

e-mail: dlarisa@inbox.ru

Additional information

Received: March, 31 2022. Revised: April 30, 2022. Accepted: June 14, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Deriglazova, Larisa V. "Victories and Losses of the USA and Russia in Asymmetric Conflicts at 21st Century."

Journal of International Analytics 13, no. 2 (2022): 23–42.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-23-42>

“Inevitable” and “Imminent” Invasions: The Logic Behind Western Media War Stories

Greg Simons, Institute for Russian and Eurasian Studies,
Uppsala University, Sweden

Correspondence: greg.simons@ires.uu.se

ABSTRACT

In the 21st century, great power geopolitics is back as the Western-centric U.S. unipolar order is facing relative decline due to the challenges posed by the non-Western-centric multipolar order, specifically by China and Russia. In political and practical terms, geopolitics is about being able to manage and represent the nature of international relations in terms of actor relations and power dynamics. It concerns the ability of actors to make representations and interpretations of actors, events, and processes taking place in the physical realm. Informational geopolitics as an indirect and non-kinetic form of competition and conflict has gained increasing prominence in the 21st century, where information and knowledge form the fifth dimension of strategy. This leads to increasingly unstable international relations as the U.S. seeks to prevent other powers from growing at its expense. Hence, the critical role played by Western mainstream mass media outlets as a means of obstructive foreign policy in preserving the unipolar order through specific discursive practices employed in international news. Critical discourse analysis is used to analyse and interpret Western news stories on “inevitable” and “imminent” Chinese and Russian invasions. Informational geopolitics is used as a means of limiting opponent’s operational choices and opportunities in their pursuit of foreign policy objectives.

KEYWORDS:

geopolitics, information war, Russia, China, United States, media narratives, imminent/inevitable invasion, military conflict

Introduction

Mass media form an integral part of any society in terms of setting social and political agenda of what is considered important, what is considered just or legitimate and what is not, where the divergence between war and its representation has changed the way wars are fought and interpreted.¹ Mass media and public records influence the perceived physical, moral, and psychological features of antagonists, victims, and observers.² Mass media coverage can alter the cognitive and strategic environment of international actors and the politics of a conflict, which changes the nature of interaction, assumptions and the way warfare is perceived by various individuals and groups.³ This includes the role of mass media in “selling” intervention and wars to public audiences by governments. The outcome depends on informational and propaganda advantages, mass media support, degree of cohesion of actors within and between governments, and the duration of a crisis.⁴ There are numerous political and communicational factors to consider when answering the question whether a war can be successfully lobbied by the government that desires to conduct a war of choice.

This article seeks to analyse geopolitical defence of the U.S. of its global hegemony against two key actors (China and Russia) of an emerging geopolitical order with the war-like strategic messaging used during a period of nominal peace to constrain and contain their foreign policy options. There is a new and rather perplexing transformation of the role of mass media messaging, which is turning into preparing and psychologically conditioning audiences for what is narrated as being an “inevitable” or “imminent” invasion of a country (other than the country communicating the message) by another country. Thus, the intention is not to ensure public support and legitimacy for a government to begin a military operation, but to form expectations that an invasion will take place, thus affecting the moral and psychological features of a war that has not begun at the time of mass media reporting. In the year 2021 and the early 2022, there were two such prominent cases: Russia’s imminent invasion of Ukraine (which eventually occurred) and China’s imminent invasion of Taiwan. This leads to the following research question: what are the desired informational and cognitive outcomes for the communicator who is creating a media narrative of imminent war from conceptual and pragmatic perspectives?

This article consists of three main sections. The first section seeks to understand the context of the impact of the transforming global order on international relations, especially given the instability and increased competition such transformations can bring about. The second section outlines the theoretical basis of geopolitics, especially informational geopolitics, for interpreting and analysing the empirical data collected for the case studies. The third and final section is divided into two subsections, the first exploring and analysing China case study, and the second examining Russia case study focusing on the period before the actual outbreak of hostilities.

1 Andersen 2007; Carruthers 2011.

2 Calhoun 2013.

3 De Franco 2012.

4 Western 2005.

International Relations and the Changing Global Order

Europe and, later, the United States put an end to the multipolar order that existed in the 16th century due to a significant increase in their military superiority that strengthened their political, economic, and cultural influence. In the 21st century, the global balance of power is once again shifting: away from the U.S. and the West to China and Asia, with Russia increasingly associating itself with the emerging global order.¹ Transformations of the global order lead to increasing levels of chaos, uncertainty, competition, and conflict between the outgoing hegemon and the rising power(s). Tangible (hard power) and intangible (soft power) resources can alter the trajectory of transformation, which is also influenced by the level of political will used to fight for or retain power and influence in the global system of international relations.

Although U.S. scholars increasingly agree on the geopolitical nature of the changing global order that is shifting from a Western-centric U.S. unipolar order to a non-Western-centric and multipolar configuration,² there is a disagreement on how best to manage and regulate the situation practically and pragmatically. A simplistic overview of this disagreement focuses on whether the U.S. is able to recover from its current decline in hegemony or not. One group of scholars believes that the U.S. is currently past the point of no return, which means that its energy and efforts should be focused on managing this decline in the best way possible.³ At the same time, there is another group of scholars that argues that the U.S. should reform and focus on how to regain its position of an undisputed world leader.⁴ The emerging multipolar order has paved the way for increased competition and conflict with the unipolar order.

China and Russia are the two leading powers of the emerging multipolar order, which have been integrated into the geopolitical construct of the New Cold War and have been presented as the main threats that need to be contained in order to prolong the unipolar hegemony.⁵ However, it has been noted that the “success in long-term strategic competition requires getting the details right.”⁶ While the U.S. does have common interests with China and Russia, other factors of power and influence prevent this from happening on a genuine or sustainable level. “But great powers are simply unwilling to let other great powers grow stronger at their expense. [...] And so a dangerous security competition is all but unavoidable.”⁷ An increase in geopolitical competition and conflict has significant implications for international relations, especially in terms of their discursive regulation and management. Therefore, from the perspective of a waning hegemonic power, what strategy should the U.S. employ in order to constrain and contain China and Russia’s rise while minimising the risk of a direct armed conflict with either of the countries? The above-mentioned geopolitical transformation creates a pretext and a *motivation* for the U.S. to defend its global hegemony.

1 Karaganov 2020.

2 Brooks, Wohlforth 2016; Cooley, Nexon 2020.

3 Ibid.; Massie, Paquin 2019.

4 Brooks, Wohlforth 2016; Biden 2020.

5 Sarotte 2021; Mearsheimer 2021.

6 Sarotte 2021, 35.

7 Mearsheimer 2021, 58.

Informational Geopolitics and the Fifth Dimension of Power Projection

As information and knowledge society is developing more and more, the roles and uses of information and communication gradually become more intrusive and influence all aspects of modern organised society. There is a mutual and reinforcing effect of combining technological development and institutional organisation to achieve the desired goals of an information strategy. The information strategy, especially in the context of changing global orders, consists of many complex and interdependent parts, actors, and tasks.

“Information strategy, on the other hand, is a still-forming phenomenon that has both technological and non-technological components and encompasses both what one intends to do to the enemy and what one intends to do for oneself. The information strategist must be the master of a whole host of skills: understanding the kind of knowledge that needs to be created; messaging and properly distributing one’s own information flows while disrupting the enemy’s; crafting persuasive messages that shore up the will of one’s own people and allies while demoralizing one’s opponents; and, of course, deceiving the enemy at the right time, in the right way.”¹

The information realm is crucial in helping to shape different audiences’ perceptions and opinions in the cognitive realm of the people, processes, and events occurring in the physical realm, through the use of representations and interpretations. These aspects are related to the concept and practice of geopolitics where representations intersect with foreign policy interests and practice. Geopolitics is not only an academic lens for understanding international relations, it is also a policymaking and practical mechanism for managing and regulating events, trends, and processes in international relations through the use of iconic representations.² In the 21st century, information has become the fifth dimension of power projection strategy (the other four dimensions being land, sea, air, and space) where information serves as a medium or a channel for strategic power.³ Unlike the previous four dimensions, the fifth dimension’s power and influence are of a non-kinetic nature. The information sphere has numerous working parts and is assumed to have a lot of potential to influence the audiences, however, various factors need to be understood and taken into account.

Large-scale efforts that are intended to influence the sub-conscious habits and conscious decisions of the public are wide-spread and relatively effective in influencing and convincing the audiences. “Typically, these efforts take place beneath our level of awareness; so that the appeals which move us are often, in a sense, ‘hidden.’ The result is that many of us are being influenced and manipulated, far more than we realise, in

1 Arquilla, Borer 2007, 1.

2 Flint 2017.

3 Lonsdale 1999.

the patterns of our everyday lives.”¹ S. Cottle argued for the need “to reconsider the relative power of the media in relation to other organised interests, as well as the nature of the mechanisms that link them and through which they interact.”² Mainstream mass media provide informational support for the agenda of powerful individuals and groups: using a propaganda model, they divide the news into a dichotomous world of “worthy” and “unworthy” victims, of “legitimized” and “meaningless” events and processes in order to ensure public consent.³ Although the context of the passage quoted below is related to terrorism and the way it is framed for the mass media and public consumption, the lessons apply equally to the geopolitical dimensions of international relations.

“The idea is this: that it’s not the acts of terrorism that most matter in the post-9/11 world, it’s what we are told to think about the acts of terrorism. Politicians tell us what to think. The media tell us what to think. Even the terrorists tell us what to think. They all want to attract our attention. They all have reasons for wanting us to think in a certain way. They all want to tell us why an act of terrorism matters. They all have agendas. They are all packaging terrorism for our consumption. We are the audience for all those disparate actors.”⁴

There is a growing number of international actors who are interested either in preserving the current U.S. unipolar order or in creating an alternative multipolar order. Their interests and geopolitical agenda in international relations are revealed through the way they communicate to and through mass media framing information and implications so that some “realities” are highlighted and some are downplayed. Framing geopolitical representations of international relations requires the creation and communication of an iconic event to mass audiences in order to cause the desired cognitive effects. An iconic event is defined as having “undergone hyper-representation, been appropriated into on-going political agendas, transformed into commodities, and adapted into popular entertainment.”⁵ It is a matter of choosing an appropriate information tool to achieve organisational goals. This may include Information Operations (IO), which is an interdisciplinary and crosscutting communication approach.⁶

There are various forms of information technologies that can be used to influence and direct an audience in a cognitive direction that is beneficial for the communicator’s organisational goals. This is done by presenting selected information and signifiers to audiences to influence their emotions, motives, reasoning, and, in the end, the behaviour of governments, organisations, groups, and individuals. This can be achieved through psychological operations, the purpose of which is “to induce or reinforce attitudes

1 Packard 2007, 31.

2 Cottle 2003, 3.

3 Herman, Chomsky 2002.

4 Moeller 2009, 1.

5 Leavy 2007, 5.

6 Arquilla, Borer 2007, 2.

or behaviour favourable to the originator's objectives."¹ However, the substantive content and approach of different disciplines using the communication tool can be rather similar in definition and approach. There is a very complex set of interrelations and outcomes in the relations and effects of traditional media and social media when information technologies, such as public relations, seek to shape the content. In addition, there are sets of pragmatic and moral problems to address. This concerns not only the legitimacy of the means of communications, but also the legitimacy of the message, and the impact of various ideas and specific cultural signifiers on different audiences.² There is an interdependence in the relationship between the interests of the powerful, media outlets, technical and conceptual means of communication.

The above-mentioned strategy and approaches are intended to serve as information support programmes that complement and assist in implementing the objectives of foreign policy programmes. These effects intend to exert influence in both information and cognitive realms. In the information realm, there is a need to frame the message in such a way that it responds to the changing historical context, various ethical, normative, and value aspects that are present, and takes into account public opinion and sentiment if the information strategy is to achieve the intended and desired effects.³ There are also clear conceptual and pragmatic implications for the effects of the information strategy in the cognitive realm as well. W. Trotter⁴ discussed and analysed what he termed "instincts of the herd" in times of peace and war. This concept is about the role of instinct in human psychology in terms of basic impulses and reflexes in response to basic biological needs, such as self-preservation and social life. The herd (collective) instinct differs from the critical reasoning and logic of an individual in that it is an emotional collective that reacts to the stimuli provided by the communicator without taking into account their personal interests and the outcome of the actions suggested by the communicator. The fifth dimension of strategy provides the U.S. with a possible *means* of defending their global hegemony with fewer risks than the use of hard power.

Method

The methodology employed in this paper to analyse mass media news in the case studies is critical discourse analysis (CDA). There is a clear degree of analytical difference between discourse analysis and CDA. "Discourse analysis can reveal what texts leave out, and how texts transform and evaluate social realities they represent but critical discourse analysis must also evaluate the findings of discourse analysis."⁵ CDA differs from other forms of discourse analysis as "they spell out their point of view, perspective, principles and aims, both within their discipline and within society at large."⁶ Furthermore, CDA is highly political in its nature and text analysis. In addition, "critical discourse analysis can only make a significant and specific contribution to

1 Farwell 2012, 3–4.

2 Motion et al. 2019, 208.

3 Entman 2004.

4 Trotter 2015.

5 Van Leeuwen 2018, 140.

6 Van Dijk 1993, 252.

critical social and political analyses if it is able to provide an account of the role of language, language use, discourse or communicative events in the (re)production of dominance and inequality.”¹ N. Fairclough notes that “CDA has these three basic properties: it is relational, it is dialectical, and it is transdisciplinary.”² This means that the emphasis is on the observation and study of social relations, including interpersonal communication, where power relations between people are partly discursive.

“A primary focus of CDA is on the effect of power relations and inequalities in producing social wrongs, and in particular on discursive aspects of power relations and inequalities: on dialectical relations between discourse and power, and their effects on other relations within the social process and their elements.”³

This also applies to the role and effect of discourse in terms of its influence and power in politics and geopolitics in international relations. As in geopolitics, communication in the language of interpretation and representation of the physical realm is a means of operationalising cognitive effects on audiences as a means to shape perception and ensure consent to linguistically constructed events in international relations. It has been observed that “all social practices are tied to specific historical contexts and are the means by which existing social relations are reproduced or contested and different interests are served.”⁴ For these reasons, it has been argued that power and hegemony are essential for being able to critically examine and explain a range of policymaking practices, where power is produced through the elaboration of ideology and the construction of “reality.”⁵ N. Fairclough argues that practical reasoning is a key and necessary feature of the politics of policy formation and acceptance.⁶

Due to their reputation and reach, mainstream mass media are a highly significant and somewhat effective institution and channel of influence and persuasion in the process of ensuring public consent.⁷ Mass media are an essential link in the chain between the aims and goals of the communicator and their ability to shape the cognitive realm of audiences. Western mainstream media encompasses all of the various forms of mass communication (printed press, radio, TV, and digital), however, they tend to form a symbiotic relationship with mainstream establishment politics by acting as a gatekeeper and amplifier of key political narratives (regardless of the nominal editorial position of the media outlet, “liberal” or “conservative”).⁸ For the purposes of this study, a selection of digital media articles was collected.

The present article attempted to collect mass media articles in the English language from digital mainstream news media. The news media were selected from major countries of the liberal democracy block that maintain good relations with the

1 Van Dijk 1993, 279.

2 Fairclough 2010, 3.

3 Ibid., 8.

4 Janks 1997, 329.

5 Howarth 2010.

6 Fairclough 2013, 194.

7 Herman, Chomsky 2002.

8 Boyd-Barrett 2017; Zollmann 2017.

U.S. These articles were retrieved during the period from autumn 2021 to the early 2022 with the help of Google search using the following key words: China + imminent/inevitable invasion of Taiwan; Russia + imminent/inevitable invasion of Ukraine. No data was retrieved on or after 24 February 2022, the date of the beginning of the Russia-Ukraine War. An indicative sample was collected through a general open-source internet search of mainstream Western news media (in English), which included taking articles from the first 10 pages of each search (not all of them were cited or referenced). This search and the collation of collected materials were undertaken by the author manually and included comparing the content of the articles with the aims and the purpose of this paper. The aim was to illustrate the predominant news discourse on these topics at the time.

Case Study: Western Media War Narratives

First of all, it must be noted and highlighted that the research period began in the autumn of 2021 when the “inevitable” and “imminent” Chinese invasion of Taiwan and Russian invasion of Ukraine began to be frequently mentioned. However, the study does not go beyond the actual date of the Russian invasion of Ukraine in February 2022. The primary academic reasons are that a completely different set of factors and conditions prevail in the physical, information, and cognitive realms starting from that point. There is a different set of psychological dynamics in perceptions, emotions, assessments, and understandings of interests, threats, reactions, and consequences. The focus of this study is on the nature and role of mass media reporting before the start of hostilities. A different academic study, with a different approach and set of assumptions is required to examine the subject in the period following the outbreak of the war. The advantage of simultaneously examining two globally covered geopolitical discourses is that it offers an opportunity to identify their similarities and differences, and, therefore, answer the question whether a standardised “cookie cutter” approach can be found in strategic communication, especially taking into account the opposition, with Taiwan and Ukraine being narrated as “Us” and China and Russia being narrated as “Them”, which may be intended to arouse and mobilise public emotions in favour of “Us” and against “Them.”

The two case studies of the “inevitable” and “imminent” invasions, – China and Taiwan, Russia and Ukraine – have been selected for a number of reasons, not the least of which is the proximity, sometimes even synchronicity with which these news stories appear in the Western mainstream media. Another reason for selecting China and Russia is that both of them represent the “Other” to the U.S.-led Western-centric order in the Western academic representation and popular interpretation of the New Cold War. Even though Western MSM are understood to be separate from the state, there are numerous studies demonstrating their loyalty to the state on key and strategic issues, especially in terms of geopolitics and armed conflicts.¹ There is also a clear transdisciplinary aspect in the geopolitical and communicative dimensions associated with the study. Both of these cases also point to the central role played by information

1 Wilcox 2005; DiMaggio 2009; Zollmann 2017.

as the fifth dimension of the U.S. strategy to thwart the rise of China and Russia by regulating and curbing their ability to continue to challenge the unipolar hegemony. This is achieved through obstructive foreign policy,¹ where the U.S. seeks to retain a relative regional advantage over its rivals by forcing them to take a defensive and reactive stance in foreign policy with the agenda being set for them rather than by them. By creating iconic mediated events in international relations, the U.S. stands to create an opportunity to prevent the emergence of a global multipolar order.

China's Inevitable and Imminent Invasion of Taiwan

A sample of different discursive arguments of Western mainstream press is presented here, outlining the underlying logic and arguments, together with an assessment of the reflected and interpreted power relations between different actors. Therefore, this is intended to be a brief sample and representation of the discursive arguments used in media news and analytical reports. Different degrees of certainty are expressed in Western mainstream media news articles in terms of the assertion that China is going to invade Taiwan and force it to join China. Some articles use hedging language, such as "could", while others use language means expressing a greater degree of certainty and immediateness of an alleged military operation. A *Guardian* article argued that "China could mount a full scale invasion [of Taiwan] by 2025."² The statement is marked with a significant degree of uncertainty, due to the choice of the word "could", although the content of the article has a more alarmist tone to it when it comes to the potential consequences of such invasion. In its approach to storytelling, this article illustrates a coming battle between David and Goliath – a battle between good and bad – encouraging the audience to root for the "underdog" in this constructed contest.

Another article uses the language very similar to the one used when describing the case of Russia and Ukraine. It is titled "*Is a war between U.S. and China over Taiwan inevitable?*"³ The author, a former British diplomat, paints a picture of an almost inevitable "aggressive" Chinese invasion of Taiwan and outlines the "constructive" options the U.S. has to counter it. Other news reports, even with the words "imminent" or "inevitable" in the title, are more open and detailed debates, and they do not conclude that a Chinese invasion is inevitable.⁴ The use of hyperbole can also be observed: for example, the U.S. having "no chance" to stop the Chinese invasion of Taiwan, even though the likelihood of this event is very low.⁵

- 1 Greg Simons, "International Relations in the Age of U.S. Decline: Orthodoxy of Knowledge and Obstructive Foreign Policy," *Russia in Global Affairs*, August 2, 2021, accessed April 20, 2022, <https://eng.globalaffairs.ru/articles/us-orthodoxy-of-knowledge/>.
- 2 Helen Davidson, and Julian Borger, "China Could Mount Full-Scale Invasion by 2025, Taiwan Defence Minister Says," *The Guardian*, October 6, 2021, accessed March 14, 2022, [https://www.theguardian.com/world/2021/oct/06/biden-says-he-and-chinas-xi-have-agreed-to-abide-by-taiwan-agreement; see also Michael Pickering, "How Australia Could Be Forced to Go to WAR as Tensions Between China and Taiwan Reach Fever-Pitch and Ex-PM's Visit Adding Fuel to the Fire – with Beijing Warning Armed Conflict is "Only a Matter of Time," The Daily Mail, October 9, 2021, accessed April 20, 2022, https://www.dailymail.co.uk/news/article-10067067/How-Australia-forced-WAR-tensions-China-Taiwan-reach-fever-pitch.html](https://www.theguardian.com/world/2021/oct/06/biden-says-he-and-chinas-xi-have-agreed-to-abide-by-taiwan-agreement; see also Michael Pickering,).
- 3 John Dobson, "Is a War Between U.S. and China Over Taiwan Inevitable?" *Sunday Guardian Live*, April 3, 2021, accessed April 20, 2022, <https://www.sundayguardianlive.com/world/war-u-s-china-taiwan-inevitable>.
- 4 Mark Episkopos, "Is War Imminent in the Taiwan Strait?" *National Interest*, October 24, 2021, accessed 20 April 2022, [https://nationalinterest.org/feature/war-imminent-taiwan-strait-195484; "No Name Given. Is a War Between China and Taiwan Inevitable?" EUI, June 16, 2021, accessed April 20, 2022, https://www.eiu.com/n/is-war-between-china-and-taiwan-inevitable/](https://nationalinterest.org/feature/war-imminent-taiwan-strait-195484;).
- 5 John Feng, "No Chance' U.S. Can Stop a Chinese Invasion of Taiwan, Military Expert Says," *News Week*, July 22, 2021, accessed April 20, 2022, <https://www.newsweek.com/no-chance-us-can-stop-chinese-invasion-taiwan-military-expert-says-1612128>.

Many stories have a similar discursive approach of putting the words into the mouths of Chinese political and military leaders or subjectively “interpreting” the public statements made by these key figures. China remains a riddle and a mystery to many in the leading countries of the Western world. Therefore, such a “liberal” interpretation, projection, or assertion could be considered plausible. One great example to it is the case against the Chinese President, who is assigned a personal responsibility for something that never happened. Within the framework of this discursive logic, it is argued that it is only a matter of time (set by China), that the Chinese invasion of Taiwan is both imminent and inevitable, it is just a “question of time” when it occurs.¹ In some cases, the fear is heightened by the attempts to make this assertion look like it bears a greater significance for other countries and, therefore, is the matter of defence and security not only for Taiwan, but also, more broadly, for the Asia-Pacific region.² This can be used as a basis for ensuring public support for political proposals to adopt a tougher foreign and security policy against China. At the same time, as the references to the inevitable and imminent war become more frequent, the U.S. tries to distance itself from it declaring to be on the path to an imminent war with China.³

Another line of media discursive logic seems to be aimed at influencing the strategic thinking of Chinese policymakers. This is where the Western assertion of the coming Chinese invasion resonates with the article, as its intention seems to be directed at deterring the invasion by suggesting that the military solution to the problem would be a huge gamble for President Xi in terms of significant material, economic, and political costs for China. Specifically, the potential costs mentioned include deaths, economic sanctions, and possible military defeat, which are listed as possible means of deterring an “invasion.”⁴ The article attempts to illustrate the opportunity costs, with China risking the decades of peaceful growth and prosperity for the sake of military adventurism that threatens to disrupt domestic political stability. The idea and logic of this discursive line of thought is to emphasize the potential costs of the invasion to China, notwithstanding its superior military force. President Xi’s decision making is presented as the main threat.

Various discursive comparisons are made between the assumed scenario of a Chinese invasion of Taiwan with historical episodes. The purpose of such “news” or “analytical” stories is not to provide an accurate starting point for exploring or analysing future possibilities in the physical realm, but rather to engineer consent and acceptance in the cognitive realm of various audiences. These comparative discourses are loaded with emotional and value judgements. One comparison used was the amphibious landings of the Western Allies on the Normandy beaches of France on D-Day and the projected idea of a Chinese military invasion of Taiwan. A writer for *The Diplomat* stated that the D-Day operation was about liberation from tyranny, while

- 1 James Holmes, “Is a Chinese Military Attack on Taiwan Inevitable?” Clingendael, October 6, 2021, accessed March 14, 2022, <https://spectator.clingendael.org/en/publication/chinese-military-attack-taiwan-inevitable>.
- 2 Stan Grant, “Taiwan is Preparing for Chinese Invasion, and Whether the U.S. Fights Alongside it Will Determine Australia’s Fate,” ABC News, October 4, 2021, accessed March 14, 2022, <https://www.abc.net.au/news/2021-10-05/taiwan-foreign-minister-warn-war-china-global-geopolitical-order/100511960>.
- 3 Paul D. Shinkman, “China ‘Clearly’ Developing Ability to Invade Taiwan, Top General Says,” U.S. News, November 3, 2021, accessed March 14, 2022, <https://www.usnews.com/news/national-news/articles/2021-11-03/china-clearly-developing-ability-to-invade-taiwan-top-general-says>.
- 4 Iain Marlow, “Why War with Taiwan Would be a Huge Gamble for China’s Xi,” Bloomberg, December 8, 2021, accessed March 14, 2022, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-12-07/why-war-with-taiwan-is-a-huge-gamble-for-china-s-xi>.

the alleged (not actual) Chinese invasion of Taiwan is about spreading tyranny.¹ There are various assumptions in the discourse about relations of power and disparities, which CDA intends to uncover. Namely, China is (geopolitically) represented as a force for “bad” in international relations, whereas the U.S. and its allies are represented as a force for “good”, where a binary and polar set of values and assessments exists to promote the goals of a waning unipolar global order.

Interestingly, an analytical news article published in Al Jazeera contained a forecast different from the ones that appeared in various mainstream U.S. and UK news media. Rather than bandwagoning with the narrative conclusion of an “imminent” and “inevitable” Chinese invasion of Taiwan predicted by various U.S. officials, the lesson learnt was that the threat discourse used was an indication and a reflection of worsening relations between the U.S. and China rather than of any change in operational choices made by China.² Thus, there is an obvious parallel with the discourse concerning Russia and Ukraine within the geopolitical context of worsening relations between the U.S. and Russia, the result of which is an increasingly unstable system of international relations that is undergoing transformation.

Russia’s Inevitable and Imminent Invasion of Ukraine

The political and mainstream mass media discourse about an imminent and inevitable Russian invasion of Ukraine is not at all new. This assertion has existed since the aftermath of the Euromaidan in Ukraine in 2014³ and the beginning of what Kyiv referred to as the Anti-Terrorist Operation against the Donetsk and Luhansk Peoples’ Republics and later renamed the Russo-Ukrainian War. Another and a more intense round of tensions and worsening of diplomatic relations between the U.S.-led West and Russia began in November of 2021 in the context of security talks, which included a focus on the security of Ukraine. A sample of digital news and analytical stories representing different discursive logics was collected, analysed and interpreted through the use of CDA in order to highlight the geopolitical representations inherent in the fifth dimension of strategy in a turbulent and transforming global order.

In the discursive approach, there are a number of similarities to the imminent and inevitable Chinese invasion of Taiwan: firstly, the responsibility for “aggression” and “instability” is significantly assigned to President V. Putin on a personal level, while Russia is characterised as a country waging a “war of disinformation” to legitimize the military operation. This polar binary representation of the coming conflict as a battle between freedom and sovereignty on the one side and slavery and tyranny on the other side united global community against isolated Russia, and V. Putin who is claimed to have politically (and geopolitically) backed himself into a corner.⁴ The language with a lesser degree of certainty was used concerning the likelihood of the invasion, such as the term “very distinct possibility” in a “reasonably swift time frame”

1 Ian Easton, “Why a Taiwan Invasion Would Look Nothing Like D-Day,” *The Diplomat*, May 26, 2021, accessed March 14, 2022, <https://thediplomat.com/2021/05/why-a-taiwan-invasion-would-look-nothing-like-d-day/>.

2 Erin Hale, “Is China Really About to Invade Taiwan?” *Al Jazeera*, April 14, 2021, accessed March 14, 2022, <https://www.aljazeera.com/news/2021/4/14/is-there-really-a-risk-that-china-will-go-to-war-with-taiwan>.

3 Boyd-Barrett 2017, 127–151.

4 Alana Calvert, “Russian Invasion of Ukraine ‘Inevitable’ and ‘Imminent,’” *Evening Standard*, January 16, 2022, accessed March 15, 2022, <https://www.standard.co.uk/news/uk/tobias-ellwood-ukraine-vladimir-putin-russian-liz-truss-b976944.html>.

in conjunction with “imminent.”¹ As a form of continuity in terms of previous allegations of Russian “invasions” of Ukraine, one headline read: “*Is Another Russian Invasion of Ukraine Inevitable?*”² Furthermore, the build-up of Russian troops in Russia and Belarus was emphasised as a manifestation of an upcoming threat,³ whilst the build-up of half of the Ukrainian Army close to the breakaway areas in Donbas was ignored and not covered.⁴ Attempts to report the possibility of a conflict in a more balanced way were sometimes noted, when the different perceptions of the main global actors – the U.S., Russia, and China – were taken into account.⁵

The language used by Western political and military leaders, which was reflected in mainstream mass media, indeed came at a cost due to subtexts and associations. It resulted in an increased level of social and economic disruption driven by fear and uncertainty. “On February 2, White House press secretary J. Psaki announced that the term “imminent” would no longer be used to describe the threat of a Russian intervention. Not because the objective intelligence assessment had changed in any way, but because the term might inadvertently suggest U.S. certainty about V. Putin’s intentions. The use of the term and the Biden administration’s stark rhetoric had also caused significant friction with the Ukrainian government.”⁶ This is a very brief but revealing glimpse into the inner work of suggestive language, which is used in a deceptive manner. Despite the high level of certainty expressed by the language used in public statements, they did not reflect the fact of holding real knowledge about Russia’s actions combined with the disruptions caused in the Ukrainian society and the resulting tensions with the Ukrainian government.

Another similarity to the mainstream media reporting on the Chinese invasion of Taiwan was various projected and alleged costs to be incurred by Russia if it had chosen to invade Ukraine, such as additional economic sanctions or costs associated with such military operation.⁷ This is consistent with the use of news reports as an indirect form of communication between the leaders of countries experiencing diplomatic tensions. As these forms of consequences discourse were communicated, some Ukrainian political leaders sought to downplay the “inevitability” factor in the discourse and urged people

- 1 Karen DeYoung, Alex Horton, Amy Cheng, and Shane Harris, “Biden, Putin to Speak Saturday as U.S. Warns That Imminent Russian Invasion of Ukraine is ‘Distinct Possibility,’” *Washington Post*, February 11, 2022, accessed March 15, 2022, <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/11/ukraine-russia-putin-nato-biden/>; Gordon Lubold, Michael R. Gordon, and Yaroslav Trofimov, “U.S. Warns of Imminent Russian Invasion of Ukraine with Tanks, Jet Fighters, Cyber Attacks,” *Wall Street Journal*, February 18, 2022, accessed April 21, 2022, <https://www.wsj.com/articles/ukraine-troops-told-to-exercise-restraint-to-avoid-provoking-russian-invasion-11645185631>; Shannon Petteypiece, “White House Warns Russian Invasion of Ukraine May Be Imminent,” *NBC News*, January 18, 2022, accessed April 21, 2022, <https://www.nbcnews.com/politics/white-house/white-house-warns-russia-invasion-ukraine-may-be-imminent-n1287649>.
- 2 Jonah Shepp, “Is Another Russian Invasion of Ukraine Inevitable? The Window of Opportunity for Diplomacy is Closing,” *NY Magazine*, January 18, 2022, accessed April 21, 2022, <https://nymag.com/intelligencer/2022/01/is-another-russian-invasion-of-ukraine-inevitable.html>.
- 3 Sebastian Roblin, “12 Reasons Why a Russian Attack on Ukraine Looks Imminent,” *Forbes*, February 13, 2022, accessed March 15, 2022, <https://www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2022/02/13/12-reasons-why-a-russian-attack-on-ukraine-looks-imminent/?sh=df8c16326e49>.
- 4 Foreign Staff, “Russia says Ukraine has Deployed Half Its Army – 125,000 Troops – in the Conflict Zone,” *The Independent*, December 1, 2021, accessed April 19, 2022, <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/russia-ukraine-army-donbas-troops-b1967532.html>; Jacques Baud, “The Military Situation in the Ukraine – An Update,” *The Postil*, April 11, 2022, accessed April 19, 2022, <https://www.thepostil.com/author/jacques-baud/>.
- 5 Mark Stone, “Ukraine–Russia Tensions: Is an Invasion Imminent? America Says Yes. Russia Says No. China Watches On,” *Sky News*, February 12, 2022, accessed April 21, 2022, <https://news.sky.com/story/ukraine-russia-tensions-us-language-hardens-as-putin-tests-western-unity-and-resolve-which-seems-shaky-amid-invasion-fears-12539594>.
- 6 Nick Connelly, “If a War with Russia is not ‘Imminent,’ why is Ukraine Asking for Weapons?” *DW*, February 5, 2022, accessed March 15, 2022, <https://www.dw.com/en/if-war-with-russia-is-not-imminent-why-is-ukraine-asking-for-weapons/a-60671476>.
- 7 Jack Detsch, “White House Warns Russian Invasion of Ukraine Could be Imminent,” *Foreign Policy*, February 11, 2022, accessed March 15, 2022, <https://foreignpolicy.com/2022/02/11/russia-invasion-ukraine-imminent-white-house/>.

to stay calm, as the Russian invasion was, in fact, not imminent.¹ Other commentators noted potential problems related to Western credibility that the chosen discursive strategy could cause.

Only 10 days before the outbreak of an open war in Ukraine, some observers noted that the West's singular focus on an imminent Russian invasion of Ukraine could actually undermine the credibility of Western political leaders and the intelligence community if another path was to be chosen. Warnings about the risks of this communication strategy came even from analysts who are usually highly critical of Russia. "But the emphasis on near-inevitable war – and the naming of narrow timeframes when it is expected to happen – is also closing down options for the U.S. and its allies, while opening them up for Russia. Moscow still has the initiative, and the risk is growing that its president, V. Putin, is being set up to achieve a diplomatic victory through pulling the rug from under the Western war scare."² K. Giles was not alone in questioning the inevitability of an imminent Russian invasion – other professional observers were also critical of the "fever pitched" level of inevitability in the discourse of mainstream media reporting and assertions from high-ranking members of Western governments. The assessment was that Russia was succeeding in keeping Ukraine unstable, and, therefore, unable to join NATO, and forcing the U.S. to take Russia's security concerns seriously.³ There were very few articles discounting the scenario of a Russian invasion of Ukraine based on an assumed cost-benefit ratio, *Al Jazeera* for example, provided a platform for this narrative.⁴ Messages from the Ukrainian government stating that the Russian invasion was not imminent were also covered in mainstream news.⁵ However, the strategic calculations and perceptions did change from 24 February 2022.

Conclusion

In the article, the following research question was posed: what are the desired informational and cognitive outcomes for the communicator who is creating a media narrative of imminent war, from conceptual and pragmatic perspectives? As noted earlier in this paper, there are different aspects to geopolitics, one of which is a policy practice, and the other is a representation or interpretation of the actors, events, and processes, in international relations. Thus, information is a key aspect of geopolitics in the sense that its geopolitical representations and interpretations, if successful, can create opportunities or obstacles in terms of the operational choices available to the actors in pursuit of their foreign policy interests and goals. Given the current global geopolitical transformations – from a Western-centric U.S. unipolar order to a non-Western-centric multipolar order – all key international actors and great powers are

- 1 Yuras Karmanau, "Ukrainian Leaders: Stay Calm, Russian Invasion Not Imminent," AP News, January 25, 2022, accessed March 15, 2022, <https://apnews.com/article/russia-ukraine-russia-diplomacy-europe-baltic-sea-44821c52f54b5e927d86ea28420cb2cf>.
- 2 Keir Giles, "The West's Focus on Imminent Invasion in Ukraine May Backfire – and Bolster Putin," *The Guardian*, February 14, 2022, accessed March 15, 2022, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2022/feb/14/the-west-invasion-ukraine-putin-russia>.
- 3 Sara Meger, "Why Russia isn't About to Invade Ukraine Soon," University of Melbourne, February 15, 2022, accessed March 15, 2022, <https://pursuit.unimelb.edu.au/articles/why-russia-isn-t-about-to-invade-ukraine-soon>.
- 4 Harun Yilmaz, "No, Russia Will Not Invade Ukraine," *Al Jazeera*, February 9, 2022, accessed April 21, 2022, <https://www.aljazeera.com/opinions/2022/2/9/no-russia-will-not-invade-ukraine>.
- 5 Associated Press, "Ukraine Urges Calm, Saying Russian Invasion Not Imminent," CBC, January 25, 2022, accessed April 21, 2022, <https://www.cbc.ca/news/world/ukraine-russia-tension-1.6326392>; Yuras Karmanau, "Ukrainian Leaders: Stay Calm Russian Invasion Not Imminent," ABC News, January 25, 2022, accessed April 21, 2022, <https://abcnews.go.com/International/wireStory/ukraine-urges-clam-russian-invasion-imminent-82457773>.

increasingly motivated to position or re-position themselves in order to defend or attack the outgoing hegemon. As J. Mearsheimer points out, within the framework of realism in geopolitics, a hegemon should not sit idly by as other powers grow stronger. This explains the increasingly turbulent state of international relations in the 21st century in the context of various shades of war and peace in terms of covert and indirect forms of warfare used to weaken one's competitors, together with the noted central role and importance of using information as the fifth element of strategy to achieve this goal.

Information is used to represent the physical realm by managing and developing the information realm, which in turn is used to shape opinions and perceptions of the audiences' cognitive realm. CDA is an effective means of uncovering the underlying and often hidden relations of power and representations/interpretations of the political and geopolitical realities. The collected and analysed news and analytical reports revealed the importance of language, discourse, and context, which were selectively used as a mechanism designed to force China and Russia, as the leading powers of an emerging multipolar order, to take a passive and reactive foreign policy stance in order to create an environment conducive to the unipolar order. Clearly, the discourse of "inevitable" or "imminent" military threat is used to arouse fear in order to make the audience develop a herd mentality, which makes the emotional collective logic much more susceptible to manipulation and deception. There are similarities in the operationalisation and (geo) politicisation of the discourse communicated to the masses, where the political leaders of China and Russia are singled out for vilification for being aggressive, ambitious, and unpredictable, therefore, they are narrated as leaders who cannot be trusted or appeased. This is intended to create disparities in the perceived relations and levels of trust as compared to the Western leaders, whom journalists often quote verbatim, therefore, it is implied that they are trustworthy in power relations. Other disparities are also highlighted in the discourse of representations and interpretations of future scenarios, namely alleged invasions, which are represented in a dialectical manner. This appears to be an act of cognitive preparation for priming and mobilising the public (citizens, allies, neutrals, and foes). N. Fairclough described this process in terms of the politics of policy formation, but in this case, it is applied to "confront" China and Russia as a moral act of humanitarian defence as opposed to pursuing interests and objectives within the framework of geopolitical realism that is rooted in the global geopolitical brand of the New Cold War. The results regarding the success or failure of the U.S. strategy are still rather inconclusive as it has the potential to either hinder or accelerate the rise of the multipolar global order opposed to the current hegemonic unipolar global order.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Andersen, Robin. *A Century of Media, A Century of War*. New York: Peter Laing, 2007.

Arquilla, John, and Douglas A. Borer, eds. *Information Strategy and Warfare: A Guide to Theory and Practice*. New York: Routledge, 2007.

Biden, Joseph R. Jr. "Why American Must Lead Again: Recusing U.S. Foreign Policy after Trump." *Foreign Affairs* 99, no. 2 (March/April 2020): 64–76.

Boyd-Barrett, Oliver. *Western Mainstream Media and the Ukraine Crisis: A Study in Conflict Propaganda*. New York: Routledge, 2017.

Brooks, Stephen G., and William C. Wohlforth. *America Abroad: The United States' Global Role in the 21st Century*. New York: Oxford University Press, 2016.

Calhoun, Laurie. *War and Delusion: A Critical Examination*. New York: Palgrave MacMillan, 2013.

Carruthers, Susan L. *The Media at War*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2011.

Cooley, Alexander, and Daniel Nexon. *Exit From Hegemony: The Unravelling of the American Global Order*. New York: Oxford University Press, 2020.

Cottle, Simon, ed. *News, Public Relations and Power*. London: Sage, 2006.

De Franco, Chiara. *Media Power and the Transformation of War*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2012.

DiMaggio, Anthony R. *Mass Media, Mass Propaganda: Examining American News in the "War on Terror"*. Lanham (MD): Lexington Books, 2009.

Entman, Robert M. *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy*. Chicago: The University of Chicago Press, 2004.

Fairclough, Norman. "Critical Discourse Analysis and Critical Policy Studies." Edited by James R. Fichter. *Critical Policy Studies* 7, no. 2 (July 1, 2013): 177–97. doi:10.1080/19460171.2013.798239.

Fairclough, Norman. *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Routledge, 2010.

Farwell, James P. *Persuasion and Power: The Art of Strategic Communication*. Washington DC: George Washington University Press, 2012.

Flint, Colin. *Introduction to Geopolitics*. New York: Routledge, 2017.

Herman, Edward S., and Noam Chomsky. *Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media*. New York: Pantheon Books, 2002.

Howarth, David. "Power, Discourse, and Policy: Articulating a Hegemony Approach to Critical Policy Studies." Edited by James R. Fichter. *Critical Policy Studies* 3, no. 3–4 (April 28, 2010): 309–35. doi:10.1080/19460171003619725.

Janks, Hilary. "Critical Discourse Analysis as a Research Tool." Edited by James R. Fichter. *Discourse: Studies in the Cultural Politics of Education* 18, no. 3 (December 6, 1997): 329–42. doi:10.1080/0159630970180302.

Karaganov, Sergey. "The Military Underpinning of the Geopolitical Revolution." In *Russia in a Changing World*, edited by James R. Fichter, 18:1–22. Singapore: Springer Singapore, 2020. doi:10.1007/978-981-15-1895-9_1.

Leavy, Patricia. *Iconic Events: Media, Politics, and Power in Retelling History*. Lanham (MD): Lexington Books, 2007.

Lonsdale, David J. "Information Power: Strategy, Geopolitics, and the Fifth Dimension." Edited by James R. Fichter. *Journal of Strategic Studies* 22, no. 2–3 (June 6, 1999): 137–57. doi:10.1080/01402399908437758.

Massie, Justin, and Johanthan Paquin, eds. *America's Allies and the Decline of U.S. Hegemony*. New York: Routledge, 2019.

Mearsheimer, John J. "The Inevitable Rivalry: America, China, and the Tragedy of Great-Power Politics." *Foreign Affairs* 100, no. 6 (November/December 2021): 48–58.

Moeller, Susan D. *Packaging Terrorism: Co-opting the News for Politics and Profit*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009.

Motion, Judy, Heath, Robert L., and Shirley Leitch. *Social Media and Public Relations: Fake Friends and Powerful Publics*. London: Routledge, 2019.

Packard, Vance. *The Hidden Persuaders*. New York: IG Publishing, 2007.

Sarotte, Mary Elise. "Containment Beyond the Cold War." Edited by James R. Fichter. *Rossiia v Globalnoi Politike* 19, no. 6 (June 6, 2021): 137–57. doi:10.31278/1810-6439-2021-19-6-44-60.

Trotter, Wilfred. *Instincts of the Herd in Peace and War*. Lexington (KY): Filiquarian Publishing, 2015.

Dijk, Teun A. van. "Principles of Critical Discourse Analysis." Edited by James R. Fichter. *Discourse and Society* 4, no. 2 (April 26, 1993): 249–83. doi:10.1177/0957926593004002006.

Leeuwen, Theo van. "Moral Evaluation in Critical Discourse Analysis." Edited by James R. Fichter. *Critical Discourse Studies* 15, no. 2 (March 15, 2018): 140–53. doi:10.1080/17405904.2018.1427120.

Western, John. *Selling Intervention and War: The Presidency, the Media, and the American Public*. Baltimore (MD): The John Hopkins University Press, 2005.

Zollmann, Florian. *Media, Propaganda and the Politics of Intervention*. New York: Peter Lang, 2017.

Author

Greg Simons,

Associate Professor, Researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

e-mail: greg.simons@ires.uu.se

Additional information

Received: March 17, 2022. Revised: April 22, 2022. Accepted: May 29, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Simons, Greg. " 'Inevitable' and 'Imminent' Invasions: The Logic Behind Western Media War Stories." *Journal of International Analytics* 13, no. 2 (2022): 43–58. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-43-58>

«Неизбежные» и «неминуемые» вторжения: логика военных нарративов западных СМИ

АННОТАЦИЯ

В XXI в. геополитическая конкуренция великих держав снова становится актуальной, поскольку западоцентричный мировой порядок под эгидой США сталкивается с относительным упадком из-за проблем, создаваемых Китаем и Россией, выступающими за многополярность. В практическом плане геополитика заключается в способности влиять на характер международных отношений с точки зрения отношений акторов и динамики сил. Это касается и способности акторов представлять и интерпретировать события и процессы. Информационная геополитика как косвенная форма конкуренции и конфликта приобретает все большее значение в XXI в., когда СМИ все чаще называют четвертой властью, а информацию и знание – главным видом ресурсов. Это приводит к более нестабильным и сложно прогнозируемым международным отношениям. Отсюда важная роль ведущих западных масс-медиа как средства обструкционистской внешней политики в сохранении однополярного порядка посредством специфических дискурсивных практик, применяемых в новостях о международной повестке. Критический анализ новостей используется в статье с целью интерпретации западного дискурса о «неизбежных» и «неминуемых» вторжениях со стороны Китая и России. Информационная геополитика используется, таким образом, как средство ограничения оперативного выбора и возможностей противника в достижении своих внешнеполитических целей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

геополитика, информационная война, Россия, Китай, США, медийные нарративы, неизбежное/неминуемое вторжение, военный конфликт

Сведения об авторе

Грег Саймонс,

Доцент Института исследований России и Евразии Уппсальского университета, Уппсала, Швеция

e-mail: greg.simons@ires.uu.se

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 17 марта 2022.

Переработана: 22 апреля 2022.

Принята к публикации: 29 мая 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Саймонс, Г. «Неизбежные» и «неминуемые» вторжения: логика военных нарративов западных СМИ // *Международная аналитика.* – 2022. – Том 13 (2). – С. 43–58.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-43-58>

From “Countering” To “Constructing” Russian Threats in Mikheil Saakashvili’s Georgia

Archil T. Sikharulidze, Georgian Institute of Public Affairs, Tbilisi, Georgia

Correspondence: info@archilsikharulidze.ge

ABSTRACT

This paper looks at the securitization process that took place during M. Saakashvili’s time as President of Georgia. It argues that, in order to overshadow political misdeeds and non-democratic state-policy as a whole, M. Saakashvili and his political allies used “constructed” Russian threats to discredit and marginalize opponents. Furthermore, M Saakashvili’s regime tended to restrict freedom of speech, civil liberties and other democratic rights by referring to non-existent constructed threats from the Moscow. Through security dimension, Russia poses a menace to Georgia’s territorial integrity, sovereignty and Western aspirations. But at the time of M. Saakashvili’s presidency it has been turned into a political tool to be used against opponents. This paper offers a scholarly debate on the issue. Finally, it gives a case-by-case analysis of the most crucial happenings that explain “how” and “why” Russia has been securitized.

KEYWORDS

Securitization, Georgia, Russia, pro-Russian Forces, security

Introduction

The Western-oriented global political disposition that appeared after the Cold War is rapidly falling apart before our very eyes. The inability of the West, and the United States in particular, to maintain dominance over the Russian Federation and China has led to the formation of a new world order. In the course of the global political reshuffle, increasing efforts are being made to fight the “liberal” propaganda (according to the Russian narrative) on the one hand, and the Kremlin disinformation campaign (according to the Western narrative) on the other. The fierce “war on disinformation” is especially true in the Eastern European states, where “countering the Kremlin” has become the most important mission. Georgia is probably the most well-documented case in this respect. It is here where various actors in the security and political space have long since switched from “countering” Russian threats to “constructing” them. The securitization of the West is, along with other issues, considered a generally accepted phenomenon for the Kremlin. However, the opposite is also true, although scholars often overlook this because of the renewed full-scale rivalry between the collective West and the East.

Russia and Georgia have a long history of interdependence. The geopolitical importance of Tbilisi for the Kremlin makes it incredibly valuable in its global political dominance agenda. Thus, Moscow is both a most troubling neighbour and a political force that is directly and indirectly involved in everyday life in Georgia. This is reflected in Russia's support for, and recognition of, the separatist regions of Abkhazia and South Ossetia (Tskhinvali region) as independent states, as well as in its active work in various spheres to “normalize” relations with Georgia on terms that are “strongly acceptable” for Moscow. At the same time, the Kremlin is also grudgingly involved, albeit indirectly, in Georgia's political life. In particular, various security and functional actors securitize the Kremlin for mercantilist reasons. According to Georgian politicians, Russia does pose a real threat to its neighbours' sovereignty, territorial integrity, security and NATO/EU aspirations, but it has also been actively securitized for a long time. Russia has transformed from an objective to a subjective threat, a phantom menace that is extensively used to libel, discredit and delegitimize opponents; justify the restriction of freedoms and liberties for the sake of existential security threats; and cover up the populist nature of Georgia's political culture as a whole.

Securitization theory, closely attached to the so-called Copenhagen School, sees “security” as a construction built and promoted by security actors for a particular reason and mission. Usually, non-democratic regimes rely on securitization to justify the restriction of freedoms and liberties for the sake of security and to counter existential threats; essentially, to wage war on opponents and keep a hold on power. The strongest controlled wave of securitization in Georgia started with the Kodori Gorge special operation and continued during popular political protests in early November 2007, when the people came together to battle what they believed to be abuse of power, governmental misconduct and corruption among the elites. The post-revolutionary regime, headed by President M. Saakashvili and representatives of United National Movement party, launched a full-fledged political and media campaign to persuade the country's strategic partners, as well as Georgian society as a whole, that these movements were financed and controlled by the Russian intelligence services and their

local collaborators, traitors. These common, yet empirically groundless allegations formed the foundation for unlawful persecution, the brutal dispersal of peaceful protesters, and the illegal seizure of the leading private opposition broadcaster Imedi. These cases, mainly overlooked by local society and strategic partners abroad, led to a chain of pivotal events. The Georgian government was eager to present the “Russian threat” as a Sword of Damocles, a phantom menace against which society must come together, rallying around the existing political power. The proclivity to “scare” Georgian society by continuously constructing threats from the northern neighbour grew over the years due to increasing cases of governmental misconduct and grave political misdeeds. Consequently, by the time the post-revolutionary regime had exhausted its stay in power, the Kremlin had become an inherent part of Georgia’s political life. Specifically, it had become the most effective mechanism of political struggle for defaming, discrediting and marginalizing the “enemy”; a well-established political method easily picked up by the majority of Georgian voters, as well as by the country’s strategic partners, including the United States.

This paper focuses on the securitization process in Georgia during M. Saakashvili’s term in office. Specifically, it attempts to explain “how” and “why” local security and functional actors launched the process. It is based on content analysis – an assessment and comparative analysis of speeches, statements and other published works by those involved. It briefly examines the main postulates of securitization theory, looks at the existing debates regarding the securitization of Russia in Georgia, analyses the reasoning for securitization, and offers a case-by-case study of the process in general. This is an attempt to fill the gap in the literature on securitization, which is mainly dominated by Russian-led “information warfare” topics nowadays.

Securitization Theory and the Debate

The classical perception of the security dilemma relies heavily on a “narrow” definition of the term (adherents of this school are frequently called narrowers), where international relations scholars are solely occupied with an analysis of the security of the state. This approach is mainly focused on military capabilities, and on balance and political stability between key actors of the international order, for example, United States and the Soviet Union. Narrowers emphasize universal and objective nature of security and argue that it is conditioned by objective reality. So far, security is not constructed by political or other forces, but is rather given by default – threats are threats by their very nature. The traditional framework of the security analysis was questioned by various scholars after the end of the Cold War. The collapse of the Soviet Union and the recognition of new threats made it clear that the classical understanding of security cannot answer challenges that post-Cold War international order presented. The term “security” became a generally contested concept.¹ Thus, scholars started looking for a more sophisticated or, as it is usually called, “wider” framework. And such a framework has been offered by prominent Western analysts B. Buzan, O. Wæver, and J. de Wilde in their work *Security: A new Framework for Analysis*.²

1 Fierke 2015, 35.
2 Buzan et al. 1998.

B. Buzan and his colleagues countered the classical theoretical approach by arguing that the definition of security should be “widened” by focusing on more actors than just the state and looking beyond the military dimension. Furthermore, “threats” are not simply out there, but are rather constructed and actualized by particular interest groups. As C. Eroukhmanoff argues “national security policy is not a natural given, but carefully designated by politicians and decision-makers. According to securitisation theory, political issues are constituted as extreme security issues to be dealt with urgently when they have been labelled as “dangerous,” “menacing,” “threatening”...”¹

Securitization theorists mention five sectors: economy, society, military, politics, and environment. Each reflects a concrete actualized threat. This division shows that threats are not objective, but are instead attached to the various parameters of each referent objective.

The language and rhetorical structure used by decision-makers (security actors) while framing a challenge is essential for securitization theory. It is not enough just to raise an issue. A practicable and well-built language framework needs to be offered – a speech act that will persuade listeners to elevate the issue above politics.² Generally speaking, security actors actualize “threats” through particular “message boxes” and argue that drastic measures should be taken to avoid existential threats, usually meaning military or other types of security operations. If most of listeners are convinced, then the topic has been successfully securitized; if not, then this attempt represents a securitizing move.³ It should be noted here that politicians are not the only security actors, as other groups involved in the field of security – the police, immigration services, military, intelligence services, and so on – are too. They all play a crucial role in shaping the background of the security landscape. Apart from this, we may also include the so-called functional actors, such as the media, experts, scholars, non-governmental agencies, families, etc. These actors frame general storylines that are accessible to the wider public.⁴ Thus, securitization theory scholars are more focused on the question of “how” security actors manage to securitize a topic, rather than “why” they do so. An alternative phenomenon to securitization is offered by O. Wæver,⁵ who argues that we need to go back to normal politics or, as he framed it, “desecuritization.” The most securitized topics at present include terrorism, counterterrorism, Islamic radicalization and immigration.⁶

There is a dearth of academic literature on the issue of the securitization of Russia in Georgia. Particularly, both Georgian and Western scholars focus on topics that are securitized by Moscow in its relations with Tbilisi and the latter’s aspirations to NATO/EU membership.⁷ Additionally, there are sensitive topics that are discussed by various Russian media outlets and clearly exaggerated threats – for example, the supposed

1 Eroukhmanoff 2017, 104.

2 Buzan et al. 1998, 26; Emerson 2019.

3 Williams 2003; Stritzel 2007; Kapur et al. 2018.

4 Bigo et al. 2010.

5 Wæver 2015.

6 Balzacq 2005; Balzacq et al. 2015.

7 Makarychev 2008; Matsaberidze 2015; Sirbiladze 2016; Fernandes et al. 2018.

terrorism in Pankisi Gorge¹ and the non-existent Lugar Research Center case.² On the other hand, wide-ranging analyses of Russian scholars are mainly focused on Georgian nationalism, separatism, Georgia–Russia relations and the NATO/EU topic. Usually, Tbilisi is discussed in the wider South Caucasian framework. M. Kirchanov is among those who mention securitization processes.³ He argues that Russia is widely used as a symbol of the enemy, an aggressor that has, from the moment the relations were established between the two countries, tried hard to assimilate the Georgian people. It is thus extremely important for Georgian nationalists to portray Russia in this light through the media. So far, there is little that Georgian, Russian and Western scholars and think-tanks can offer in the way of understanding reverse securitization – that is, Tbilisi’s securitization of Moscow.

Still, there are a few papers that raise general concerns about “countering Russia” and directly touch upon the topic of Russian securitization in Georgia. In his article “The Trap of ‘Countering Russia,’”⁴ Junes argues that self-declared pro-Western governments, especially in Eastern Europe, tend to use this agenda for mercantilist objectives. Of course, the Russian threat does exist, but “it would thus be advisable to not exaggerate [it] more than necessary. Instead of ‘countering Russia,’ the west should be more concerned with promoting the values it supposedly stands for both domestically and in the eastern European periphery.”

L. Mitchell, former associate research scholar at Columbia University’s Harriman Institute who worked as an adviser for the Georgian Dream party, was probably the first Western analyst who openly and directly spoke about securitization processes in Georgia. In his blog article, “Who Is Really Doing Russia’s Bidding in Tbilisi,”⁵ he argues that M Saakashvili tried hard to present himself as a fiercely anti-Russian politician fighting for the state’s bright future and NATO membership. Additionally, the leader of the so-called Rose Revolution movement was doing his best to present his country as a democratic stronghold deterring the ill-disposed intentions of the Kremlin. But, at the same time, it was M. Saakashvili who fell into the Russian trap in 2008 and gave Moscow a carte-blanc to recognize Georgia’s separatist regions as independent states and further tighten its grip over them. Furthermore, his government’s tendency to abuse its power, its constant violations of human rights and freedoms, and its assault on free media and the judicial system, all effectively worked in Russia’s favour. L. Mitchell concludes by arguing that, while M. Saakashvili’s political team was using the Russian threat to libel and criticize its opponents at home and abroad, the Kremlin got everything that it could have envisioned from Tbilisi.

L. Mitchell later reiterated these views in a 2015 interview, where he noted that “if you’re a scholar, and academic, and analyst and you haven’t been called pro-Russian it is because you’re not trying hard enough to do real work. It’s a product of

1 Vatchagaev 2016. Сергей Лавров: «ИГ» использует Панкисское ущелье в Грузии // Настоящее Время. 27 января 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.currenttime.tv/a/27514522.html>. (дата обращения: 30.05.2022).

2 “Georgian Health Official Says Russia’s Allegations about Lugar Lab in Tbilisi are False,” *Agenda.Ge*, October 5, 2018, accessed May 20, 2022, <http://agenda.ge/en/news/2018/2072>.

3 Kirchanov 2011.

4 Tom Junes, “The Trap of ‘Countering Russia,’” *OpenDemocracy*, June 23, 2016, accessed May 20, 2022, <https://www.opendemocracy.net/en/odr/trap-of-countering-russia/>.

5 Mitchell 2012.

the political climate.”¹ According to the American scholar, the West had a tendency to believe the accusations levelled by M. Saakashvili and his political team that his political opponents were pro-Russian, but this narrative is already irrelevant and outdated. Finally, L. Mitchell commented the latest pre-election campaign arguing that ‘pro-Russian’ narrative became an inherent part of Georgian political culture and political opposition is especially obsessed by it, directly harming the state and limiting its democratic development.

Similar points have been made by Georgian scholar L. Markozashvili, who claims that political opponents as well as representatives of other groups were usually libelled, detained and discredited by M. Saakashvili’s government, arguably in response to existential (nationhood) and security (sovereignty, safety of democratic institutions) threats.² He continues by saying that the post-revolutionary government has postulated itself as the only agent of westernization and democratization. According to this narrative, everyone who opposes M. Saakashvili and his political team is against Georgia’s pro-Western course and democratic reforms. In this sense, they could be directly called pro-Russian. L. Markozashvili concludes by saying that the Georgian case of limiting democratic freedoms and liberties for the sake of existential and security dilemmas fits the theory of securitization perfectly. Mikheil Saakashvili’s government created the perfect political “bogeyman,” which helped him to easily justify the authoritarian nature of his government and punitive operations against rivals.³ The securitization baton was passed to the Georgian Dream government that is trying to overshadow ongoing political failures by actualizing the “Russian threat” concept once again.

Later, the Centre for Cultural Relations – Caucasian House in Georgia published a report entitled “Georgia and Russia: Bilateral View on the Quarter Century Relations.” E. Baghaturia, a researcher at the institute, used some concepts from securitization theory to explain post-revolutionary government’s tendency to make unsubstantiated accusations, including Russian special agencies closely cooperating with the political opposition, and plans to assassinate M. Saakashvili and overthrow Georgia’s democratic, pro-Western government.⁴ In March 2016, Caucasian House held an international conference devoted to 25 years of Georgia–Russia relations. The preliminary findings of the research report were presented at the opening of the event, which was attended by prominent Georgian and international analysts and scholars. E. Baghaturia’s short speech sparked what is perhaps the only direct open debate between the researcher and Professor D. Darchiashvili, a politician and member of the former ruling party, United National Movement, who teaches history at Ilia State University in Tbilisi. D. Darchiashvili questioned the impartiality of the research and called on E. Baghaturia to delve deeper into the issue. According to him, the relevance of the Russia issue was a logical result of the Kremlin’s foreign policy – a policy that threatened Georgia’s sovereignty, security and led to the Russo-Georgian War of August 2008. While E. Baghaturia agreed with this objection, he stated that there are still plenty of cases when M. Saakashvili’s government used Russia as an excuse to take

1 Mitchell 2015.

2 Markozashvili 2014, 190.

3 Sikharulidze 2016.

4 Koiava et al. 2017.

highly questionable political steps, which often led to the restriction of civil rights and liberties, the oppression of political opponents and an assault on free media. These incidents cannot be simply labelled as a “side effect” of Moscow’s foreign policy.¹

Securitization of Russia in Georgia

As we mentioned above, there is no doubt that Russia has been actively securitized by Georgian actors for mercantilist goals. To be sure, Moscow presents certain objective fundamental dangers, but Georgian decision-makers, politicians, and other functional actors have long since switched from “countering” Russian threats to “constructing” them. This is even more obvious following the latest admissions of former high-ranking officials who, hoping to restore public trust through self-lustration, directly recognized grave misdeeds such as unlawful detentions, persecutions, defamation, fabrication and falsification of criminal cases, media control, and so on. Thus, there are already well-documented cases of security actors successfully securitizing particular topics related to Russia and convincing the people of Russia’s ill intentions, only to openly acknowledge this later on, or to have this fact uncovered by judgements of European Court of Human Rights.²

The Table 1 below shows a timeline of significant political events in the country that are necessary for understanding general environment, narratives and storylines, as well as particular cases of security speeches, successful securitization and securitization moves that took place during M. Saakashvili’s term in power.

Table 1.

SECURITIZATION TIMELINE СРОКИ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ

Event	Date	Importance
Rose Revolution	3/11/2003–23/11/2003	Global Politics
Adjara Region deal	23/11/2002–06/05/2003	Domestic Affairs
Georgian–Russian “reset”	25/01/2004–31/07/2004	Foreign Affairs
August 2004 military crisis	August 2004	Security and War
The end of the “reset”	post-August 2004	Foreign Affairs
Growing crisis in Georgia	from 25/01/2004	Domestic Affairs
Anti-Russian motives	from early 2006	Security Speech Act
Russian spies case	27/09/2006–06/10/2006	Foreign & Domestic Affairs
Kodori Gorge operation	26/7/2006–30/07/2006	Securitization
The November events	02/11/2007–07/11/2007	Securitization
From November to November	11/12/2007	Security Speech Act
The fifth column	Aftermath of the November events	Security Speech Act
2008 Russo–Georgian War	07/08/2008–16/08/2008	War
The “Simulated Chronicle”	13/03/2010	Securitization
Independence Day protest	25/05/2011–26/05/2011	Securitization
The “photographers case”	Aftermath of the dispersal	Securitization move

Source: compiled by the author.

- 1 “25 Years of Confrontation and Cooperation: Georgian-Russian and Other Models of Relations,” Regional Dialogue, 2017, accessed May 15, 2022, <http://regional-dialogue.com/en/international-conference-25-years-of-confrontation-and-cooperation-georgian-russian-and-other-models-of-relations/>.
- 2 “Application no. 8284/07 of the European Court of Human Rights,” Stradalex, 2019, accessed May 20, 2022, https://www.stradalex.com/en/sl_src_publ_jur_int/document/echr_8284-07; “Application no. 16812/17 of the European Court of Human Rights,” Stradalex, 2019, accessed May 20, 2022, https://www.stradalex.com/en/sl_src_publ_jur_int/document/echr_16812-17.

Of course, the table does not reflect all existing data on security speech acts and securitization motives, but it is an apt illustration of the process over the years. Furthermore, it offers case-by-case examples for the most important research questions of securitization theory – “how” and “why” actors in Georgia securitized Russia and “what” topics connected with Russia were securitized.¹

From “Countering” to “Constructing” Russian Threats in Georgia

Shevardnadze–Saakashvili Switch

On November 23, 2003, protestors took to the streets, with the backing of the international community, to demand the resignation of President E. Shevardnadze in an event that would later be called the Rose Revolution. A young pro-Western reformist trio of politicians took control over a decrepit Georgia – N. Burjanadze, Z. Zhvania and M. Saakashvili. Soon after, interim president N. Burjanadze ensured the international community that Georgia’s new political establishment would push for democratic reforms and closer ties with the West. Meanwhile, A. Abashidze, the “landlord” of the country’s Adjara Region announced his discontent with the new regime. The new government was on the edge of an internal military conflict, which was avoided thanks to direct intervention from high-ranking Russian officials.²

In 2004, M. Saakashvili won the presidential elections and re-assured United States and the European Union that the fairly elected government would pursue a pro-Western course. In turn, Georgia’s strategic partners acknowledged the peaceful transition as a breakthrough and expressed their readiness to back positive changes.³ Later on, the United National Movement (UNM) won parliamentary elections and received a constitutional majority.⁴ Both legislative and executive pillars were in the hands of a post-revolutionary government, which received a *carte blanche*. By the time E. Shevardnadze resigned, the Georgian state was at rock bottom. The political environment was unstable and bloody, two civil wars had taken place in the early 1990s, in Abkhazia and Tskhinvali.^{5,6} As a result, the country lost a significant number of territories and was flooded with refugees. E. Shevardnadze’s government found infamy thanks to its high levels of bribery, corruption and its low human development index score. In the wake of such impoverishment, Georgia lost 30% of its total population, as people emigrated to various countries. Thus, the newly elected government of M. Saakashvili and United National Movement decided to carry out a complete reform of the state by implementing comprehensive changes at every level of the statehood, including the normalization of relations with Russia.⁷

1 Blank 2008.

2 “Timeline – 2004,” Civil Georgia, January 3, 2005, accessed May 20, 2022, <https://web.archive.org/web/20051118223334/http://207.218.249.154/eng/detail.php?id=8712>.

3 Mitchell 2009, 1.

4 “Georgia: History of Elections 1990–2010,” Information Center on NATO and EU for Effective Communication, accessed May 15, 2022, pp. 15–16, http://infocenter.gov.ge/elections2017/history_en.pdf.

5 König 2005.

6 “The Abkhazia Conflict,” U.S. Department of State, July 28, 2005, accessed May 20, 2022, <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/fs/53745.htm>.

7 “Saakashvili Outlines Priorities,” Civil Georgia, January 5, 2004, accessed May 22, 2022, <https://civil.ge/archives/104983#>.

M. Saakashvili's decisiveness and the support he received from the international community helped him to achieve significant results at home. He introduced the post of Prime Minister, carried out a re-shuffle of cabinet of ministers, appointing young reformists that were loyal to the President, handled issues of subordination and took various measures to make the governance system more flexible while building a strong power vertical. M. Saakashvili's "war on corruption" started with the reform of Georgia's infamous traffic police agency. He went further by conducting a full-fledged clean-up of almost all ministries, agencies and/or any other institutions that were in one way or another affiliated with the state. His political team put forward the idea of university entrance exams to deal with irregularities in the higher education system. Finally, M. Saakashvili announced a "war on crime," implementing a "zero tolerance" policy to crime, pushing for hard punishments for everyone who broke the law.

The post-revolutionary government was extremely successful in modernizing the state, but this process was accompanied with highly questionable methods.¹ Aspirations to build the state with a "blitzkrieg" policy had significant drawbacks, particularly, increasing cases of police abuse, human rights violations and personal property.² Moreover, the newly reformed police and the Ministry of Internal Affairs were blamed for illegal special operations which involved the torture and killing of civilians. Respective judgements were issued by the European Court of Human Rights.³ Prominent Georgian lawyer and former member of the Georgian Young Lawyers' Association A. Dolidze argued that the so-called "zero tolerance" policy led to a dramatic abuse of power by government representatives, especially the police and other security forces who were gravely violating human rights on a regular basis.⁴ These misdeeds led to increased dissatisfaction among part of Georgian society that felt M. Saakashvili and his allies were building a modern authoritarian regime rather than the democracy they had promised.⁵

Meanwhile, M. Saakashvili's announced "reset" policy with Russia failed. Despite his first successful visit to Moscow, relations with Russia were actively deteriorating and in August 2004, the Georgian Defense forces engaged in combat with military units in the separatist territory of South Ossetia.⁶ The region was on the verge of a full-scale war that was only narrowly avoided. Moscow's reaction was harsh. President of Russia V. Putin blamed the new government for trying to solve domestic problems by force. Furthermore, M. Saakashvili was labelled untrustworthy.⁷ Anti-Russian and anti-

1 "Fighting Corruption in Public Services: Chronicling Georgia's Reforms," World Bank, 2012, accessed May 15, 2022, <http://documents.worldbank.org/curated/en/518301468256183463/pdf/664490PUB0EPI0065774B09780821394755.pdf>.

2 "World Report – Georgia 2006," Human Rights Watch, 2012, accessed May 12, 2022, <https://www.hrw.org/europe/central-asia/georgia>; "Freedom in the World – Georgia 2006," Freedom House, 2012, accessed May 12, 2022, <https://freedomhouse.org/country/georgia>; "Freedom of the Press – Georgia," Freedom House, 2011, accessed May 12, 2022, <http://www.freedomhouse.org/report/freedom-press/2011/georgia#UvQrQPW1yU>.

3 "Application no. 25091/07 of the European Court of Human Rights," Stradalex, 2011, accessed May 20, 2022, https://www.stradalex.com/en/sl_src_publ_jur_int/document/echr_25091-07; "Application no. 50375/07 of the European Court of Human Rights," Stradalex, 2019, accessed May 20, 2022, https://www.stradalex.com/en/sl_src_publ_jur_int/document/echr_50375-07.

4 Ana Dolidze, "Zero Tolerance to Police Mayhem," Georgian Young Lawyers' Association, May 21, 2006, accessed May 20, 2022, <https://gyla.ge/index.php/ge/post/nulovani-tolerantoba-policiais-tvitnebobas-56#sthash.dyyiAavn.dpbs>.

5 MacFarlane 2011; Ana Dolidze, "Georgia's Path to Authoritarianism," The National Interest, August 24, 2007, accessed May 20, 2022, <https://nationalinterest.org/commentary/inside-track-georgias-path-to-authoritarianism-1748>.

6 Sergei Blagov, "Fresh Crisis Threatens Peace in South Ossetia," EurasiaNet, July 8, 2014, accessed May 20, 2022, <https://eurasia-net.org/fresh-crisis-threatens-peace-in-south-ossetia>; Jean-Christophe Peuch, "Georgia: Russia Weighs In As Fighting Worsens In South Ossetia," Radio Free Europe, August 19, 2004, accessed May 20, 2022, <https://www.rferl.org/a/1054397.html>.

7 "Georgia: Avoiding War in South Ossetia," International Crisis Group, 2004, accessed May 12, 2022, <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UNTC/UNPAN019224.pdf>.

Georgian sentiments were thrown around by both sides. Tbilisi realized that Moscow had completely different views on its neighbour's future, as well as on the future of the South Caucasus region in general. This pushed the government to speed up its aspirations for Georgia to become a member of NATO.

From November to November

M. Saakashvili's autocratic methods, as well as external turbulences, further contributed to internal escalation and led to massive political protests in the capital city in November 2007.¹ As L. Mitchell argues, it was at this time that M. Saakashvili realized his popularity had melted away, that he was not universally loved and that he could be ousted at any moment.² Following the events of November 2007, the only on the Georgian president's mind was how to retain power. Five days of protests were repressed by Georgian riot police, a curfew was introduced, the only oppositional channel *Imedi TV* was shut down, and interim presidential elections were announced.³ As mentioned, the people who had gathered in central Tbilisi in November 2007 came out against authoritarianism, abuse of rights and corruption. M. Saakashvili was in need of a new political campaign that could have consolidated Georgian society around him and legitimize his actions. He found it in Russia. Prominent figures from UNM were actively calling the popular protests a "pro-Russian rally" that aimed to dismantle Georgia, its sovereignty and overthrow the democratically elected pro-western government. M. Saakashvili told local news agencies, "high-ranking officials in the Russian special services are behind this." Commenting on this case, then-Defense and Security Committee Chairman G. Targamadze stated: "You real scum! Your rematch will not be successful! Russian flags will not fly over Rustaveli [the central avenue in Tbilisi where parliament is located – author]! We will defend Rustaveli, the city and the whole country! We will worry you to death!"⁴ This was the first case that high-ranking Georgian officials had publicly and directly accused a foreign country of attempting to overthrow the government.

Later, Georgian Public Broadcasting released a film entitled *From November to November* that was effectively the state's version of what had transpired in the country following the Rose Revolution up to the events of November 2007. The movie outlines the poor condition of Georgian statehood in the early 2000s and the main events that led to the peaceful protests, the so-called Rose Revolution,

1 Liz Fuller, "Ombudsman Slams 'Authoritarian Rule' In Georgia, Founds New Movement," Radio Free Europe, January 1, 2008, accessed May 20, 2022, https://www.rferl.org/a/Human_Rights_Ombudsman_Slams_Authoritarian_Rule/1293020.html; Liz Fuller, "One Year After Reelection, Georgian President Faces Multiple Challenges," Radio Free Europe, January 4, 2009, accessed May 20, 2022, https://www.rferl.org/a/Georgian_President_Faces_Multiple_Challenges/1366270.html; Christopher Chivers, "Thousands Rally in Capital Against Georgia Presiden," The New York Times Magazine, November 3, 2007, accessed May 22, 2022, <https://www.nytimes.com/2007/11/03/world/europe/03tbilisi.html>; "11 Years Since the Worst Political Crisis in Georgia which Nearly Ended UNM Leadership", Agenda.Ge, November 7, 2018, accessed May 20, 2022, <https://agenda.ge/en/news/2018/2333>.

2 Mitchell 2012.

3 Vladimir Socor, "Imedi Television Reopens amid Georgia's Presidential Election Campaign," The Jamestown Foundation, December 13, 2007, accessed May 20, 2022, <https://jamestown.org/program/medi-television-reopens-amid-georgias-presidential-election-campaign/>; Qartlos Sharashenidze, "Sozar Subari: 'Many Acts of Violence Were Organized and Committed by or with the Support of the Ministry of Interior,'" Human Rights, April 29, 2009, accessed May 15, 2022, <http://www.humanrights.ge/index.php?a=main&pid=7618&lang=eng>; "Saakashvili May be Interrogated for 2008 War and Imedi TV Seizure, Prosecutor Says," Democracy & Freedom Watch, April 1, 2013, accessed May 20, 2022, <https://dfwatch.net/saakashvili-may-be-interrogated-for-2008-war-and-imerdi-tv-seizure-prosecutor-says-18039-19068>; "Former PM Recalls Details of Crackdown on Imedi TV," First Channel, February 14, 2018, accessed May 20, 2022, <https://1tv.ge/en/news/former-pm-recalls-details-crackdown-imerdi-tv/>.

4 "Givi Targamadze: We Will Worry You to death You, You Scum!" YouTube: Tbilisi, Georgia: Imedi TV, 2007, accessed May 20, 2022, <https://www.youtube.com/watch?v=kuTnBRlBmGY>.

including the coming to power of pro-Western forces in Georgia. The film also argues that, in autumn 2003, Russian special services hired killers to assassinate opposition leader M. Saakashvili. It was imperative to liquidate M. Saakashvili in order to prevent him and the United National Movement party from coming to power and leading the country to Western institutions. Fortunately, the assassination attempt failed. The Kremlin, still seeing Georgia as a country of strategic importance, was doing its best to stop the country's pro-Western aspirations. Thus, it used the "fifth column" strategy in the person of A. Abashidze to rise up against the centre and dismantle the country from the inside. A. Abashidze had the support of his close ally, politician and journalist, G. Targamadze. Thanks to resoluteness of Tbilisi, A. Abashidze's regime fell and he was personally escorted by then-Minister of Foreign Affairs of Russia, I. Ivanov, to Moscow. Georgia continued its integration into Western institutions and started to "knock" on NATO's doors.

Furthermore, the new government pushed forward with its reforms – the shock therapy approach – which ensured rapid development. The possibility of Georgia building independent statehood, and of NATO's expansion, were perceived by the Kremlin as a direct threat to its strategic agenda in the South Caucasus, and a security and military challenge. Moscow was determined to overthrow the pro-Western government by all means. It supported the former Georgian military commander, E. Kvitsiani, in Kodori Gorge. E. Kvitsiani was famous for leading successful military operations during the Abkhaz–Georgian conflict, with his biggest achievement being keeping Kodori Gorge under Georgian jurisdiction.

The movie included an audio recording of a telephone conversation between E. Kvitsiani and his close friend, politician and public activist I. Batiashvili, where they discuss the situation in Kodori Gorge. E. Kvitsiani states in the recording that he agreed to help from Abkhaz separatists to counter Georgian military forces. By the end of July 2006, he was finally forced to leave the country and flee to the North Caucasus. He, his sister N. Kvitsiani and I. Batiashvili were later charged and sentenced with treason and conspiracy. The movie emphasizes that, according to the Russian plan, E. Kvitsiani was supposed to have had the support of a part of the Georgian opposition, in this case, the Georgian Labour Party, which started permanent protests in the capital city. Additionally, a Russian spy network was collaborating with leaders of the Georgian opposition, for example L. Berdzenishvili, a member of the Republican Party at the time, to gather inside information on internal processes and foreign aspirations. The Kremlin was looking to take advantage of the dissatisfaction among part of Georgian society to provoke mass protests, in collaboration with local political leaders.

According to the Georgian side, it used former KGB agent I. Giorgadze, an ethnic Georgian, to plan and conduct a military coup d'état, which ultimately failed thanks to the speed with which the country's intelligence services responded to the attempted rebellion and the special operation it launched. Additionally, local security forces launched another special operation to destroy Moscow's military intelligence network, the "Russian spies" case. Four Russian officers and ten local citizens were detained as a result. One of the correspondents, N. Rurua, at the time the Deputy Chairman of the Defence and Security Committee of the Parliament of Georgia, argues that the Georgian government had received information from its Western strategic partners about Russia's further plans for overthrowing the pro-Western government.

In particular, Russia decided to employ Georgian tycoon B. Patarkatsishvili, who was dissatisfied with M. Saakashvili's regime, and use his financial resources to undermine the government, including by establishing the private opposition TV broadcaster *Imedi*. It should be noted that A. Abashidze's former ally G. Targamadze was appointed Public – Political Director of the company. The channel was doing its best to provoke mass protests and break the system from inside.

B. Patarkatsishvili, who was to personally orchestrate the operation, was looking for support from M. Saakashvili's government members. And he found what he was looking for in I. Okruashvili, the former Minister of Defence and a close friend of the Georgian President. According to the movie, together, with logistical maintenance from Russian intelligence services, they came up with a plot to overthrow the pro-Western government and appoint forces that were friendly to Russia. *Imedi TV* was to spread false allegations against the regime to significantly increase dissatisfaction among the Georgian people. Ideally, this dissatisfaction would have been reflected in mass protests. In parallel, military units devoted to I. Okruashvili were supposed to attack servants loyal to the government, while Russian troops were to conduct military operations on the administrative borders with Abkhazia and Tskhinvali regions. A simultaneous attack would have made it impossible to counter, and the Kremlin's long-lasting aspiration to stop Georgia's integration into Western institutions would finally have been achieved.

Traitors managed to drag some leaders of political opposition into this operation, including the Chairman of the Georgian Labour Party Sh. Natelashvili, former State Minister on Conflict Resolution Issues (2004–2006) G. Khaindrava, T. Khidasheli, D. Berdzenishvili, G. Sanikidze, K. Gamsakhurdia and K. Davitashvili, as well as prominent Georgian journalist N. Lezhava and other *Imedi TV* staff. The mission was set in November 2007. I. Okruashvili and his political allies were detained during the special operation. The protests that started on November 2, 2007 did not bring about the immediate overthrow of M. Saakashvili's pro-Western regime. So they decided to pitch tents on Rustaveli Avenue opposite the parliament building and a create deadlock in the centre of Tbilisi. At the same time, *Imedi TV* was looking for any opportunity to further escalate the situation. To impose order, on November 7, Georgian police officers were able to disperse a small number of protestors in a non-violent manner. Despite this very careful approach, the opposition leader still tried to provoke disturbances and the government was forced to disperse the protest. State officials called on opposition leaders to enter into a dialogue, but the latter refused, hoping to finally overthrow the M. Saakashvili regime. B. Patarkatsishvili and others urged Georgian society to push the government resign. Well-trained riot police managed to prevent a coup d'état. *Imedi TV* was closed, M. Saakashvili introduced a curfew and announced snap presidential elections. As M. Saakashvili stated during his address to the nation, Georgia had survived an attempted regime change orchestrated by the Kremlin.

The movie *From November to November* is extremely important for the following reasons:

1. It is the first and probably the only such case of government-sponsored, government-staged, structured propaganda movie publicly unveiling a Russian spy network among the Georgian political opposition.

2. It is a unique case of a well-developed security speech act and language-framed securitization.

3. The movie introduced to Georgian political environment the concepts of patriots – the post-revolutionary government of M. Saakashvili, the United National Movement party and their followers; traitors – “Moscow’s men,” “Kremlin agents,” pro-Russian forces, the fifth column, enablers (opposition); and pro-Russian (associated with treason, backwardness – an “axis of evil”) and pro-Western (development, civilization – an “axis of good”) forces. Generally, it split Georgian society into “desirable” and “undesirable” groups/elements.¹

4. It introduced labelling, defamation, discreditation and marginalization as effective tools for political struggle and rivalry.

Currently, we may argue that this storyline had nothing to do with objective reality. Firstly, former high-ranking officials (persecutors) recognized, as they termed the incident, their mistake, while former “agents of the Kremlin” like L. Berdzenishvili, G. Sanikidze, I. Okruashvili and others (victims) forgave them. Moreover, former enemies now teamed up against the “pro-Russian” government of Georgian Dream.² Secondly, the European Court of Human Rights issued a judgement³ reiterating that the detention of I. Batiashvili was legal, but the government of M. Saakashvili had fabricated the audio recording of the conversation and given it to private *Rustavi 2 TV*. By doing so, it had created the assumption in Georgian society that Kodori Gorge was directly controlled by Moscow and I. Batiashvili was covering up and supporting the Russian plan. Using *Rustavi 2* as an influential functional actor, the government managed to connect the Kodori Gorge incident to the Kremlin, easily persuading the local population it was necessary to detain I. Batiashvili in order to counter the existential security threat.

Thus, the European Court of Human Rights found the country guilty of violating the right to a fair and public hearing. Commenting on the judgement, former Secretary of the National Security Council of Georgia and current member of the Movement for Liberty – European Georgia, acknowledged that the evidence had been fabricated.⁴ The government managed to discredit I. Batiashvili and get rid of the vocal critic by sending him to jail for a while. Generally, this case illustrates that the regime was eager to use the “Russian threat” concept even if it meant fabricating evidence. The I. Batiashvili case is the earliest documented precedent of the securitization of Russia by a post-revolutionary government. Third, criminal cases opened against some opposition leaders led to nowhere. The event was simply forgotten and the biggest ever coup

1 Archil Sikharulidze, “Who Do I Call if I Want to Speak to ‘Pro-Russian Forces’ in Georgia?” OpenDemocracy, August 31, 2016, accessed May 20, 2022, <https://www.opendemocracy.net/en/odr/who-do-i-call-if-i-want-to-speak-to-pro-russian-forces-in-georgia/>.

2 “Levan Berdzenishvili: The Georgian People Forgave Saakashvili for the Events of November 7,” First Channel, November 7, 2018, accessed May 20, 2022, <https://1tv.ge/news/levan-berdzenishvili-qartvelma-khalkhma-mikheil-saakashvils-7-noemberi-apatia/>; “Irakli Okruashvili Hosts Grigol Vashadze at Home: ‘I Always Put Personal Grievances Aside When it Concerns the Country,’” Ambebi.ge, November 3, 2018, accessed May 20, 2022, <https://www.ambebi.ge/article/228967-irakli-okruashvili-grigol-vashadze-saxlshi-umaspinzla-rodesac-sakme-exeba-kveqanas-piraduls-qoveltvis-vivicqebdi/>; “Opposition Leader Plans to Meet with Mikheil Saakashvili in Kiev,” InterPressNews, October 25, 2019, accessed May 20, 2022, <https://www.interpressnews.ge/en/article/104292-opposition-leader-plans-to-meet-with-mikheil-saakashvili-in-kiev/>.

3 “Application no. 8284/07 of the European Court of Human Rights,” Stradalex, 2019, accessed May 20, 2022, https://www.stradalex.com/en/sl_src_publ_jur_int/document/echr_8284-07.

4 “Giga Bokeria Comments on Decision of Strasbourg Court on Batiashvili Case – This is a Lesson for All Governments,” InterPressNews, October 11, 2019, accessed May 20, 2022, <https://www.interpressnews.ge/ka/article/567754-giga-bokeria-batiashvilis-sakmeze-strasburgis-gadacqvetilebis-sheaxebe-es-aris-gakvetili-qvela-xelisuplebistvis>.

d'état plan orchestrated by the Kremlin went unpunished.¹ As L. Markozashvili (2014) argues, the narrative was constructed to "privatize" the pro-Western agenda by M. Saakashvili and claim that everyone who opposed his government was, by default, anti-Western or "pro-Russian."² This securitization was successful enough to bring down political protest, undermine and persecute members of the opposition, and close the only privately owned TV channel, *Imedi*. The post-revolutionary government persuaded the majority of the Georgian electorate, as well as the country's strategic partners, in particular the George W. Bush administration, that agents of the Kremlin were trying overthrow the pro-Western government, and that M. Saakashvili was still the best option.³

"Chronicles of a Terrible Future"

The movie was followed by another concocted short clip called "Simulated Chronicle" or "Chronicles of a Terrible Future," which was aired by the now pro-government *Imedi TV* during the show Special Reportage to the Georgian nation on March 13, 2010. According to the show's host, E. Tsamalashvili, *Imedi TV* staff wanted to show how the situation in Georgia could play out if the people did not unite against and fight Moscow's plans. The clip was presented as if were a real breaking news story, that it had not been staged or simulated.

According to the story, Russian military units located in Akhalkgori had mobilized and may try to capture Tbilisi. People living nearby were in panic and fleeing. Infrastructure had ground to a halt. A few days earlier, the Georgian opposition had not recognized the election results and demanded the government's resignation. During one of the meetings, unknown individuals opened fire on protesters, killing four and injuring nine civilians. M. Saakashvili called this a move against the country's statehood. Opposition leaders called on Georgian society to rise up against and overthrow the "bloody government." Mass protests continued to destabilize the country. The opposition had declared the existing regime illegitimate, established an interim people's government and was urging the international community to help free the country from tyranny. New faces joined the political opposition: former President of the Georgian Parliament (2001–2008) N. Burjanadze; former Ambassador to the United Nations (2006–2008) I. Alasania; and former Prime Minister of Georgia (2005–2007) Z. Noghaideli. Russia blamed Georgia for the unsuccessful assassination attempt of E. Kokoity, then president of South Ossetia (2001–2011). The allegations were supported by part of the Georgian opposition. The presidential administration published a statement arguing that the latest events had been orchestrated by the Kremlin to create a legitimate basis for annexing the country and removing the pro-Western government.

At the same time, President of Russia D. Medvedev called on the international community to free Georgian society from M. Saakashvili's terrorist regime. Meanwhile, the Abkhaz side suggested the federal model as a way to solve territorial disputes.

1 "Chronicle of the Coups Foretold," *Civil Georgia*, July 6, 2019, accessed May 20, 2022, <https://civil.ge/archives/312119>.

2 Markozashvili 2014.

3 Mitchell 2015; "Georgia: History of Elections 1990–2010," Information Center on NATO and EU for Effective Communication, accessed May 15, 2022, pp. 17–18, http://infocenter.gov.ge/elections2017/history_en.pdf.

This new Russian architecture is supported by Georgian opposition and it signs document declaring the establishment of a Georgian-Abkhaz-Ossetian confederation and granting Georgia the status of a “neutral state,” thus putting an end to NATO integration. Finally, Russia is proclaimed a key foreign strategic partner. Georgian experts and analysts call it treason by agents of the Kremlin. D. Medvedev launches an intervention operation. The government in Tbilisi mobilizes its armed forces, but some refuse to fight but part of it disobeys, refusing to defend M. Saakashvili’s criminal regime, and expresses loyalty to the interim People’s Government. Representatives of the interim government supported by Moscow follow Russian military units. Georgia’s strategic partners express support for the pro-Western government of M. Saakashvili and urge the Kremlin to stop its operation. Georgian traitors, in collaboration with Russian special forces, assassinate M. Saakashvili. It should be noted that the clip presented N. Burjanadze, a former high-ranking official, as a key architect of the coup. This will be crucial to understanding the successful securitization of the brutal dispersal of protesters on Independence Day in May 2011.

Once again, the political opposition is proclaimed “pro-Russian,” while the government of M. Saakashvili is the only pro-Western power around which the Georgian electorate must unite in order to avoid the annexation of the country. This securitization was so successful that some people left their homes in various regions of Georgia, including the capital city looking shelter in the forests. Moreover, there were lines at gas stations and grocery stores, while the emergency services started working on high alert due to the high number of emergency calls. The “Simulated Chronicle” has been criticized by everyone as unacceptable, highly disturbing and provoking unrest – in other words, “information terror.”¹ Allegations that it was intentionally broadcast to terrify society and undermine the opposition were further strengthened by a leaked audio recording in which G. Arveladze, the head of the Georgian Imedi Production Group and a close ally of the government, talks with the host of the show.² According to the recording, M. Saakashvili not only knew about the clip, but was also demanded that it be as realistic as possible.

The clip is also important in the sense that it offers key assumptions that should help to differentiate between the pro-Western M. Saakashvili and the Georgia’s fifth column. In particular, these are notions that only traitors can:

1. call for a direct dialogue between Tbilisi and Moscow, Tbilisi and Sokhumi, and Tbilisi and Tskhinvali;
2. consider federalization or confederalization of the state as a way out of the territorial dispute;
3. engage in debates about Georgia’s military “neutrality”; and
4. question or even be sceptical to NATO integration.

The “Simulated Chronicle” is attached to another successful example of securitization that took place on Georgia’s Independence Day. On May 25, 2011, the People’s Assembly

1 Gela Mtvilishvili, “Sorry – For Information Terror,” Human Rights, March 16, 2010, accessed May 20, 2022, <http://www.human-rights.ge/index.php?a=main&pid=8127&lang=eng>; “Georgia’s Communications Commission Compels ‘Imedi’ to Apologize for ‘Special Report.’” Caucasian Knot, March 16, 2010, accessed May 20, 2022, <https://www.eng.kavkaz-uzel.eu/articles/12820/>; Georgy Kalatozishvili, “Who Owns Imedi? – An Interview with Irakli Moseshvili,” Vestnik Kavkaza, March 23, 2010, accessed May 22, 2022, <http://vestnikkavkaza.net/amp/375#top>.

2 “Giorgi Arveladze and Eka Tsamalashvili,” YouTube, 2010, accessed May 20, 2022, <https://www.youtube.com/watch?v=a4zch71yVJE>.

organized a protest in front of the parliament building in Tbilisi that was subsequently dispersed by security forces after midnight. The violent confrontation, leading to dozens of arrests, four deaths and almost 100 injured, was highly criticized both inside and outside Georgia.¹ Some argued that it was a “punitive operation” against opponents in order to teach them a lesson.² Soon after the protestors were dispersed, police unveiled new audio recordings in which the leader of the People’s Assembly N. Burjanadze, who was the key architect of the country’s annexation in the “Simulated Chronicle,” had direct ties with the Kremlin. Representatives of the government immediately called the protest movement “pro-Russian,” orchestrated by Moscow.³ Additionally, M. Saakashvili called protesters the fifth column and reiterated that “agents of the Kremlin” were trying to overthrow the pro-Western government, as they had tried to do during the events of November 2007.⁴ Like before, despite allegations by high-ranking officials, the main “traitors” of the state were not detained, and the state prosecutor did not have any evidence of the attempted coup.⁵ And still, this was an extremely successful case of securitization due to the following:

1. The fear of being labelled defenders of “pro-Russian forces.” Only a few representatives of civil society publicly went to the street to protest the most brutal dispersal of a meeting in Georgian history.

2. As Mitchell argues, strategic partners in the United States still trusted the “pro-Russian forces” narrative offered by M. Saakashvili, turning a blind eye to allegations of abuse of power, etc.⁶ It should be noted that J. Bass, who was US Ambassador to Georgia at the time, made some comments that led to public outcry, including the assumption that no one has right to prevent a country from celebrating its Independence Day. Former Public Defender of Georgia S. Subari saw J. Bass’s statements as a “green light” for the government to legitimize its unlawful actions.⁷

3. At the end of the day, using the concepts of fifth column, agents of the Kremlin and pro-Russian forces, the M Saakashvili regime managed to finally suppress the protests. Furthermore, it was also able to undermine trust in and fragment the political opposition.⁸

1 “Release May 26 prisoners, says Burjanadze,” Democracy & Freedom Watch, October 10, 2012, accessed May 20, 2022, <https://dfwatch.net/release-may-26-prisoners-says-burjanadze-91310-13613>; “Amnesty: Georgia is not Investigating Police Brutality,” Democracy & Freedom Watch, May 24, 2012, accessed May 20, 2022, <https://dfwatch.net/amnesty-georgia-is-not-investigating-police-brutality-48093-9157>; Mari Nikuradze, “EU Criticizes Police Brutality in Georgia,” Democracy & Freedom Watch, May 17, 2012, accessed May 15, 2022, <https://dfwatch.net/eu-criticizes-police-brutality-in-georgia-91994-8948>.

2 Tamta Mikeladze, “Did the Police Action on May 26 Comply with International Standards?” Democracy & Freedom Watch, December 27, 2011, accessed May 20, 2022, <https://dfwatch.net/did-the-police-action-on-may-26-comply-with-international-standards-98798-3072>; “State Prosecution: Punitive Operation Held on May 26,” Tabula, February 3, 2014, accessed May 20, 2022, <http://www.tabula.ge/ge/story/79760-prokuratura-26-maiss-chatarda-sadamsjelo-operacia>; “Chugoshvili on May 26, 2011: There Is no right for Pogrom, it Was a Crime,” Tabula, September 21, 2016, accessed May 20, 2022, <http://www.tabula.ge/ge/story/112195-chugoshvili-2011-tslis-26-maize-darbevis-ufleba-ar-arsebobs-es-iko-kriminali>; Ana Dumbadze, “Giorgi Gakharia: May 26 Was Punitive Act, June 20 – Self-Defense,” Georgia Today, July 12, 2019, accessed May 20, 2022, <http://georgiatoday.ge/news/16497/Giorgi-Gakharia%3A-May-26-was-Punitive-Act%2C-June-20---Self-defense->.

3 Saakashvili: “Fifth Column Operates Openly in Georgia,” Civil Georgia, May 27, 2011, accessed May 20, 2022, <https://civil.ge/archives/185924>.

4 “Saakashvili: Recent Protest Scenario Written in Russia,” Civil Georgia, May 26, 2011, accessed May 20, 2022, <https://old.civil.ge/eng/article.php?id=23530>; “The Georgian Political Landscape After May 26,” Radio Free Europe, June 8, 2011, accessed May 20, 2022, https://www.rferl.org/a/caucasus_report_georgia_political_landscape_after_may_26/24228715.html.

5 “Chronicle of the Coups Foretold,” Civil Georgia, July 6, 2019, accessed May 20, 2022, <https://civil.ge/archives/312119>.

6 “Lincoln Mitchell on Saakashvili and the breakup of the United National Movement,” Agenda.ge, January 18, 2017, accessed May 15, 2022, <https://agenda.ge/en/article/2017/5>.

7 Archil Sikhharulidze, “Goodbye, Mr. Bass,” Georgia Today, July 12, 2012, accessed May 20, 2022, http://old.georgiatoday.ge/article_details.php?id=10281&cat=Politics&version=621.

8 Archil Sikhharulidze, “Veni Vidi Vici!” Georgia Today, November 8, 2012, accessed May 20, 2022, http://old.georgiatoday.ge/article_details.php?id=10558&cat=Politics&version=636.

The “Photographers Case”

The last important attempt to securitize Russia during the M. Saakashvili regime was the so-called “photographers case.” In July 2011, police officers working on a counterespionage campaign arrested a group of photographers that included G. Abdaladze, Z. Kurtsikidze, I. Gedenidze and his wife N. Gedenidze.¹ They were subsequently prosecuted for alleged spy charges. The first three were quick to confess to being agents of the Kremlin. They signed plea agreements and were released from prison, but were warned never to talk publicly about the affair. There is a generally shared view that the photographers were freed due to massive local and international outcry and criticism, some arguing that the M. Saakashvili government decided to launch a punitive operation against the last representatives of the free media.² Moreover, there were rumours that the operation had been initiated by the president in response to the photos they had published depicting the peaceful dispersal of the rally in central Tbilisi on May 26, 2011. After the regime change, the journalists confessed that they had been subjected to inhuman and degrading treatment in prison and threatened by representatives of the security forces to confess to the espionage charges. They were subsequently found not guilty in 2018, with the state prosecutor arguing that they had been “forced to learn by heart the text of the confession that had been written in advance” for their public confession in front of a camera the next day.³ The photographers case is a security move because the government had failed to persuade the Georgian people and the international community that the prominent Georgian journalists were Russian spies. The incident ended up causing more harm to the regime than good.

Conclusion

Georgian security and functional actors have long since switched from “countering” Russian threats to “constructing” them. During M. Saakashvili’s term in office, the state experienced the strongest wave of securitization. The post-revolutionary government that successfully modernized the country failed to secure democratic freedoms and liberties, including independent judiciary and media. This deviation from democratization in combination with the objective Russian challenges led the M. Saakashvili regime to a pronounced domestic political crisis. Realizing that the protests could actually end in their removal from power, the President of Georgia and his political team in the United National Movement decided to undermine their opponents by introducing Russia as an object of securitization into Georgian political culture. The government was keen to attach the “Russian menace” label to every single happening that threatened its power. The concepts of pro-Russian forces, the fifth column, agents of the Kremlin and other “trademarks” were introduced to defame, discredit and marginalize opponents, and provide grounds for punitive and oppressive actions to legitimize them through the need to deal with existential security threats.

- 1 Mzia Kupunia, “Georgia, Looking for Spies, Arrests Photographers,” *The New York Times Magazine*, July 7, 2011, accessed May 15, 2022, <https://www.nytimes.com/2011/07/08/world/europe/08georgia.html>.
- 2 Zaza Tsuladze, “The Photographers Case: ‘I Am a Journalist Therefore I Am a Spy,’” *Voice of America*, July 20, 2011, accessed May 22, 2022, <https://www.amerikiskhema.com/a/article-----125889663/535869.html>.
- 3 “Court Says Photographers Accused of Spying by Previous Government Were Innocent,” *Agenda.Ge*, November 22, 2018, accessed May 20, 2022, <https://agenda.ge/en/news/2018/2461>.

The Kodori Gorge operation, the staged movie *From November to November*, the so-called “Simulated Chronicle,” the Independence Day incident and the “photographers case” show that Georgian decision-makers (security actors) actively securitize Russia through well-structured language frameworks strengthened by narratives and storylines of functional actors, especially the pro-government media. At the end of the day, bold, coherent and coordinated rhetoric by high-ranking officials with significant back-up from state-controlled TV broadcasters led to positive outcomes. In particular, the political opposition has been marginalized and fragmented, while strategic partners in the West, especially the United States, were convinced that M. Saakashvili was the only pro-Western power in the country who had been continuously attacked by the agents of the Kremlin planning to dismantle Georgian statehood. The M. Saakashvili regime was ready to overcome what they saw as existential security threats coming from the “agents of the Kremlin” by all possible means, including the falsification and fabrication of evidence.

By and large, the Georgian case reflects the dangers that can be in place when local political elites, striving to overshadow authoritarian tendencies, decide to use the concept of the “Russian threat” for mercantilist objectives. Furthermore, in the wake of the war on Russian propaganda, it sheds a light on the reverse case, meaning that securitization is usually a bilateral phenomenon.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Balzacq, Thierry. “The Three Faces of Securitization: Political Agency, Audience and Context.” *European Journal of International Relations* 11, no. 2 (June 24, 2005): 171–201. <https://doi.org/10.1177/1354066105052960>.
- Balzacq, Thierry, Sarah Léonard, and Jan Ruzicka. “Securitization Revisited: Theory and Cases.” *International Relations* 30, no. 4 (December 27, 2016): 494–531. <https://doi.org/10.1177/0047117815596590>.
- Blank, Stephen. “Threats to and from Russia: An Assessment.” *The Journal of Slavic Military Studies* 21, no. 3 (September 3, 2008): 491–526. <https://doi.org/10.1080/13518040802313746>.
- Buzan, Barry, Ole Wæver, and Jaap De Wilde. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers Inc, 1998.
- Emerson, R. Guy. “Towards a Process-Oriented Account of the Securitisation Trinity: The Speech Act, the Securitiser and the Audience.” *Journal of International Relations and Development* 22, no. 3 (September 22, 2019): 515–531. <https://doi.org/10.1057/s41268-017-0110-4>.
- Eroukhmanoff, Clara. 2017. “Securitization Theory.” In *International Relations Theory*, edited by Stephen McGlinchey, Rosie Walters and Christian Scheinpflug, 104–109. Bristol, England: E-International Relations Publishing. <https://www.e-ir.info/publication/international-relations-theory/>.
- Fernandes, Sandra, and Daniel Correia. “(Re)Securitisation in Europe: The Baltic States and Russia.” *Debater a Europa*, no. 18 (January 23, 2018): 103–129. https://doi.org/10.14195/1647-6336_18_7.
- Fierke, Karin. *Critical Approaches to International Security*. Hoboken: Wiley, 2015.
- Kapur, Saloni, and Simon Mabon. “The Copenhagen School Goes Global: Securitisation in the Non-West.” *Global Discourse* 8, no. 1 (January 2018): 1–4. <https://doi.org/10.1080/23269995.2018.1424686>.
- Kirchanov, Maxim. “The Caucasian and the Russian in Contemporary Georgian Nationalism.” *Central Asia and Caucasus* 14, no. 4 (2013): 101–107.
- Koiava, Revaz, Edisher Baghaturia, and Yulia Nikitina. *Georgia and Russia: Bilateral View on the Quarter Century Relations*. Tbilisi, Georgia: The Centre for Cultural Relations – Caucasian House, 2017.
- König, Marietta. “The Georgian–South Ossetian Conflict.” In *OSCE Yearbook 2004*, 237–249. Baden-Baden, Germany: Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg/IFSH, 2005.
- MacFarlane, Neil. *Post-Revolutionary Georgia on the Edge?* Chatham House, 2011.
- Markozashvili, Lasha. “Transition toward Democracy – Georgian Problems.” *Przegląd Politologiczny*, no. 3 (January 1, 2014): 185. <https://doi.org/10.14746/pp.2014.19.3.14>.
- Mitchell, Lincoln. *Uncertain Democracy: U.S. Foreign Policy and Georgia's Rose Revolution*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009.
- Stritzel, Holger. “Towards a Theory of Securitization: Copenhagen and Beyond.” *European Journal of International Relations* 13, no. 3 (September 24, 2007): 357–83. <https://doi.org/10.1177/1354066107080128>.
- Wæver, Ole. 2015. “The Theory Act: Responsibility and Exactitude as Seen from Securitization.” *International Relations* 1, no. 29: 121–27.
- Williams, Michael C. “Words, Images, Enemies: Securitization and International Politics.” *International Studies Quarterly* 47, no. 4 (December 2003): 511–31. <https://doi.org/10.1046/j.0020-8833.2003.00277.x>.

Author*Archil T. Sikharulidze,*

PhD candidate in Social Sciences at the Georgian Institute of Public Affairs (GIPA), lecturer at the Department of Social Sciences, Tbilisi, Georgia, 21 Pekini Street, entrance 3, floor 5, apartment 120, P.O. 0194, Tbilisi, Georgia.

e-mail: info@archilsikharulidze.ge

Additional information

Received: April 1, 2022. Revised: May 4, 2022. Accepted: June 1, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Sikharulidze, Archil T. "From "Countering" To "Constructing" Russian Threats in Mikheil Saakashvili's Georgia." *Journal of International Analytics* 13, no. 2 (2022): 59–78.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78>

От «противодействия» к «конструированию» российских угроз в Грузии при Михаиле Саакашвили

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается процесс секьюритизации «российской угрозы» во время пребывания М. Саакашвили на посту президента Грузии. Основной тезис статьи заключается в том, что М. Саакашвили и его политические союзники использовали «сконструированные» российские угрозы для дискредитации и маргинализации оппонентов, чтобы обосновать недемократическую государственную политику в целом. Так, тенденция ограничения свободы слова, гражданских свобод и других демократических прав опиралась на сконструированные экзистенциальные угрозы со стороны Москвы. С точки зрения классической безопасности, Россия представляет угрозу территориальной целостности, суверенитету и устремлениям западной интеграции Грузии, но во время президентства М. Саакашвили эта тема была политизирована и использовалась как политический инструмент против оппонентов. Эта статья рассматривает научную дискуссию по этому вопросу. В заключении приводится анализ наиболее важных событий, которые объясняют механизмы и причины секьюритизации России в Грузии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

секьюритизация, Грузия, Россия, пророссийские силы, безопасность

Сведения об авторе

Арчил Т. Сихарулидзе,

Кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социальных наук
в Грузинском институте общественных отношений (GIPA),
Тбилиси, Грузия, улица Пекини, 21, подъезд 3, этаж 5, квартира 120, Р.О. 0194, Тбилиси, Грузия.

e-mail: info@archilsikharulidze.ge

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 апреля 2022.

Переработана: 4 мая 2022.

Принята к публикации: 1 июня 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Сихарулидзе, А. Т. От «противодействия» к «конструированию» российских угроз в Грузии при Михаиле Саакашвили // *Международная аналитика*. – 2022. – Том 13 (2). – С. 59–78.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78>

Эволюция национальных подходов к ведению кибервойны

Карасев Павел Александрович, ИМЭМО им. Е.М. Примакова, Центр проблем информационной безопасности ВМК МГУ, Москва, Россия

Контактный адрес: karpaul@iisi.msu.ru

АННОТАЦИЯ

Новейшие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) все чаще рассматриваются государствами как инструмент проецирования своей мощи и реализации национальных интересов. Наиболее значимые в военном отношении страны за последние 20 лет создали доктринальные, материально-технические и организационные основы ведения военной деятельности в ИКТ-среде, а отдельные государства уже открыто декларируют приоритет наступательных киберопераций, что значительно повышает риски непреднамеренной эскалации. Текущая ситуация, связанная с военно-политическим освоением ИКТ-среды, предопределяет острую необходимость непрерывного анализа актуальных тенденций в этой сфере и поиска подходов к снижению напряженности. В первой части статьи подробно рассмотрены релевантные доктринальные и стратегические документы США и других ключевых стран, выявлены этапы и особенности процесса эволюции их подходов. Далее, с учетом полученных результатов, рассмотрены и оценены факторы, которые оказывают влияние на военную стабильность в ИКТ-среде. Сделан вывод, что выявленные факторы в совокупности оставляют безальтернативной задачу выработки международных механизмов снижения эскалации в этой сфере. Эта задача приобретает особую остроту в условиях общей международной нестабильности. Международное сообщество в целом и отдельные страны (прежде всего, Россия и США) осознают опасность непреднамеренной эскалации в ИКТ-среде, особенно в контексте поддержания стратегической стабильности, и готовы делать шаги к выработке механизмов регулирования и предотвращения киберконфликтов. Актуальность сотрудничества сохраняется, т.к. проблему противодействия киберугрозам по-прежнему нельзя в полной мере решить только односторонними мерами. Вопрос в том, какую форму примет это сотрудничество, учитывая все политические реалии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

международная информационная безопасность, кибератаки, кибероружие, внешняя политика США, информационное пространство

Сегодня в экспертном сообществе и среди политических элит развитых государств есть уверенность в том, что информационные технологии являются важным инструментом реализации национальных интересов, который имеет множество предназначений и может быть использован во многих сценариях – от кибершпионажа до силового или информационно-психологического воздействия. Об этом говорят как исследования в этой области, так и национальные и наднациональные доктрины и стратегии. По некоторым оценкам¹, в 2015 г. уже более 60 государств мира обладали специализированными ИКТ-средствами – кибероружием. Ставший хрестоматийным пример использования вируса *STUXNET* в кибератаке против ядерных объектов Ирана в 2010 г. наглядно демонстрирует, что сегодня есть возможность оказывать воздействие на объекты физического мира посредством ИКТ-инструментов через виртуальную среду. В то же время сегодня нет согласованного и общепринятого определения как «кибервойны», так и того, что понимать под вооруженным нападением в киберпространстве.

Определение понятию «агрессия» было дано ООН в 1974 г.: «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций»². Представляется, что действия в киберпространстве могут быть квалифицированы в качестве «применения вооруженной силы» в весьма ограниченных сценариях. Например, существует мнение, что с точки зрения международного права некоторые кибератаки в определенных условиях приобретают черты актов агрессии, например нарушение суверенитета и политической независимости государства³.

На протяжении последних 20 лет непрерывно эволюционируют концептуальные, доктринальные и материально-технические рамки кибервойн. Анализ этого процесса и выявление тенденций позволят достигнуть основной цели исследования – актуализировать понимание текущей позиции государств и «красных линий» в ИКТ-среде, а также прийти к выводам относительно возможных путей снижения напряженности в этой сфере. Для этого необходимо, во-первых, рассмотреть имеющуюся терминологию и выявить концептуальные характеристики, присущие деструктивной военно-политической деятельности в киберпространстве. Во-вторых, необходимо провести сравнительный анализ различных зарубежных доктрин и иных документов стратегического планирования, относящихся к военному использованию ИКТ – при этом, ввиду особой роли США, эволюция подходов этой страны в указанной сфере может быть рассмотрена в качестве стереотипной модели в рамках концептуализации военного применения ИКТ. Кроме этого, стоит отметить, что многие исследования определяют США как страну с самыми развитыми кибервозможностями⁴.

1 Jennifer Valentino-DeVries, and Danny Yadron, "Cataloging The World's Cyberforces," The Wall Street Journal, October 11, 2015, accessed May 25, 2022, <https://www.wsj.com/articles/cataloging-the-worlds-cyberforces-1444610710>.

2 Резолюция 3314 «Определение агрессии» (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года // ООН. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 28.03.2022).

3 Лобач et al. 2020, 63.

4 Например, США находятся на первом месте по кибермощи в докладе Белферского центра: Voo et al. 2020.

Вопросы терминологии

Международное сообщество уже более 10 лет назад согласилось с необходимостью разработки терминологического аппарата, который охватывал бы проблемы военно-политического использования ИКТ¹, но работа на этом направлении до сих пор не принесла ощутимых результатов. Так, согласованных терминов не содержится в докладах Группы правительственных экспертов (ГПЭ) ООН². В то же время важно подчеркнуть, что ГПЭ в своих документах неизменно подтверждает наличие угрозы использования ИКТ в деструктивных военно-политических целях³.

Значительные усилия по разработке согласованного терминологического аппарата предпринимаются научным сообществом. Так, в 2011-2013 гг. в рамках исследовательской работы, проведенной Институтом проблем информационной безопасности МГУ и американским Институтом Восток – Запад, были выпущены две методологически сильные публикации с важнейшими согласованными терминами в области международной информационной безопасности⁴. В 2014 г. вышел доклад аналитического центра *New America* «Компиляция существующих определений в области кибербезопасности и безопасности информации», который через сравнение терминологического аппарата множества документов продемонстрировал наличие как совпадающих взглядов, так и существенных различий⁵.

Используя определения, содержащиеся в национальных документах и документах различных организаций, можно попытаться выделить характерные черты того, что сегодня понимается под «кибервойной» или «боевыми действиями в киберпространстве».

В ряде документов можно встретить термин «информационная война», который определяется как «противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массивной психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны»⁶.

В документах США встречается термин «информационные операции», который определен как «комплексное использование в ходе военных операций информационных возможностей в сочетании с другими направлениями деятельно-

1 Доклад правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Одобрен на 65 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 30 июля 2010 года // ООН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/65/201> (дата обращения: 28.03.2022).

2 Группа правительственных экспертов (ГПЭ) ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности.

3 Доклад правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. Одобрен на 70 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 22 июля 2015 года // ООН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/70/174> (дата обращения: 28.03.2022).

4 Rauscher et al. 2011.

5 Maurer et al. 2014.

6 Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 года // Законодательство стран СНГ. [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=28340 (дата обращения: 28.03.2022); Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве // Министерство обороны России. [Электронный ресурс]. URL: <http://ens.mil.ru/files/morf/Strategy.doc> (дата обращения: 28.03.2022).

сти для оказания влияния, подрыва, искажения или перехвата принятия решений противниками и потенциальными противниками»¹, а также термин «операции в киберпространстве» – «такое использование кибервозможностей, когда основной задачей является достижение целей в киберпространстве или через него»².

Национальная киберстратегия Великобритании определяет «наступательные действия в киберпространстве» как «добавление, удаление или манипулирование данными в системах или сетях для достижения физического, виртуального или когнитивного эффекта...»³. Министерство обороны Франции определяет кибератаки как «злонамеренный акт взлома в киберпространстве», к которому относятся «дезинформация, электронный шпионаж, воздействие на данные в ходе боевых действий, нарушение критически важной инфраструктуры страны»⁴. В Стратегии кибербезопасности Германии термин «кибератака» определяется как «воздействие на одну или несколько информационных систем через киберпространство, целью которого является полное или частичное нарушение их информационной безопасности с помощью ИКТ-средств»⁵.

В публикации, подготовленной Институтом проблем информационной безопасности МГУ и Институтом Восток-Запад, приведено следующее определение термина «кибервойна»: «высшая степень киберконфликта между или среди государств, во время которой государства предпринимают кибератаки против киберинфраструктур противника как часть военной кампании; может быть формально объявлена одной (всеми) сторонами конфликта или не быть объявленной формально и проходить *de facto*»⁶.

Приведенные определения позволяют выделить концептуальные характеристики, присущие действиям в киберпространстве. Важно отметить, что в мире сложилось два основных подхода к обеспечению безопасности ИКТ-среды. В России, Китае и ряде других государств – это информационная безопасность, в то время как в США и странах Запада – кибербезопасность. Информационная безопасность рассматривает угрозы не только информационно-технического характера (киберугрозы), но и информационно-гуманитарные, то есть те, что реализуются посредством целенаправленного вредоносного воздействия на сознание индивидов и общества. В документах стратегического планирования Российской Федерации термины с приставкой «кибер-» не используются. За последние несколько лет наметилось концептуальное сближение указанных парадигм (и это видно из рассмотренных выше определений), однако оно не трансформировалось в более успешное международное сотрудничество. Напротив, ярко проявили себя накопившиеся противоречия, и взаимодействие было фактически подорвано ввиду различий подходов, а не различий в понимании угроз.

1 "Department Of Defense Dictionary Of Military And Associated Terms," US Department of Defense, Joint Publication 1-02, November 8, 2010 (As Amended Through 15 February, 2016), accessed May 20, 2022, https://irp.fas.org/doddir/dod/jp1_02.pdf.

2 Ibid.

3 "National Cyber Strategy 2022," HM Government, accessed May 20, 2022, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1053023/national-cyber-strategy-amend.pdf.

4 "La cyberdéfense au ministère des Armées (Cyber defense at the Ministry of the Armed Forces)," Ministère des Armées (Ministry of the Armed Forces), accessed May 20, 2022, <https://www.defense.gouv.fr/nos-expertises/cyberdefense-au-ministere-armees#title-9319>.

5 "Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland (Cyber Security Strategy for Germany)," Bundesministerium des Innern (Federal Ministry of the Interior), 2016, accessed May 20, 2022, https://www.bmi.bund.de/cybersicherheitsstrategie/BMI_CyberSicherheitsstrategie.pdf.

6 Rauscher et al. 2014, 32.

Очевидно, что сегодня военные действия в ИКТ-среде не ограничены только лишь информационно-техническим воздействием: информационно-гуманитарное или когнитивное воздействие на индивидуальное или коллективное сознание также является их составной частью. В то же время информационно-техническое воздействие не ограничивается виртуальным пространством и может приводить к физическим эффектам, в том числе в объектах критически важной инфраструктуры. Кибер- и информационные воздействия, в зависимости от конкретной доктрины, могут осуществляться как в качестве поддержки военных кампаний в традиционных оперативных пространствах, так и вне их, как самостоятельные действия – возможно, и в мирное время.

Подходы США к военной деятельности в киберпространстве

Соединенные Штаты Америки находятся на передовой процесса милитаризации ИКТ-среды, и эволюцию подходов этой страны к политическому и военно-стратегическому противостоянию в ИКТ-среде можно исследовать в качестве показательной модели. Рассмотрение США приоритетно также и ввиду того, что эта страна определяет политику военно-политического блока НАТО, куда входят 30 государств мира.

В начале 1990-х гг. в США сформировалось представление, что военный истеблишмент стремится воспользоваться теми новыми возможностями, которые появились вследствие информационной революции¹. Научно-исследовательский центр RAND в 1996 г. опубликовал всеобъемлющее исследование *“Strategic Information Warfare: A New Face of War”*, где новую область противостояния, для которой характерно использование странами киберпространства, назвали «стратегическая информационная борьба»².

В том же году Министерство обороны США определило порядок проведения т.н. «информационных операций»³, целью которых является воздействие на информацию и информационные системы противника⁴. В секретной директиве, которая регламентировала все аспекты информационных операций, отмечено, что они проводятся как в военное, так и в мирное время. По признанию экспертов, разработка операций в мирное время стала причиной секретности этой тематики в США в 1990-х гг.⁵

В новом тысячелетии в США продолжились осмысление происходящей цифровизации военной деятельности и развитие подходов к использованию ИКТ в военно-политических целях. В «Концепции развития вооруженных сил США до 2020 г.», которая вышла в 2000 г., было зафиксировано, что США должны стремиться к доминированию во всех средах, в том числе в информационном

1 Molander et al. 1996.

2 Ibid., 1–2.

3 “Department of Defense Directive S-3600.01,” U.S. Department of Defense, 1996, accessed May 20, 2022, https://archive.org/details/details/DODD_S3600.1.

4 Ibid., 9.

5 Armistead 2004, 41.

пространстве¹. В «Четырехлетнем обзоре обороны»² 2001 г. киберпространство было признано новой сферой противоборства.

Важным шагом по созданию практических возможностей осуществления военной деятельности в киберпространстве стало учреждение в 2010 г. соответствующей структуры – Киберкомандования³, которое отвечает за кибероперации, защиту военных сетей и систем от кибератак, а также координацию киберобороны. Для скорейшего достижения Киберкомандованием оперативной готовности был подписан специальный меморандум с Министерством внутренней безопасности⁴, а также введена двойная должность – руководитель Киберкомандования одновременно является главой Агентства национальной безопасности США (АНБ), которое, помимо радиоэлектронной разведки и криптографии, занимается вопросами проникновения в информационные сети и системы потенциального противника. При этом Киберкомандование и географически расположено там же, где и АНБ – в Форт-Мид, штат Мэриленд.

В 2011 г. США закрепили свою позицию в том, что значимые кибератаки против США могут вызвать ответ любыми доступными средствами – не исключая и применение военной силы⁵. Определенное понимание того, что считать значимой кибератакой, можно получить из «Президентской директивы № 20»⁶. Согласно этому документу, ощутимые последствия включают в себя жертвы среди населения, значительные материальные потери, значительный экономический ущерб.

При Д. Трампе курс на дальнейшую милитаризацию ИКТ-среды еще более укрепился, что нашло отражение в «Киберстратегии Министерства обороны США 2018 г.», которая содержит две новые концепции – *persistent engagement* и *defend forward*⁷. Реализация «постоянного противодействия» и «обороны за передовой линией» в совокупности означает переход не просто к наступательной концепции киберобороны, а к агрессивному противоборству, невзирая на возможные риски эскалации. Кроме этого, Киберкомандование было выведено из структуры Стратегического командования и получило большую самостоятельность, а административные барьеры⁸, которые требовали длительного согласования наступательных киберопераций, были сняты. Появление в 2019 г. в СМИ⁹ информации о том, что объекты, связанные с выработкой и передачей электроэнергии в России, подверглись кибервторжениям со стороны спецслужб США, можно рассма-

1 "Joint Vision 2020," US Department of Defense, June 2000, p. 6, accessed May 20, 2022, <https://www.hsdl.org/?view&did=446826>.

2 "Quadrennial Defense Review 2001," US Department of Defense, 2001, p. 7, accessed May 20, 2022, <https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/qdr2001.pdf>.

3 "Cyber Command Fact Sheet," US Department of Defense, May 2010, accessed May 20, 2022, <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB424/docs/Cyber-038.pdf>.

4 "Memorandum of Agreement between the Department of Homeland Security and the Department of Defense Regarding Cybersecurity," US Department of Homeland Security, October 2010, accessed May 20, 2022, <http://www.dhs.gov/xlibrary/assets/20101013-dod-dhs-cyber-moa.pdf>.

5 "International Strategy for Cyberspace," The White House, May 2011, p. 14, accessed May 20, 2022, https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/rss_viewer/international_strategy_for_cyberspace.pdf.

6 "Fact Sheet on Presidential Policy Directive," US Government, January 2013, accessed May 20, 2022, <http://epic.org/privacy/cyber-security/Pres-Policy-Dir-20-FactSheet.pdf>.

7 "2018 Department of Defense Cyber Strategy," US Department of Defense, 2018, p. 1, accessed May 20, 2022, https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/-1/1/CYBER_STRATEGY_SUMMARY_FINAL.PDF.

8 David E. Sanger, "Trump Loosens Secretive Restraints on Ordering Cyberattacks," The New York Times, September 20, 2018, accessed May 20, 2022, <https://www.nytimes.com/2018/09/20/us/politics/trump-cyberattacks-orders.html/>.

9 David E. Sanger, and Nicole Perlroth, "U.S. Escalates Online Attacks on Russia's Power Grid," The New York Times, June 15, 2019, accessed May 20, 2022, <https://www.nytimes.com/2019/06/15/us/politics/trump-cyber-russia-grid.html>.

тривать как неподтвержденное свидетельство практической реализации новой стратегии.

Дж. Байден еще до своего избрания в президенты неоднократно обещал заставить Россию ответить за свои действия в киберпространстве¹. Он же заявлял, что стратегия «постоянного противодействия» будет пересмотрена, в том числе ввиду рисков непреднамеренной эскалации². Хотя администрация Дж. Байдена еще не опубликовала значимых документов по вопросам военной кибербезопасности, в апреле 2021 г. был выпущен информационный бюллетень, в котором перечислены шаги по противодействию «вредоносной деятельности России за рубежом»³. В нем не говорится о пересмотре или смягчении политики Д. Трампа, равно как и не сказано о ее поддержке или развитии. До появления новой стратегии киберобороны США это можно расценивать как согласие на продолжение реализации «постоянного противодействия» и «обороны за передовой линией».

Подводя краткий итог вышесказанному, можно отметить, что США на протяжении 30 лет последовательно развивают свои кибервозможности и сегодня обладают доктринальными, организационными и материально-техническими возможностями проведения как оборонительных, так и наступательных операций в ИКТ-среде. Киберпространство признано театром военных действий, а значительная кибератака может быть расценена как нападение – с соответствующими последствиями. При этом в документах стратегического планирования США зафиксирована возможность проведения киберопераций против потенциального противника в мирное время. Особенно опасным с точки зрения возможной эскалации представляется закрепление на уровне стратегии подходов, которые оправдывают и предписывают проведение военных киберопераций в мирное время на территории потенциальных противников.

Позиции европейских стран, НАТО и России

Военно-политический блок НАТО объединяет 30 государств в рамках общей политики безопасности, в том числе в ИКТ-среде. При этом нельзя отрицать того, что США играют в этой организации лидирующую и принципиальную роль. Сегодня можно констатировать, что Североатлантический альянс последовательно развивает возможности наступательных и оборонительных операций в киберпространстве и в этих шагах следует по тому пути, который уже прошли Соединенные Штаты. Так, в 2014 г. было признано, что пятая статья Североатлантического договора (о коллективной обороне) применима к киберпространству⁴. В 2016 г. киберпространство было признано сферой оперативной деятель-

1 "Campaign 2020: Trump-Biden Second Debate," C-Span, October 22, 2020, accessed May 20, 2022, <https://www.c-span.org/video/?475796-1/trump-biden-debate&live>.

2 "Cyber Policy," The New York Times, 2020, accessed May 20, 2022, <https://www.nytimes.com/interactive/2020/us/politics/2020-democrats-cyber-policy-foreign-policy.html>.

3 "FACT SHEET: Imposing Costs for Harmful Foreign Activities by the Russian Government," US Government, April 2020, accessed May 20, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/04/15/fact-sheet-imposing-costs-for-harmful-foreign-activities-by-the-russian-government/>.

4 Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе // НАТО. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 28.03.2022).

ности¹, а в феврале 2017 г. были приняты обновленный «План киберобороны»² и дорожная карта по военному освоению киберпространства. В ноябре того же года было принято решение³ о создании Центра киберопераций НАТО.

Важнейшие в военном отношении европейские страны также идут по пути наращивания своих оборонительных и наступательных возможностей в ИКТ-среде. Согласно данным за 2021 г.⁴, США, Великобритания, Франция и Германия в совокупности покрывают 86% расходов НАТО, и на текущий момент у всех этих государств в том или ином виде есть свои кибервойска.

В декабре 2016 г. было объявлено о создании структуры, подобной Киберкомандованию США, во Франции. Одновременно Ж.-И. ле Дриан, бывший тогда министром обороны Франции, заявил, что в определенных условиях кибератака может считаться актом войны и вызвать ответные действия с использованием наступательного потенциала киберкомандования⁵. В 2018 г. был принят «Стратегический обзор киберобороны», который положил начало пересмотру и усилению подходов Франции к военным действиям в ИКТ-среде. Одно из главных изменений заключается в разделении киберзащиты и кибернападения. В частности, передача функций киберзащиты из разведывательного сообщества специальной структуре «способствует принятию вмешательства государства в вопросы безопасности информационных систем – в госуправлении и экономике»⁶. В полной версии документа также рассматривается вопрос ответных действий на кибератаку, которые допускаются при условии, что предотвращение, сотрудничество и переговоры не сработают. Ответ может быть дан с использованием кибер- или иных средств. В стратегии также подчеркивается, что крупная кибератака может быть истолкована как вооруженная агрессия в соответствии со ст. 51 Устава ООН⁷. В 2019 г. вышла наступательная военная доктрина, которая интересна тем, что в ней представлен принцип управления рисками при подготовке и проведении наступательных операций: снижение риска эскалации в асимметричной обстановке, или риска побочного ущерба, или непредвиденного косвенного воздействия на гражданскую инфраструктуру⁸.

Формирование киберсил Великобритании началось в 2011–2013 гг., когда была создана Группа оборонных киберопераций⁹. В «Национальной стратегии

1 Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве // НАТО. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru. (дата обращения: 28.03.2022).

2 Press Conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg Following the Meeting of the North Atlantic Council at the Level of Defence Ministers," NATO, February 2017, accessed May 20, 2022, https://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_141340.htm.

3 Министры обороны стран НАТО встречаются, чтобы продолжить адаптацию Североатлантического союза к XXI веку // НАТО. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_148357.htm?selectedLocale=ru (дата обращения 28.03.2022).

4 "Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2021)," NATO, June 2021, p. 7, accessed May 20, 2022, https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/6/pdf/210611-pr-2021-094-en.pdf.

5 "Worried by Hacker Threat, France Prepares Army Response," Phys.org, December 2016, accessed May 20, 2022, <https://phys.org/news/2016-12-hacker-threat-france-army-response.html>.

6 "Revue stratégique de cybersécurité (Strategic Review of Cyber Defence)," Secrétariat général de la défense et de la sécurité nationale (General Secretariat of Defense and National Security), February 2018, p. 5, accessed May 20, 2022, <http://www.sgdsn.gouv.fr/uploads/2018/03/revue-cyber-resume-in-english.pdf>.

7 Ibid.

8 "Éléments publics de doctrine militaire de lutte informatique offensive (Public Elements of Military Doctrine of Offensive Computer Struggle)," Ministère des Armées (Ministry of the Armed Forces), 2019, p. 9, <https://www.defense.gouv.fr/sites/default/files/ema/EI%20C3%A9ments%20publics%20de%20doctrine%20militaire%20de%20lutte%20informatique%20OFFENSIVE.pdf>.

9 "The UK Cyber Security Strategy: Protecting and Promoting the UK in a Digital World," Cabinet Office, November 2011, p. 26, accessed May 20, 2022, https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/60961/uk-cyber-security-strategy-final.pdf.

кибербезопасности 2016–2021» подтверждено наличие наступательных киберсредств и заявлено, что реагирование на кибератаки будет осуществляться с использованием наиболее подходящих возможностей, в том числе наступательных киберопераций¹. В 2018 г. были обнародованы детали, касающиеся процесса поиска уязвимостей, подобного тому, что ранее был запущен в США. Центр правительственной связи Великобритании и Национальный центр кибербезопасности непрерывно работают над обнаружением уязвимостей безопасности, однако раскрывают лишь часть из них, в то время как другие могут быть использованы в разведывательных целях в интересах Великобритании². Стоит отметить, что т.н. «уязвимости нулевого дня» – то есть те, для которых не создано защиты – фактически являются компонентами, необходимыми для создания кибероружия.

Германия создала Командование кибер- и информационного пространства в 2016–2017 гг. Выступая на церемонии открытия этой структуры, министр обороны Германии У. фон дер Ляйен заявила, что «если сети немецких военных будут атакованы, мы сможем защитить себя. Как только нападение ставит под угрозу функциональную и оперативную боеготовность наших вооруженных сил, мы можем ответить наступательными мерами»³. На сегодняшний момент численность задействованного персонала составляет 14448 военнослужащих и гражданских специалистов⁴. В части «Стратегии кибербезопасности Германии», касающейся киберобороны, сказано, что она должна быть интегрирована в планирование, структуры и процессы общей защиты. Для того чтобы вооруженные силы Германии могли выполнять свои задачи в киберпространстве, расширяются их возможности, консолидируется архитектура безопасности их ИТ-систем, а ранее разрозненные структуры объединяются в рамках новой, самостоятельной военно-организационной области⁵.

Позиция России по вопросам военно-политического использования ИКТ-среды также прошла несколько этапов развития. Впервые она была подробно изложена в документе 2011 г. «Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве». В нем предлагается «разрешение конфликтов в информационном пространстве осуществлять, в первую очередь, путем переговоров, примирения, обращения к Совету Безопасности ООН или к региональным органам, или соглашениям, или иными мирными средствами»⁶. Одновременно возможно «в условиях эскалации конфликта в информационном пространстве и перехода его в кризисную фазу воспользоваться правом на индивидуальную или коллективную самооборо-

1 "National Cyber Strategy 2016–2021," HM Government, accessed May 20, 2022, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/643426/Russian_translation_-_National_Cyber_Security_Strategy_2016.pdf.

2 "The Equities Process," GHQ, November 2019, accessed May 20, 2022, <https://www.gchq.gov.uk/information/equities-process>.

3 "German Military Can Use 'Offensive measures' Against Cyber Attacks: Minister," Reuters, April 5, 2017, accessed May 20, 2022, <https://www.reuters.com/article/us-germany-cyber-idUSKBN1771MW>.

4 "Personalzahlen der Bundeswehr (Personnel numbers of the Armed forces)," Bundeswehr, January 2022, accessed May 20, 2022, <https://www.bundeswehr.de/de/ueber-die-bundeswehr/zahlen-daten-fakten/personalzahlen-bundeswehr>.

5 "Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland (Cyber Security Strategy for Germany)," Bundesministerium des Innern (Federal Ministry of the Interior), 2016, accessed May 20, 2022, https://www.bmi.bund.de/cybersicherheitsstrategie/BMI_CyberSicherheitsstrategie.pdf.

6 Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве // Министерство обороны Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://ens.mil.ru/science/publications/more.htm?id=10845074%40cmsArticle&ysclid=11apyn31fn> (дата обращения: 28.03.2022).

ну с применением любых избранных способов и средств, не противоречащих общепризнанным нормам и принципам международного права»¹. В актуальной Военной доктрине «отражена приверженность Российской Федерации к использованию для защиты национальных интересов страны и интересов ее союзников военных мер только после исчерпания возможностей применения политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других инструментов ненасильственного характера»².

В 2017 г. министр обороны Российской Федерации С. Шойгу заявил, что в России за последние четыре года созданы войска информационных операций³, соответственно, решение об их создании было принято в 2014 г., что подтверждается сообщениями СМИ. При этом одной из поставленных перед этими подразделениями задач является контрпропаганда, то есть нейтрализация вредоносного информационного воздействия, что соответствует принятой в России концепции информационной безопасности.

На внешнеполитическом контуре усилия российской дипломатии с самого начала были направлены на недопущение милитаризации ИКТ-среды вплоть до заключения соглашения о запрете на деструктивное военно-политическое использование ИКТ. Россия еще в 1998 г. на уровне ООН отметила опасность возникновения «информационных войн»⁴ и фактически «стала первым государством, которое на международном уровне подняло вопрос о появлении принципиально новых (информационных) угроз национальной и международной безопасности в XXI веке»⁵. В 2015 г. А.В. Крутских, являющийся специальным представителем Президента Российской Федерации по вопросам международного сотрудничества в области информационной безопасности, отметил, что позиция России и ее партнеров по ШОС и БРИКС заключается в том, чтобы «не легализовывать и не регулировать конфликты в информационном пространстве, а предотвращать использование ИКТ в военно-политических целях»⁶. Эта внешнеполитическая позиция неоднократно подтверждалась и в дальнейшем⁷.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что ведущие государства НАТО в построении доктринальных, организационных и материально-технических возможностей проведения киберопераций пошли по пути США, но с учетом некоторых национальных особенностей и приоритетов. До сих пор ни

- 1 Концептуальные взгляды на деятельность Вооруженных Сил Российской Федерации в информационном пространстве.
- 2 Военная доктрина Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г., № Пр-2976) // Совет Безопасности Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/> (дата обращения: 28.03.2022).
- 3 В Минобороны РФ создали войска информационных операций // Interfax. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/551054> (дата обращения: 28.03.2022).
- 4 Роль науки и техники в контексте международной безопасности, разоружения и других связанных с этим областей. Письмо Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 23 сентября 1998 года на имя Генерального секретаря // ООН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/C.1/53/3> (дата обращения: 28.03.2022).
- 5 Крутских 2007.
- 6 Нам удалось договориться в условиях конфронтации и санкций // Коммерсантъ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2790234> (дата обращения: 28.03.2022).
- 7 МИД РФ: усилия по обеспечению кибербезопасности особенно актуальны на фоне коронавируса // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/8180805> (дата обращения: 28.03.2022); Максим Федоренко: Россия – признанный интеллектуальный лидер в сфере международной информационной безопасности // Внешнеэкономические связи. [Электронный ресурс]. URL: <https://eer.ru/article/mnenie/u72/2021/12/29/5965> (дата обращения 28.03.2022); Спецпредставитель президента: Россия против развязывания гонки информационных вооружений // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/4374464?> (дата обращения: 28.03.2022).

одна из этих стран не приняла в чистом виде политику «постоянного противодействия» и «обороны за передовой линией», однако нет уверенности, что это не произойдет в ближайшее время¹. Если сравнить позицию России с позицией других стран, можно отметить, что Россия идет в русле последних тенденций и создала свое «информационное командование» и соответствующие подразделения. В то же время с доктринальной точки зрения Россия не ставит своей задачей проведение наступательных операций в информационном пространстве, что можно объяснить политикой «предотвращения» конфликтов в информационном пространстве. При сохранении общей направленности внешней политики на поиск путей предотвращения или ограничения конфликтов в ИКТ-среде, создание кибер- и информационного потенциала является неизбежным следствием необходимости обеспечения национальной безопасности на фоне развития наступательных и оборонительных кибервозможностей в других государствах.

Факторы эскалации и деэскалации

Сегодня кибератаки, в том числе направленные на различные объекты критически важной инфраструктуры, осуществляются ежеминутно, и их интенсивность непрерывно возрастает. Так, по информации Ю.И. Борисова, заместителя председателя Правительства Российской Федерации по вопросам оборонно-промышленного комплекса, за первую половину 2021 г. количество хакерских атак, направленных на объекты критической информационной инфраструктуры России, превысило общий объем атак 2020 г.² Одновременно следует подчеркнуть, что кибератаки не привели к значительной эскалации, в первую очередь в военной сфере. Представляется, что этого не происходит благодаря совокупности нескольких факторов. Во-первых, ИКТ-среда является рукотворным пространством и обладает свойствами трансграничности, анонимности, глобальности. Все эти свойства, которые проистекают из технических и технологических особенностей построения глобальных информационных сетей, значительно затрудняют проведение быстрой и точной атрибуции – то есть определения источника кибератаки. И это, в свою очередь, повышает риски ошибочного реагирования и непреднамеренной эскалации, особенно если говорить о возможных автоматических ответных хакерских атаках. Во-вторых, все основные игроки реализуют стратегию сдерживания путем определения, какие кибератаки и какой ущерб неприемлемы и приведут к ответным действиям. Например, в июне 2021 г. страны Североатлантического альянса признали, «что воздействие значительной злонамеренной накапливающейся кибердеятельности может при определенных обстоятельствах считаться равнозначным вооруженному нападению»³.

1 Так, политика «активной киберзащиты», которая содержится в Национальной Стратегии Кибербезопасности Великобритании прямо не говорит о вторжении в сети потенциального противника ("National Cyber Strategy 2016–2021," HM Government, accessed May 20, 2022, https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/643426/Russian_translation_-_National_Cyber_Security_Strategy_2016.pdf).

2 Борисов заявил о росте числа кибератак на критическую инфраструктуру // РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/13/12/2021/61b377649a7947d59106869f (дата обращения: 28.03.2022).

3 Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе. Обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического совета в Брюсселе 14 июня 2021 года // НАТО. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 28.03.2022).

С другой стороны, ряд факторов усугубляют ситуацию с возможной эскалацией. Во-первых, отсутствуют международно-правовые механизмы, которые могли бы способствовать снижению рисков в ИКТ-среде, так как принятые в рамках ООН нормы, правила и принципы ответственного поведения государств являются частью «мягкого» права – то есть необязательны для исполнения. Более того, до сих пор нет четкого механизма их применения и отсутствует юридически закреплённое определение множества важных понятий, необходимых для реализации как упомянутых норм, так и международного права в целом. Например, нет юридически закреплённой трактовки, что понимать под государственными границами в ИКТ-среде и где пролегает зона ответственности государств. Профессор А.А. Стрельцов отмечает, что «отсутствие признанных международным сообществом механизмов делимитации границ государств в ИКТ-среде и, соответственно, международных договоров, закрепляющих границы национальных сегментов ИКТ-среды, не позволяет использовать суверенитет государства в данной среде как средство добросовестного выполнения международных обязательств»¹. Во-вторых, рядом государств, особенно США², продвигается концепция т.н. «публичной атрибуции», в рамках которой виновный определяется не через установление фактов, должное разбирательство и доказательство вины, а путем «назначения» – зачастую из политических соображений. В-третьих, порог обладания т.н. «кибероружием», то есть специализированным программным обеспечением, и его использования остается низким. Его «компоненты», в том числе описание новых уязвимостей, можно приобрести на черном рынке. Там же можно нанять и соответствующих специалистов. Эта ситуация ведет к существенному расширению круга акторов: кибероружием могут обладать не только государства, но и террористы. Соответственно, учитывая сложности атрибуции, нельзя исключить возможность проведения третьими сторонами атак под ложным флагом с целью провоцирования конфликта. Похожая оценка этого фактора приводится в исследовании Белферского центра, где прямо сказано, что наступательные кибервозможности дешевле традиционных инструментов и их труднее отследить. Кроме того, в исследовании отмечается асимметричный характер кибервозможностей, который означает, что небольшие страны могут оказывать большее влияние с помощью киберсредств, чем с помощью традиционных инструментов³. В-четвертых, в определенных военных кругах распространено мнение⁴, что киберсредства позволяют лучшим образом соблюдать принципы международного гуманитарного права (МГП) – пропорциональность и избирательность⁵. Однако исследования говорят о том, что на данный момент невозможно гарантировать соблюдение принципов МГП при применении кибероружия⁶. Так, по мнению экспертов, вредоносная программа *STUXNET*, с помощью которой в 2010 г. были поражены некоторые предприятия

1 Стрельцов 2017, 98.

2 "The National Cyber Strategy," The White House, September 2018, accessed May 20, 2022, <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>.

3 Voo et al. 2020.

4 "Press Conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg Following the Meeting of the North Atlantic Council at the Level of Defence Ministers," NATO, November 2017, accessed May 20, 2022, https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_148417.htm?selectedLocale=en.

5 Международное гуманитарное право. Общий курс // МККК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/mgp-obshchiy-kurs> (дата обращения: 28.03.2022).

6 Карасев 2018.

ядерной программы Ирана, распространилась далеко за пределы своей первоначальной цели¹. Специалисты в области права отмечают, что выполнение положений международного гуманитарного права в ИКТ-среде затруднено по причине отсутствия для нее механизма идентификации гражданских и военных систем².

Самым существенным фактором является то, что на сегодняшний момент у ряда стран есть не только доктринальные, материально-технические основы, но и намерение более активно использовать ИКТ-возможности в военно-политических целях, невзирая на возможные риски. В этой связи можно вспомнить, что в актуальных документах стратегического планирования США³ Россия и Китай названы основными противниками, а Дж. Болтон, будучи советником президента США по национальной безопасности, в июне 2019 г. заявил: «Цель [наступательных действий в киберпространстве] состоит в том, чтобы заявить России или кому-либо еще, кто осуществляет против нас кибероперации: „Вы за это поплатитесь“»⁴. В июне 2019 г. в газете *The New York Times* была опубликована статья⁵ о том, как российские объекты производства и передачи электроэнергии подверглись кибервторжению со стороны спецслужб США.

Кибератаки, направленные против информационных систем критической инфраструктуры, особенно на объектах, содержащих опасные силы⁶, а также атаки на военную инфраструктуру несут наибольший риск эскалации с учетом возможных материальных и людских потерь. Стремление ядерных держав в рамках модернизации своих ядерных сил насыщать информационно-управляющие системы цифровыми технологиями неизбежно ведет к возникновению потенциальных киберуязвимостей и возрастанию рисков непреднамеренной эскалации в сфере, связанной с поддержанием стратегической стабильности⁷. Также до сих пор недостаточно изучены потенциальные риски применения в военной сфере автономных систем с элементами искусственного интеллекта.

В условиях острого дефицита доверия и геополитической нестабильности крайне сложно реализовать как эффективное предотвращение, так и регулирование конфликтов в ИКТ-среде. Факты говорят о гонке кибервооружений, где отдельные страны открыто заявляют о возможном использовании наступательных киберопераций. Непрерывно возрастающие киберриски, особенно на фоне нестабильности международной обстановки, обостряют необходимость поиска путей и механизмов деэскалации напряженности в ИКТ-среде.

- 1 Stuxnet: первые жертвы // SecureList. [Электронный ресурс]. URL: <https://securelist.ru/stuxnet-pervye-zhertvy/24277/> (дата обращения: 28.03.2022).
- 2 Стрельцов, А. Основные проблемы применения международного права к ИКТ-среде // Digital Report. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.report/osnovnyie-problemyi-priimeneniya-mezhdunarodnogo-prava-k-ikt-srede/> (дата обращения: 28.03.2022).
- 3 "2018 Department of Defense Cyber Strategy," US Department of Defense, September 2018, accessed May 20, 2022, https://media.defense.gov/2018/Sep/18/2002041658/-1/-1/1/CYBER_STRATEGY_SUMMARY_FINAL.PDF.
- 4 "They will Pay a Price": Bolton Says US has Expanded 'Offensive Cyber Operations' Against Russia," RT, June 11, 2019, accessed May 20, 2022, <https://www.rt.com/news/461622-bolton-us-expanded-cyber-war-russia/>.
- 5 David E. Sanger, and Nicole Perlroth, "U.S. Escalates Online Attacks on Russia's Power Grid," *The New York Times*, June 15, 2019, accessed May 20, 2022, <https://www.nytimes.com/2019/06/15/us/politics/trump-cyber-russia-grid.html>.
- 6 Статья 56. Дополнительного Протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года // Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/2540377/#ixzz5RAhTQHgB> (дата обращения: 28.03.2022). Согласно этой статье, к таким установкам и сооружениям относятся плотины, дамбы и атомные электростанции.
- 7 Более подробно о киберуязвимостях информационно-управляющих систем стратегических сил: Futter 2016; Unal et al. 2018.

Опыт разработки правил ответственного поведения государств в ИКТ-среде выявил существенные противоречия между странами, что на практике выразилось в отсутствии консенсуса по докладу группы правительственных экспертов (ГПЭ) ООН в 2017 г., а также в формировании в 2018 г. двух параллельных групп – новой ГПЭ, где ведущую роль играли США, и Рабочей группы открытого состава (РГОС) с неформальным лидерством России и Китая¹. Несмотря на оформившееся разделение, обсуждение актуальных проблем безопасности ИКТ-среды продолжилось, причем не только на многосторонней основе², но и в двустороннем формате.

На Саммите Россия – США в июне 2021 г. обсуждению вопросов кибербезопасности было уделено особое внимание, и по итогам переговоров было объявлено о создании совместной консультативной группы. Одна из задач, которая поставлена перед ее участниками, – выработать общее понимание, какая критически важная инфраструктура находится за пределами «красных линий»³. Представляется, что принятые решения придали позитивный импульс двустороннему и международному взаимодействию. Об этом можно судить исходя из того, что ГПЭ ООН и РГОС завершили свою работу в позитивном ключе, а в конце 2021 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности и поощрение ответственного поведения государств в сфере использования информационно-коммуникационных технологий», подготовленная совместно Россией и США.

Подобное объединение усилий и, в некоторой степени, согласование позиций, безусловно, является позитивным сигналом – и необходимо развить успех, реализовав, как отмечено в Резолюции, «возможность разработки в будущем, при необходимости, дополнительных имеющих обязательную силу обязательств»⁴. С учетом всех рисков необходимость в выработке обязательных механизмов деэскалации в ИКТ-среде очевидна уже сегодня. В условиях острейшей напряженности в международных отношениях и дефицита времени на принятие решения любой значительный инцидент в ИКТ-среде – то есть тот, который какая-либо из сторон воспримет как переход «красных линий», – может спровоцировать эскалацию с применением все более разрушительных мер противодействия. Представляется важным обратить первоочередное внимание на выработку общего понимания киберугроз военной и стратегической стабильности, а затем – механизмов предотвращения киберинцидентов в этой сфере. Одновременно стоит вернуться к рассмотрению возможности реализации озвученного в 2020 г. президентом России предложения заключить глобальную договоренность о ненападении первого киберудара – по аналогии с отказом от нанесения ядерного удара первыми⁵.

1 Доклад Генерального секретаря A/72/327 // UNdocs.org. [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/> (дата обращения: 20.05.2022); Доклад Первого комитета A/73/505 // UN.org. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/ga/first/73/first_res.shtml (дата обращения: 20.05.2022).

2 США принимали участие в работе РГОС, а Россия вошла в ГПЭ.

3 "Remarks by President Biden in Press Conference," The White House, June 16, 2021, accessed May 20, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/06/16/remarks-by-president-biden-in-press-conference-4/>.

4 Ibid.

5 Заявление Владимира Путина о комплексной программе мер по восстановлению российско-американского сотрудничества в области международной информационной безопасности // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64086>. (дата обращения 28.03.2022 г.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Карасев, П.А. Милитаризация киберпространства // Безопасность и контроль над вооружениями 2017–2018: Преодоление разбалансировки международной стабильности / Отв. ред.: А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. – Москва: ИМЭМО РАН, Политическая энциклопедия, 2018. – С. 247–259.
- Karasev, Pavel A. "Militarizaciya Kiberprostranstva." In *Security And Arms Control 2017–2018: Overcoming The Imbalance Of The International Stability*, edited by Alexey Arbatov, and Natalia Bubnova, 247–259. Moscow: IMEMO, 2018 [In Russian].
- Крутских, А.В. К политико-правовым основаниям глобальной информационной безопасности // Международные процессы. – 2007. – № 1. С. 28–37.
- Krutsikh, A. "On Legal and Political Foundations of Global Information Security." *International Trends (Mezhdunarodnyye protsessy)*, no. 1 (2007): 28–37 [In Russian].
- Лобач, Д.В., Смирнова, Е.А. Компьютерные сетевые атаки как акт агрессии в условиях развития современных международных отношений: pro et contra // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – № 4. – С. 59–65. <https://doi.org/10.17816/RJLS46326>.
- Lobach, Dmitriy V., and Evgeniya A. Smirnova. "Computer Network Attacks as an Act of Aggression in the Context of the Development of Modern International Relations: Pros and Cons." *Russian Journal of Legal Studies (Moscow)* 7, no. 4 (March 14, 2021): 59–65. [In Russian].
- Стрельцов, А.А. Суверенитет и юрисдикция государства в среде информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности // Международная жизнь. – 2017. – № 4.
- Streltsov, Anatoliy. "Suverenitet i yurisdikciya gosudarstva v srede informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti." *International Affairs*. no. 4 (2017) [In Russian].
- Armistead, Leigh. *Information Operations: The Hard Reality of Soft Power*. Washington, D.C.: Potomac Books, 2004.
- Futter, Andrew. *Cyber Threats and Nuclear Weapons New Questions For Command And Control, Security And Strategy*. London: RUSI, 2016.
- Maurer, Tim, and Robert Morgus. *Compilation of Existing Cybersecurity and Information Security Related Definitions*. New America, 2014. <http://www.jstor.org/stable/resrep10487>.
- Molander, Roger, Andrew Riddile, and Peter Wilson. *Strategic Information Warfare: A New Face of War*. RAND Corporation, 1996. <https://doi.org/10.7249/MR661>.
- Rauscher, Karl, and Valeriy Yashchenko. *Critical Terminology Foundations 1*. Ebook. New York: EWI/IISI, 2011.
- Rauscher, Karl, and Valeriy Yashchenko. *Critical Terminology Foundations 2*. Ebook. New York: EWI/IISI, 2014.
- Unal, Beyza, and Patricia Lewis. *Cybersecurity Of Nuclear Weapons Systems: Threats, Vulnerabilities And Consequences*. London: The Royal Institute of International Affairs, 2018. <https://www.chathamhouse.org/publication/cybersecurity-nuclear-weapons-systems-threats-vulnerabilities-and-consequences>.
- Voo, Julia, Hemani, Ifran, Jones, Simon, DeSombre, Winnona, Cassidy, Dan, and Anina Schwarzenbach. *Reconceptualizing Cyber Power*. Cambridge, MA: Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 2020.

Сведения об авторе

Карасев Павел Александрович,

к.полит.н., с.н.с., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН, Россия, Москва, Профсоюзная ул., 23,

Центр проблем информационной безопасности ВМК МГУ, Россия, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В.Ломоносова, д. 1, стр. 52.

e-mail: karpaul@iisi.msu.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 11 марта 2022.

Переработана: 31 мая 2022.

Принята к публикации: 1 июня 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Карасев, П.А. Эволюция национальных подходов к ведению кибервойны // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (2). – С. 79–94.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-79-94>

Evolution of National Approaches to Cyber Warfare

ABSTRACT

The latest information and communication technologies (ICTs) are increasingly considered by nation-states as a means to project their power and promote national interests. Over the past 20 years the major militarily significant powers have created the doctrinal, logistical and organizational foundations for conducting military activities in the ICT environment and some states have already openly declared the priority of offensive cyber operations, which increases the risks of crossing “red lines” and inadvertent escalation. The current situation related to the military-political exploitation of the ICT environment predetermines the urgent need for continuous analysis of current trends in this area and the search for approaches to reduce tension, which is the goal of this article. To achieve this goal, the first part of the article considers in detail relevant doctrinal and strategic documents of the United States and other key countries and identifies certain stages and aspects of evolution of their approaches. Further, the article considers and evaluates factors that influence military stability in the ICT environment, taking into account the previously obtained results. It is concluded that the identified factors make the task of developing international frameworks to reduce the escalation in this area uncontested. This task is of particular urgency in the context of general international instability. Analysis of the current international environment in the relevant sphere allows to conclude that international community as a whole and the major players in particular (primarily Russia and the US) are aware of the danger of unintentional escalation in the ICT environment, especially when linked to strategic stability, and are ready to take steps towards developing the framework aimed at regulation and prevention of cyber conflicts. It is very actual now in new political reality but the question mostly is about finding the possible format.

KEYWORDS

International information security, cyberattacks, cyber warfare, US foreign policy, information space

Author

Pavel A. Karasev,

Ph.D. Political sciences, Senior researcher at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, Trade Union street, 23, Center for Information Security Issues at the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, Leninskie Gory, Lomonosov Moscow State University, 1, p. 52.

e-mail: karpaul@iisi.msu.ru

Additional information

Received: March 11, 2022. Revised: May 31, 2022. Accepted: June 1, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Karasev, Pavel A. “Evolution of National Approaches to Cyber Warfare.” *Journal of International Analytics* 13, no. 2 (2022): 79–94.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-79-94>

Space as a Competition Domain: Threats and Opportunities

Dmitry V. Stefanovich, IMEMO RAS, Moscow, Russia

Daniel Porras, Secure World Foundation, Washington DC, the USA

Correspondence: stefanovich@imemo.ru

ABSTRACT

The article deals with the unfolding race for military, technological, and political influence in space. Great powers have competed in space since the dawn of the Space Age. Today we are once again faced with the possibility of space warfighting, but there are more than two players in the game now and civil infrastructure depends on space more than ever before. Theoretical space war threats are often analysed through an assessment of possible targets. And there are real-life challenges and threats here, including but not limited to rendezvous and proximity operations (RPO), existing destructive anti-satellite (ASAT) capabilities, non-destructive electronic warfare, and cyber and jamming capabilities. The greatest threat, though, comes from simple misperceptions of actions in space by different actors. Space cannot be separated from dynamics on Earth, but there might be some room for space-specific confidence-building, risk reduction and even arms control measures.

KEYWORDS

space, military space, anti-satellite capabilities, space defence, counterspace capabilities, weapons in space, international norms

Introduction

Great powers have competed in space since the dawn of the Space Age. Original space launch vehicles were the close brethren of long-range ballistic missiles, and the advantages of satellite-based reconnaissance and communications were understood early on, not to mention the political symbolism of a space race. Military applications for space developments was a priority. However, great powers agreed early on to put some limits in place as since, for all practical purposes, space is a global commons. Still, the 21st century has demonstrated that these limits can be questioned and discussed. This paper aims to list the current challenges and offer a set of possible solutions can prevent further deterioration of space relations in space, which might lead to actual warfighting in space and on Earth.

The space environment is changing rapidly, little resembling the scene as it was when space arms controls were first adopted – effectively, now we see a new scene in space. The most dramatic change today is the rapid increase in the number of spacefaring and space-using actors (nations and commercial enterprises) with the number of space assets growing from 1,500 to nearly 5,000 in just a few short years.¹ Under such circumstances, any conflict in space (which, of course, is an extension of a “terrestrial” conflict) can have a very real impact on “bystanders” due to the nature of this global commons.

This topic is not new. A great deal of research has been carried out on this very issue, and a number of articles have been published, including over the last decade. In Russia, the topic has been explored by such scholars as A. Arbatov, V. Dvorkin, P. Topychkanov, S. Oznobishchev, and V. Mizin, whose work was published in an edited volume by the Carnegie Endowment for International Peace in 2010.² Even at that time, an argument was made that there is no alternative but to find cooperative solutions for the challenges of possible hostilities in the outer space.

A. Arbatov also argued in a 2019 paper for the establishment of several interconnected treaties addressing different threats.³ The “fragmentation” of the space domain and the establishment of separate architectures (with a focus on possible defensive missions) had been acknowledged in papers by L. Saalman (with a focus on China and Russia),⁴ and K. Pollpeter, and E. Barrett (with a focus on NATO as an alliance).⁵

In 2005, American Academy of Arts and Sciences published “a reference manual” on physics of space security, written by D. Wright, L. Grego, and L. Gronlund, which remains one of the best sources for technical reference⁶.

J.C. Moltz was among the first scholars to emphasize the ongoing change in the architecture of space competition related to rapid growth in commercial activities.⁷ L. Pankova studied the risks posed by growing competition in space in great detail.⁸

1 Union of Concerned Scientists Satellite Database, accessed June 14, 2022, ucsus.org/resources/satellite-database.

2 Arbatov, Dvorkin 2018.

3 Arbatov 2019.

4 Saalman 2022.

5 Barrett, Pollpeter 2021.

6 Wright et al. 2005.

7 Moltz 2019.

8 Pankova 2021.

H. Grest addressed the possible impact of “New Space” for military operations, noting the poor coordination in increasing activities in space and the advantages that can be provided by commercial solutions to military missions.¹

Finally, there is a rather direct link between space domain and issues of strategic arms control and nuclear deterrence. Historical dynamics in that field, with anti-satellite capabilities threatening mutual verification of compliance with arms control agreements between the U.S. and USSR had been studied based on archival material by A. Bateman.² Issues of space-based nuclear command, control and communications systems and their vulnerabilities and, thus, escalation threats are addressed by James Acton, who specifically raises a question of prohibiting interference with such assets.³ S. Egeli offered several options as “fixes and remedies” to some of the challenges of space-based military and dual-use activities, including increased resilience, improved space situational awareness and assorted regulations, including behaviour-based arms control⁴.

The issue of “war in space” is being analysed both from a military⁵ and an international relations perspective. As such, it can lead to rather different conclusions, which, most importantly, differ in terms of whether space is an “ultimate high ground,”⁶ or whether security dynamics in this domain are merely a continuation of terrestrial events.⁷

Theoretical Threat

Weapons have already been deployed in space – during the previous Cold War. The same is true for counterspace capabilities. However, even now there are claims that some of the assets deployed by Russia (inspector satellites labelled as “space torpedoes”⁸) and the United States (the X-37B orbital test vehicle⁹) can be described as weapons. Such claims are made with regards to some capabilities of Chinese satellites, including Shijian-17 with a robotic arm¹⁰, while other ‘robotic arms’ do not raise such concerns. Nevertheless, so far, as it seems, we are still not on a brink of actual warfighting in space. Apart from temporary electronic interference (which may or may not amount to an attack), no country has ever “attacked” another’s space object.

At least 11 countries possess counterspace capabilities in different forms today.¹¹ These can be separated into two major baskets: destructive and non-destructive. Theoretically, all of these can be used in conflict, and while destructive anti-satellite capabilities (both direct-ascent and co-orbital) are likely to trigger a major escalation,

1 Grest 2020.

2 Bateman 2022.

3 Acton 2018.

4 Egeli 2021.

5 Boucher 2022.

6 Lambeth 2003.

7 Bowen 2020.

8 Chelsea Gohd, “Everyone Wants a Space Force – But Why?” Space.Com, accessed June 14, 2022, <https://www.space.com/every-country-wants-space-force.html>

9 Козин, В. Холодная звездная война // ВПК. 29 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://vpk-news.ru/articles/64859> (дата обращения: 14.06.2022).

10 Ken Moriyasu, “China Can ‘Grapple’ US Satellites With Robotic Arm, Commander Says,” Nikkei Asia, April 21, 2021, accessed June 14, 2022, <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/US-China-tensions/China-can-grapple-US-satellites-with-robotic-arm-commander-says>.

11 “Global Counterspace Capabilities Report 2022,” Secure World Foundation, accessed June 14, 2022, <https://swfound.org/counterspace/>.

non-destructive options have been used without crossing the line of actual military conflict.

The former includes cyber and electronic warfare tools that can be used to hit communication links and command centres, temporarily or even permanently cutting the data exchange with the satellite. Such threats are considered very real, including by the highest Russian and U.S. Government officials.¹

Somewhere in between are directed energy weapons, e.g. lasers, which are currently available. At present, the development of an operationally sensible laser weapon capable of destroying targets in orbit still appears impracticable. However, it is quite possible to dazzle the optical-electronic sensors of enemy reconnaissance satellites, which is reportedly already one of the primary missions of the Russian Peresvet battle laser.² Likewise, the U.S. Space Force is also searching for ways to use directed-energy systems to “be an effective capability for space dominance.”³

Here, the clash of interests becomes inevitable, as Russia’s priority is to prevent anyone from gaining superiority in the space domain, as it is perceived as a threat to Russian nuclear deterrence forces, which, in turn, serve as an ultimate safeguard of the existence of the Russian state.⁴ Likewise, the U.S. considers its space-capabilities to be vital to national security and, ultimately, to its overall military capabilities.⁵

In Russia, the concept of joint Air-Space defence covers air defence, missile defence, space forces (including space situational awareness, or Space Control System), early warning systems, and the Moscow ABM system.⁶ Moreover, as a recent article in the respected Military Thought journal published by the Ministry of Defence of the Russian Federation notes, this architecture possibly includes the Space Countermeasures System.⁷

If, at the same time, the United States and its allies consider any effort to undermine their perceived superiority as a major threat that should be addressed and minimized, then this seems to be a direct pathway to conflict involving attacks against space assets.

When considering the different directions that an arms race in space might take, the worst possible situation is the deployment of weapons capable of striking targets on Earth’s surface from space. So far, it seems unlikely that any major country would make a decision to go that way, in large part because such projects are yet prohibitively expensive⁸. While all “building blocks” are currently unavailable, it is not unimaginable

1 Видеообращение Михаила Мишустина к участникам международного онлайн-тренинга по кибербезопасности Cyber Polygon // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/42723/> (дата обращения: 14.06.2022); “General John Raymond, Chief of US Space Force, Noted That China Is Developing ‘Everything From Reversible Jammers of our GPS System to Jamming of Satellite Communications,’ Ryo Nakamura,” Nikkei Asia, September 9, 2021, accessed June 14, 2022, <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/US-Space-Force-chief-convicted-China-would-use-satellite-killers>.

2 “Borisov: Laser System ‘Peresvet’ Can Blind Satellites at an Altitude of up to 1,500 km,” TASS, May 18, 2022, accessed June 14, 2022, <https://n.tass.ru/armiya-i-opk/14655039>.

3 Nathan Strout, “The Space Force wants to use directed-energy for space superiority,” C4ISRNET, 16 June 2021, accessed June 14, 2022, <https://www.c4isrnet.com/battlefield-tech/space/2021/06/16/the-space-force-wants-to-use-directed-energy-weapons-for-space-superiority/>.

4 Стефанович, Д. Космос как предчувствие // Россия в глобальной политике. 1 сентября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/kosmos-kak-predchuvstvie/> (дата обращения: 14.06.2022).

5 “Annual Threat Assessment of the US Intelligence Community,” Officer of the Director of National Intelligence, February 2022, accessed June 14, 2022, <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2022-Unclassified-Report.pdf>.

6 Воздушно-космическая оборона // Министерство обороны РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=4486@morfDictionary> (дата обращения: 14.06.2022).

7 Кумакшев, Кравцов 2021.

8 Laura Grego, “Space-based Missile Defense,” Union of Concerned Scientists, August 2018, accessed June 14, 2022, <https://www.ucsusa.org/resources/space-based-missile-defense-0>.

that future developments in space technology could make such capabilities a reality. Strike missions for spacecraft, against terrestrial and space objects, including in missile defense missions (so-called “left-of-launch” concept, which is, basically, a re-branded counterforce posture), could one day be available. Importantly, whether or not such space-to-Earth weapons are possible, the idea of them is an important concern for many countries around the world¹. This is not only limited to Russia and China, but is a view held by many emerging space actors. As such, discussions at the UN level are often divided between countries who wish to address threats to space systems, and countries concerned with threats from space systems.

One important factor supporting this rather bellicose attitude of certain countries developing counterspace capabilities is the current debate surrounding the development of self-defence capabilities for spacecraft to protect them against the enemy's counterspace capabilities.² The problem is that the very same capabilities can also be used to threaten enemy spacecraft, and this is a classic case of a “security dilemma,” which often contributes to a very real arms race.

No matter how theoretical all the listed threats are at the moment, one can see a clear trend towards realising some form of conflict in space. Indeed, even law firms are beginning to dive into the challenge of the weaponization of space,³ a sure sign that they see a rising demand for their services.

Current Cases

As of today, space objects play an important role as enablers and force multipliers for terrestrial, Earth-based military capabilities. Currently, their main purpose is intelligence, surveillance and reconnaissance (ISR), and targeting, with a possible dramatic increase in such capabilities in the near future.⁴

Other existing missions for space-based capabilities are early warning, navigation and communications, including in the nuclear domain, with most of those being used on a daily basis. Moreover, early warning and space situational awareness missions are interconnected, and often employ the same assets. At the moment, there are only land-based radars, but space-based ones will likely soon be deployed.

Anti-satellite (ASAT) weapons are a reality, but they are not that different from missile defence systems. Thus, in order to properly address ASAT capabilities, we need to address the missile defence issue first, which is an extremely challenging task in itself. As an example, in 2008, the U.S. was able to use an AEGIS SM-3 missile interceptor to destroy a satellite.⁵

Moreover, given that airborne early warning and control (and intelligence, surveillance, and target acquisition) aircraft are considered a priority target for air

1 Porras 2019.

2 Theresa Hitchens, “Space Lasers for Satellite Defense Top New French Space Strategy,” *Breaking Defense*, July 26, 2019, accessed June 14, 2022, <https://breakingdefense.com/2019/07/france-envisions-on-orbit-lasers-for-satellite-defense/>.

3 “Webinar: Weapons in Space,” *Volterra Fietta*, January 19, 2022, accessed June 14, 2022, <https://www.voltterrafietta.com/upcoming-webinar-weapons-in-space/>.

4 Sandra Erwin, “Space Force Looking to Deploy Radar Satellites to Track Moving Targets on the Ground,” *Space News*, May 12, 2021, accessed June 14, 2022, <https://spacenews.com/space-force-looking-to-deploy-radar-satellites-to-track-moving-targets-on-the-ground/>.

5 “Global Counterspace Capabilities Report 2022,” *Secure World Foundation*, April 2022, accessed June 14, 2022, <https://swfound.org/counterspace/>.

defence, military satellites can also become a target for “space defence” in the event of a full-scale military conflict.

Military and intelligence rendezvous proximity operations (RPOs) present another important challenge. While RPOs are not a threat by default and can actually be quite useful in ensuring resilience and longer operations of satellite constellations there is, as with many other capabilities, room for malign actions. Servicing satellites or destroying them, gathering operational data or interfering with their onboard equipment are relatively similar tasks, and it is impossible to deduce the actual mission of a given payload delivered to orbit given the lack of transparency. Detailed fact sheets on actual RPOs performed by China¹, Russia², the United States³, and commercial actors are available,⁴ and such activities are relatively “observable” even by amateurs. There are no immediate solutions, but the threat – or perceived threat – is continuously growing. The major issue with RPOs is that they are often brought to attention of the general public in order to achieve political gains. The end result is that it is becoming politically expedient to malign a type of technology that could be immensely useful in ensuring the long-term sustainability of space activities.⁵ Ironically, all the major space powers are developing such technology.

A huge challenge is the fact that, even within the military space domain, there are some dual-mission capabilities and assets, such as:

- early warning/military communications
- ASAT/ABM
- ISR satellite/targeting satellite
- inspector satellite/space torpedo
- radar/communications/electronic countermeasures
- light space launch vehicles for swift replenishment of satellite constellations constellations/light launcher for the swift deployment of co-orbital ASAT
- capabilities for the “precision” deployment of assets to space, (existing and future spaceplanes and space tugs)/space-to-surface strike systems.

This further complicates any efforts to limit or control actual military capabilities.

Introducing a ban on the destructive testing of counterspace capabilities, as well as on all sorts of attacks against critical space-based infrastructure, especially infrastructure that is connected to nuclear command, control and communications, could serve as a very important contribution to international peace and security, and to strategic stability between nuclear superpowers. However, as we mentioned earlier, it is hard to achieve something of such a scale immediately, and it should not be an end in itself. These measures could be especially effective if they are accompanied by some data-sharing agreement, which could enhance trust among space rivals.

1 “Chinese Military and Intelligence Rendezvous and Proximity Operations,” Secure World Foundation, accessed June 14, 2022, <https://swfound.org/media/207367/swf-chinese-militarintel-rpo-may-2022.pdf>.

2 “Russian Military and Intelligence Rendezvous and Proximity Operations,” Secure World Foundation, accessed June 14, 2022, <https://swfound.org/media/207366/swf-russia-militaryintel-rpo-may-2022.pdf>.

3 “U.S. Military and Intelligence Rendezvous and Proximity Operations,” Secure World Foundation, accessed June 14, 2022, <https://swfound.org/media/207365/swf-us-militaryintel-rpo-may-2022.pdf>.

4 “Commercial and Civil Rendezvous and Proximity Operations,” Secure World Foundation, accessed June 14, 2022, <https://swfound.org/media/207375/swf-commercialcivil-rpo-may-2022.pdf>.

5 Mike Wall, “Truly Chilling: US Satellites Vulnerable to Enemy Attack, Ted Cruz Says,” Space.com, May 17, 2017, accessed June 14, 2022, <https://www.space.com/36880-united-states-satellites-vulnerable-enemy-attack.html>.

It is important that we first gain an understanding of how the threats that prompt the development of these capabilities and possible attack scenarios are perceived. But, so far, most of the relevant actors prefer to engage in megaphone diplomacy and play a never-ending blame game, which is further augmented by the ongoing crises in European and global security.

Finally, space competition cannot and should not be separated from the dynamics on Earth, but there still might be some room for space-specific confidence-building, risk reduction and arms control measures. As space capabilities play a key role in any major military operation, it is difficult to “prevent an arms race in outer space” without preventing it in every other domain. However, the physical realities of space, such as orbital dynamics, makes it possible to reach agreements over areas where there is a convergence of interest.

Nevertheless, currently we see a trend towards growing hostilities in space, and ambitious efforts to change these dynamics are needed.

Options and Solutions

Most countries need their own satellites for ISR and targeting, especially given the introduction of next generation long-range precision weapons.

Thus, there might be some room for cooperation in terms of defining limits and red-lines for space-based ISR capabilities – both in their employment patterns and in the threats to these capabilities. Moreover, given the demise of the Treaty on Open Skies, some sort of a joint transparency regime based on shared satellite data could be an option.¹

As noted earlier, technology designed to degrade or even destroy enemy space objects is constantly being developed and tested, just like the development we see in other military domains. These capabilities can be put into two baskets: destructive and non-destructive, which means that space objects are either destroyed by kinetic impacts, or their sensors and communication capabilities are degraded through interference by electromagnetic, cyber or directed energy means.

This does not mean that such dynamics are in any way positive or “normal,” or that they will eventually lead to an arms race or a military conflict. However, simply acknowledging the issue is not enough to prevent such negative scenarios.

First, efforts should be focused on understanding the threat perceptions of different actors involved in developing counter-space capabilities. These efforts should be carried out in good faith, to try to understand the foundations of such perceptions, rather than simply labelling threats as “non-existent” or even an excuse for developing one’s own capabilities. The “perceived” threat of space-to-Earth weapon is only one example where mutual respect among rivals could further diplomacy.

Second, as long as counter-space capabilities exist and are being developed and refined, it should be a priority to develop additional confidence-building mechanisms. One way to address this is to establish a notification regime similar to the one used for Earth-based tests of long-range weapons (NOTAMs and NOTMARs – notices to airmen

1 Stefanovich 2021.

and mariners). Of course, establishing hazardous areas, or sectors, or “volumes”, where testing can take place in outer space, or in orbit, is far more difficult. However, it is certainly worth discussing such issues, and useful and usable solutions may appear. These results might become even more important should humankind finally move to other celestial bodies.

Third, states should be more transparent about the purpose of destructive and non-destructive tests involving space objects. It is an established fact that anti-satellite and ballistic missile defence capabilities are very similar. Of course, the international community may not be particularly concerned about the details of a relevant mission or the design behind a given “experiment.” However, if we address the challenge of an arms race in outer space, it is crucial for states to be transparent about their intentions. Not because it serves some sort of a “greater good” for all humankind, but simply because their national security will be enhanced in a more effective way. Otherwise there will definitely be an overreaction by their peer competitors, which, in turn, will demand countermeasures.

The ever-increasing number of satellites operated by different actors occupying different orbits and demonstrating different behaviour effectively leads to the need for space traffic management (STM). STM is an umbrella term for several concepts, including space traffic coordination (where objects should go) and space-object monitoring (where objects are), as well as the implementation of regulatory regimes (keeping objects where they should be). To prevent the further deterioration of space security due to increasing RPO capabilities and cases, one option could be to develop so-called safety-zones around satellites and possibly other spacecraft, where other satellites would be prohibited from “entering.” And, of course, as with other cases, there is a huge demand for increased transparency on the part of RPO-capable actors.

Another important question is: What is the best platform to discuss all these options? There are some universal bodies under the UN, but there are also a number of consortiums and coalitions that do not include all relevant actors. Perhaps the best course of action for the foreseeable future would be to use all tracks, although there is always the risk that they could lose touch with other. A possible downside of discussions in individual formats is the lack of standardized terminology, i.e. people will discuss the same phenomena using different words, or use the same words, but mean different things. This might become a very serious hurdle, thus, a development of some sort of universally accepted glossary of space security terms can be a very timely initiative. Credit where credit is due, NATO already made a small step in this direction, adding a “NATO space terminology” section to the “NATO’s overarching Space Policy” document.¹ Joint NATO-Russia glossaries on different topics², as well as the P5 Glossary of Key Nuclear Terms³ suggest that while imperfect, working mechanisms are possible on this track.

1 “NATO’s Overarching Space Policy,” NATO, January 17, 2022, accessed June 14, 2022, https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_190862.htm.

2 “Documents & Glossaries,” NATO-Russia Council, accessed June 14, 2022, <https://www.nato.int/nrc-website/en/documents-glossaries/index.html>.

3 “P5 Glossary of Key Nuclear Terms: Working Paper, submitted by China, France, the Russian Federation, the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the United States of America, NPT/CONF.2020/WP.51,” UN Digital Library, accessed June, 2022, <https://digitallibrary.un.org/record/3956428>.

Finally, a somewhat natural solution would be to enhance international cooperation in space: space – and we should never tire of stressing this point – is a perfect example of a global commons. It is used for the good of all humankind and, as such, the benefits of cooperation should outweigh the benefits of securitizing this domain and focusing on the military and defence dimensions. Cooperation does not exclude competition, but its prioritization can lead to better mutual understanding, de-escalation, and, eventually, the establishment of proper legal regimes aimed at avoiding actual warfighting in space.¹ One of the key takeaways from the Outer Space Security Conference hosted by UNIDIR in Autumn 2021 was that: “Cooperation between different actors can be beneficial for all parties and can optimize space governance measures, thereby contributing to keeping space peaceful and secure.”²

There is no lack of creative options that can contribute to de-escalation in space. Still, all of those require sufficient political will.

Conclusion

As the very same great powers that are competing are also dependent on space infrastructure (despite the efforts to establish alternative enablers), some sort of agreement that this infrastructure will not be targeted, at least by destructive attacks and during conflicts that do not involve direct fighting between those powers, might be possible.

The best (and the most challenging) option would be to establish a legally binding regime (although this still would not be perfect as technology is constantly evolving). Alternatively, the “softest” approach adopted by Russia of signing joint statements on “No First Placement of Weapons in Outer Space,” even with countries that do not have anything to place in space, could be useful and seen as a kind of “norm-setting.” Likewise, the newly announced US commitment not to conduct kinetic ASAT tests is also a similar norm.³

Still, it is impossible to imagine an actor who can voluntarily agree to limit the capabilities of space launch vehicles, put a cap on the power of radar and communications satellites, or cancel all RPOs. However, such actions should be limited through established norms and, eventually, by legally binding instruments.

The crucial step would be to agree on which real actions should be prohibited. So, the idea is to address not the “hardware,” but the principles of how these capabilities are actually used.

One way to look at the challenge is to discuss the “redlines.” The disadvantages of such an approach are obvious; however, there might be some use for an agreed list of actions that are considered a precondition for an actual military response (the destruction of a space asset, for example), and another list of actions that should lead to formal consultations on what has taken place (temporary jamming or dazzling), etc.,

1 Pankova et al. 2021.

2 María Garzón Maceda, Eleanor Krabill, and Almudena Azcárate Ortega, “2021 Outer Space Security Conference Report,” UNIDIR, Geneva, accessed June 14, 2022, <https://doi.org/10.37559/WMD/21/Space/02>.

3 “Remarks by Vice President Harris on the Ongoing Work to Establish Norms in Space,” The White House, April 18, 2022, accessed June 14, 2022, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/04/18/remarks-by-vice-president-harris-on-the-ongoing-work-to-establish-norms-in-space/>.

and, of course, a “final list,” which is considered a pathway to nuclear use (i.e. damaging of early warning or nuclear command control and communications capabilities).

The large-scale deployment of actual strike capabilities in space (both for space-to-space and space-to-surface missions) is the gravest of concerns. The discussion on what actually constitutes a space-based weapon could go on forever, but in this case one way to look at the issue would again be based on behaviour. Not everything can be simulated, and not every system in outer space should be considered a weapon unless, and until, it is actually tested as such. There are serious doubts that military officials will be ready to use any capability (with obviously huge consequences both for its success and failure) unless it has been properly tested.

Eventually, we might achieve a fragile balance that contains a little bit of everything – some norms, some weapons, and some laws. Of course, given where we are in 2022, it is next to impossible to imagine full scale cooperation between the major actors. However, we can expect at least some coordination, as the alternative is far worse.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кумакшев, М.Н., Кравцов, А.В. Противоракетная оборона как составляющая системы стратегического сдерживания Российской Федерации // Военная Мысль. – №12. – 2021. – С. 21–26.

Kumakshev, Mikhail N., and Alexander V. Kravtsov, “Antimissile Defence as an Element in the Strategic Deterrence System of the Russian Federation,” *Military Thought*, no. 12 (2021): 21–26 [In Russian].

Стефанович, Д. Договор по открытому небу: российские взгляды на проблемы и варианты их решения // ИМЭМО РАН. – № 1. – 2021. – С. 151–161.

Stefanovich, D. “The Open Skies Treaty: The Russian Views on Related Problems and Possible Solutions.” *Pathways to Peace and Security*, no. 1 (2021): 151–61 [In Russian].

Acton, James M. “Escalation Through Entanglement: How the Vulnerability of Command-and-Control Systems Raises the Risks of an Inadvertent Nuclear War.” *International Security* 43, no. 1 (2018): 56–99.

Arbatov, Alexei, and Vladimir Dvorkin, eds. *Outer Space: Weapons, Diplomacy, and Security*. Carnegie Endowment for International Peace, 2010.

Arbatov, Alexey. “Arms Control in Outer Space: The Russian Angle, and a Possible Way Forward.” *Bulletin of the Atomic Scientists* 75, no. 4 (July 4, 2019): 151–61.

Barrett, Elizabeth, and Kevin Pollpeter. “NATO Ally Contributions to the Space Domain.” China Aerospace Studies Institute, 2021, https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/nato-ally-contributions-to-the-space-domain.pdf.

Bateman, Aaron. “Mutually Assured Surveillance at Risk: Anti-Satellite Weapons and Cold War Arms Control.” *Journal of Strategic Studies* 45, no. 1 (January 2, 2022): 119–42.

Boucher, Craig. “On Space War.” Modern War Institute, 2022. <https://mwi.usma.edu/on-space-war/>.

Bowen, Bledwyn. *War in Space: Strategy, Spacepower, Geopolitics*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2020.

Egeli, Sitki. “Space-to-Space Warfare and Proximity Operations: The Impact on Nuclear Command, Control,

and Communications and Strategic Stability.” *Journal for Peace and Nuclear Disarmament* 4, no. 1 (January 2, 2021): 116–40.

Grest, Heiner. “New Space. Advantage or Threat for the Military?” *Transforming Joint Air & Space Power: The Journal of the JAPCC*, no. 29 (2020): 31–36.

Lambeth, Benjamin S. “Mastering the Ultimate High Ground: Next Steps in the Military Uses of Space.” *Santa Monica, CA: RAND Corporation*, 2003. https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1649.html.

Moltz, James. “The Changing Dynamics of Twenty-First-Century Space Power.” *Journal of Strategic Security* 12, no. 1 (April 2019): 15–43. doi:10.5038/1944-0472.12.1.1729.

Pankova, Lyudmila V. “Competition in Space: Opportunities, Consequences and Risks to International Security.” *AIP Conference Proceedings*, 2021. <https://aip.scitation.org/doi/abs/10.1063/5.0035827>.

Pankova, Ludmila V., Olga V. Gusarova, and Dmitry V. Stefanovich. “International Cooperation in Space Activities amid Great Power Competition.” *Russia in Global Affairs* 19, no. 4 (2021). doi:10.31278/1810-6374-2021-19-4-97-117.

Porras, Daniel. “Pink Dragons in Orbit: Why Unlikely Threats Present Real Challenges for Space Politics.” *Observer Research Foundation: Space Alert* 3, no. 3 (2019). <https://www.orfonline.org/research/space-alert-volume-vii-issue-3-52797/>.

Saalman, Lora. *Navigating Chinese-Russian Nuclear and Space Convergence and Divergence*. SIPRI, 2022, <https://www.sipri.org/publications/2022/eu-non-proliferation-and-disarmament-papers/navigating-chinese-russian-nuclear-and-space-convergence-and-divergence>.

Wright, David, Laura Grego, and Lisbeth Gronlund. *The Physics of Space Security*. A Reference Manual, American Academy of Arts and Sciences, 2005. <https://aerospace.csis.org/wp-content/uploads/2019/06/physics-space-security.pdf>.

Authors*Dmitry V. Stefanovich,*

Research Fellow, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Moscow, ul. Profsoyuznaya, 23.

e-mail: stefanovich@imemo.ru**ORCID:** 0000-0002-8694-8040*Daniel Porras,*

Director of Strategic Partnerships and Communications, Secure World Foundation, 1779 Massachusetts Ave. NW, Washington, DC, 20036, the USA.

e-mail: dporras@swfound.org**Additional information**

Received: February 2, 2022. Revised: June 10, 2022. Accepted: June 14, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Sefanovich, Dmitry V., and Daniel Porras. "Space as a Competition Domain: Threats and Opportunities."

Journal of International Analytics 13, no. 2 (2022): 95–106.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-95-106>

Космос как пространство соперничества: угрозы и возможности

АННОТАЦИЯ

В статье поднимаются проблемы возможного соперничества и сотрудничества между крупными державами в космическом пространстве. Великие державы соперничали в космосе с самого начала космической эры. Сегодня вновь актуальна проблема боевых действий в космосе, но теперь игроков больше, чем две державы, и сегодня наблюдается гораздо большая зависимость гражданской инфраструктуры от космических технологий. Теоретические угрозы космической войны в статье будут проанализированы путем оценки возможных целей, вызовов и угроз великих держав в потенциальной космической войне. В статье рассматриваются потенциальное значение операций стыковки и сближения (RPO), соотношение сил противоспутникового оружия (ASAT), а также в сфере радиоэлектронной борьбы в сфере киберпространства. Авторы приходят к выводу, что наибольшая угроза исходит от искаженного восприятия действий в космосе контрагентами. Космическую сферу невозможно отделить от политических процессов, происходящих на Земле. Авторы также рассматривают потенциал возможностей мер по укреплению доверия, снижению рисков и даже контролю над вооружениями в сфере космической деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

космос, противоспутниковое оружие, космическая оборона, противокосмические потенциалы

Сведения об авторах

Стефанович Дмитрий Викторович,

научный сотрудник Центра международной безопасности, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, Россия, ул. Профсоюзная, 23. 117997.

e-mail: stefanovich@imemo.ru

ORCID: 0000-0002-8694-8040

Дэниел Поррас,

Директор по стратегическим партнерствам и коммуникациям, Secure World Foundation, 1779 Massachusetts Ave. NW, Вашингтон, округ Колумбия, 20036, США.

e-mail: dporras@swfound.org

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 2 февраля 2022.

Переработана: 10 июня 2022.

Принята к публикации: 14 июня 2022.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Стефанович, Д., Поррас, Д. Космос как пространство соперничества: угрозы и возможности // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (2). – С. 95–106.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-95-106>

Частные военные и охранные компании (ЧВОК) в современных международных процессах

Небольсина Мария Александровна, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: nebolsinama@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Период быстрого роста и развития такого феномена, который сегодня принято называть частными военными и охранными компаниями (ЧВОК), совпал с двумя процессами в новейшей истории международных отношений: окончанием холодной войны и началом американской глобальной войны с терроризмом (*Global War on Terror – GWOT*) в Афганистане.

Одновременно с этим происходило изменение отношения государств к насилию и трансформации войн в целом. Два различных подхода к истории развития рынка ЧВОК указывают на то, что у истоков формирования частной индустрии безопасности стояли люди, так или иначе связанные с оборонной промышленностью и вооруженными силами. При этом, хотя негосударственные акторы в сфере безопасности имеют более длительную историю, примеры которой можно встретить в период национально-освободительных войн середины и второй половины XX в. в различных странах мира, быстрый рост числа ЧВОК, формирование и укрупнение современного мирового рынка услуг частных подрядчиков в сфере безопасности начались с 1990-х гг. и продолжают до сих пор, привлекая все новые государства, заинтересованные в использовании данного инструмента политики. На фоне мировых политических процессов происходили технологизация и совершенствование самого рынка ЧВОК, эволюционировало нормативное регулирование, менялись подходы международного сообщества к феномену ЧВОК. Однако, несмотря на функциональность, гибкость и технологичность рынка ЧВОК, он оказывает влияние на сферу прав человека, связан с коррупцией и недобросовестным исполнением обязательств при реализации контрактов. Эти и другие проблемы индустрии ЧВОК требуют пристального внимания как государств, так и международного сообщества, которое на протяжении более 15 лет проводит работу, направленную на создание механизмов нормативного регулирования деятельности ЧВОК.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

частные военные и охранные компании (ЧВОК), подрядчики, аутсорсинг и приватизация государственных функций, вооруженные конфликты, насилие, нарушения прав человека, международное регулирование

Вооруженные межгосударственные и внутригосударственные противостояния по-прежнему остаются доминирующими процессами на международной арене. Очевидно, что «сила отнюдь не устарела..., однако она гораздо дороже обходится большинству государств»¹. При этом арсенал средств для утверждения государствами собственных интересов посредством вооруженных действий прирастает передовым в технологическом отношении инструментарием, пропорционально составу кадровых военнослужащих увеличивается состав негосударственных акторов, пополняясь не столько известными с древних времен наемниками и добровольцами, сколько новыми участниками: частными военными и охранными компаниями (ЧВОК).

В последние десятилетия ЧВОК сопровождают почти каждый конфликт и свидетельствуют об изменении отношения к насилию, силовой составляющей, а также о трансформации методов и способов ведения войн («нетрадиционные», «гибридные», асимметричные, «войны по поручению» и т.п.)². Это, в свою очередь, влияет «на ресурсы, необходимые для достижения военных целей»³, усиливая вышеперечисленные тенденции и порождая взаимозависимость между заказчиком (государством), реализующим свои интересы, и исполнителем (ЧВОК), встроенным в контекст, а также на область прав человека, которая оказывается затронутой действиями ЧВОК.

Если посмотреть на объем мирового рынка ЧВОК в целом, то можно увидеть, что он рос в течение последних 15 лет. Так в 2007 г. объем рынка ЧВОК составлял 139 млрд долл.⁴, в 2014 г. он достиг примерно 218 млрд долл., а 2015 г. – 230 млрд долл.⁵. По некоторым данным, ожидается, что темпы роста сохранятся, и в 2024 г. объем мирового рынка ЧВОК вырастет до 263 млрд долл.⁶, а в 2030 г. может достичь 457,3 млрд долл.⁷. Аналитики связывают уверенный рост со слияниями и поглощениями на рынке военных услуг. Так, 5 апреля 2021 г. была завершена одна из самых крупных сделок на рынке частных силовых услуг за последние годы, когда американская компания *"Allied Universal"* приобрела британского гиганта *"G4s"* за 5,1 млрд долл., став тем самым крупнейшей компанией на рынке услуг в сфере безопасности. За приобретение *"G4s"* также боролся канадский гигант *"GardaWorld"*, который занимается охраной диппредставительств, обеспечением безопасности воздушного транспорта, предоставлением бронированных автомобилей и пр.⁸.

Различным аспектам деятельности ЧВОК посвящен значительный пласт научных исследований. Прежде всего зарубежные, а позднее и российские ученые глубоко изучили общие вопросы возникновения, развития и функционирования

1 Най 2014, 71.

2 Калдор 2015; Кревельд 2015; Топычканов, П. «Гибридная война» – научный термин или пропагандистский штамп? // Российский совет по международным делам. 20 июля 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/gibridnaya-voyna-nauchnyy-termin-ili-propagandistskiy-shtamp/> (дата обращения: 17.01.2022).

3 Сучков 2020.

4 "Securitas Annual Report, 2007," accessed January 28, 2022, https://www.euroland.com/pdf/CN-600019/AR_ENG_2007.pdf.

5 Tzifakis 2012, 9.

6 "Annual and Sustainability Report," Securitas 2020, accessed January 28, 2022, https://www.securitas.com/globalassets/com/files/annual-reports/eng/securitas_annual_sustainability_report_2020.pdf.

7 "Private Military & Security Services market to total USD 457.3 billion in 2030," ASD Reports, February 19, 2020, accessed January 28, 2022, <https://www.asdreports.com/news-29618/private-military-security-services-market-total-usd-4573-billion-2030>.

8 Hodgson 2021.

рынка ЧВОК¹, возможные последствия делегирования функций в сфере безопасности частным подрядчикам², угрозы, которые ЧВОК могут представлять для демократии³, подробно остановились на важных сюжетах международного регулирования ЧВОК⁴ и нарушений прав человека в связи с деятельностью ЧВОК⁵, осветили проблемы использования ЧВОК в миротворческих миссиях ООН⁶, а также обращались к вопросам занятости, трудовых отношений, социальных гарантий сотрудников ЧВОК⁷ и пр.

Помимо изучения частной военной и охранной сферы деятельности множество исследований посвящено смежной с ЧВОК области – наемничеству: проблемам регулирования и ответственности за наемническую деятельность в разных юрисдикциях⁸. Среди работ можно встретить и мемуары непосредственных участников наемнических операций прошлых лет⁹. В то же время, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на наличие схожих аспектов деятельности наемников и ЧВОК, вопрос отнесения сотрудников ЧВОК к наемникам и отождествления их с наемниками в значительной степени остается спорным.

Настоящее исследование посвящено истории формирования и развития рынка ЧВОК в современных международных отношениях, месту и роли частных подрядчиков в конфликтах, проблемам соблюдения прав человека при делегировании государствами функций в сфере безопасности частным организациям, а также подходам мировых держав к процессу аутсорсинга.

В начале статьи автор останавливается на проблеме терминологии и повествует о трудностях, возникающих в связи с отделением частных военных и охранных компаний от других форм частной силы, а также касается процесса обсуждения явления ЧВОК на уровне ООН. Здесь же приводится краткое описание функций ЧВОК, что позволяет читателю получить представление о технологической составляющей и широте охвата деятельности ЧВОК.

Далее автор обращается к истории формирования ЧВОК, описывая два взгляда на данный процесс и акцентируя внимание на том, что, несмотря на разность подходов, их объединяет то, что практически всегда основателями компаний были люди, так или иначе связанные с вооруженными силами и оборонной промышленностью.

Развивая мысль об участии ЧВОК в вооруженных конфликтах, автор исследует изменение подходов государства к процессу делегирования полномочий в военной сфере в руки частных подрядчиков, уделяя внимание вопросам трансформации насилия и изменения отношения к ведению военных действий в целом. Данную часть исследования продолжает связанная с вышесказанным проблема соблюдения прав человека при найме ЧВОК и использовании субподрядных ор-

1 Singer 2003; Сафранчук 2008; 2012.

2 Abrahamsen 2008; 2011; Avant 2005; 2008; Mandel 2002; McFate 2014; 2016; Isenberg 2009a; 2009b; 2011.

3 Kinsey 2007a; Krahmman 2005; 2010; Verkuil 2007.

4 Cockayne 2009; 2013; Percy 2006; Rosemann 2008; Волеводз 2009a; 2009b; 2010; Михайленко 2010; Никитин 2009; 2010; Сазонова 2013; Старцун 2015.

5 Creutz 2006; del Prado 2008; 2016; Schahill 2008.

6 Krahmman, Leander 2019; Østensen 2013; Spearin 2011; Tkach, Phillips 2020.

7 White 2017; Королькова 2020.

8 Mockler 1985; Percy 2007; Gjeijeses 2001; Kinsey 2007; Gumedze 2008; Hudson 2012; Othen 2015; Айдарбеков 2016; Астафьев 1978; Блищенко, Жданов 1980; Изъянов 2008; Пархоменко, Литвинцев 2017; Селезнев 2014.

9 Hoare 1967; Puren 1986; Steiner 1978.

ганизаций с целью реализации контрактных обязательств. Здесь же рассматриваются примеры недобросовестного использования бюджетных средств, факты коррупции, нарушения прав субподрядчиков, приводятся расследования данных эпизодов, дается краткий анализ причин редкого привлечения виновных к ответственности.

В последнем разделе автор изучает подходы к делегированию функций двумя мировыми державами, США и Китаем, и аспекты сотрудничества этих стран с частными подрядчиками. Несмотря на то что рынок частных подрядчиков США, формировавшийся и проходивший становление в различных вооруженных конфликтах, является не только зрелым, но и признанным лидером на мировой арене, а китайский рынок начал складываться немногим более 10 лет назад, интересно проследить за тем, какие подходы существуют у двух мировых держав, как они взаимодействуют, развивают сотрудничество и используют ресурс ЧВОК, реализуя свои интересы.

В заключении автор рассматривает возможные механизмы правового регулирования деятельности ЧВОК на национальном и международном уровнях и делает выводы о перспективах развития рынка ЧВОК.

Проблемы терминологии

Сферу, связанную с реализацией государственных функций в сфере безопасности силами негосударственных акторов, принято называть частной военной и охранной деятельностью. Тем не менее в международных договорах понятие ЧВОК не кодифицировано. В научной литературе, в национальной практике различных государств, а также в СМИ устоялись такие понятия, как частная охранная компания (ЧОК), частное охранное предприятие (ЧОП), частная военная компания (ЧВК), частная военная и охранная компания (ЧВОК), частная компания в сфере безопасности (ЧКБ), частная компания в сфере военного консалтинга и т.д., однако в международных договорах указанные понятия отсутствуют. Английский перевод – *private military and security company (PMSC)* – в русскоязычном переложении звучит как «частная военная и охранная компания (ЧВОК)», однако понятие “*security*” гораздо шире его русского перевода «охранный». В связи с этим часто возникает путаница, и компании в сфере безопасности (*private security companies*) в русском переводе звучат как «частные охранные предприятия», что является некорректным и искажает смысл и представление о природе данного феномена. Хотя некоторые функции охранной деятельности встречаются как у ЧВОК, так и у ЧОП, все же следует различать охрану объектов инфраструктуры в регионах, где продолжают вооруженные конфликты, и охрану предприятий, государственных учреждений, торгово-развлекательных и деловых центров в местах, не затронутых вооруженным конфликтом. В настоящем исследовании автор придерживается общепринятого в русском языке «ЧВОК», но обращает внимание на то, что «охранный характер» следует трактовать более широко: «деятельность в сфере безопасности».

Официально такие понятия, как «частная компания в сфере безопасности» (“*private security company*”), а также «частная компания в сфере военного консалтинга, обучения и безопасности» (“*private military advisory, training and security*”

company”), прозвучали в докладе специального докладчика по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и препятствования реализации права народов на самоопределение Энрике Бальестерресо от 1997 г.¹ На уровне ООН феномен ЧВОК был интерпретирован как усовершенствованная форма наемничества. Это объясняется тем, что наиболее известные эпизоды, связанные с участием ЧВОК в различных африканских конфликтах того периода (напр., “Executive Outcomes” и “Sandline International”), свидетельствовали о трансформации индивидуального наемничества и его переходе в разряд корпоративного, когда для вербовки использовались специально созданные компании. Хотя отчасти данный подход ООН оправдан, все же феномен корпоративного наемничества можно считать одним из этапов на пути формирования нового мирового рынка негосударственных услуг в сфере безопасности, который начал набирать обороты в 1990-е гг.

По итогам исследования спецдокладчика была создана рабочая группа ООН с целью разработки Проекта международной Конвенции ООН о регулировании, надзоре и мониторинге деятельности ЧВОК². Так как проект Конвенции ООН до сих пор не принят и был направлен на дальнейшее обсуждение и доработку, единственным международным документом, который содержит определение ЧВОК, в настоящее время является Документ Монтре о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта³. В соответствии с его положениями ЧВОК – это «частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Военные и охранные услуги включают, в частности, вооруженную охрану и защиту людей и объектов, например, транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание под стражей заключенных; и консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников»⁴.

Услуги, которые оказывают ЧВОК, охватывают самые разные области и включают сбор разведанных и анализ угроз; охрану гражданских и военных объектов, месторождений полезных ископаемых; руководство оперативными центрами связи и командованием; переговорные усилия для освобождения заложников; подготовку, обучение и тренировку иностранных и национальных вооруженных сил, а также полицейских подразделений; производство, обслуживание и доставку оборудования военного назначения, стратегических товаров и технологий; участие в качестве условного противника в военно-морских уче-

1 Документ ООН E/CN.4/1997/24. Доклад по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение, представленный Специальным докладчиком г-ном Энрике Берналесом Бальестеросом в соответствии с резолюцией 1995/5 и решением 1996/113 Комиссии по правам человека // ООН. 20 февраля 1997. [Электронный ресурс]. URL: https://ap.ohchr.org/documents/alldocs.aspx?doc_id=840 (дата обращения: 05.06.2022).

2 Проект Конвенции ООН предложил считать ЧВОК «корпоративными образованиями, которые на компенсационной основе оказывают военные и/или охранные услуги силами физических и/или юридических лиц».

3 Важно отметить, что Документ Монтре носит рекомендательный характер и не имеет обязательной юридической силы. На сегодняшний день Россия не стала его участником.

4 Документ Монтре, принятый 17 сентября 2008 г. // МККК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.montreuxdocument.org/pdf/document/ru.pdf> (дата обращения: 27.02.2022).

ниях для отработки навыков вооруженными силами; помощь в восстановлении и налаживании функционирования различных институтов после завершения вооруженных конфликтов; создание систем распознавания лиц и технологий кибернаблюдения и многое другое.

Хотя данный список услуг далеко не полный, он дает представление о том, что, во-первых, ЧВОК развиваются и совершенствуются, укладываясь в логику экономических процессов, и технологически идут в ногу со временем; во-вторых, очевидна диверсификация и гибкость рынка ЧВОК, который подстраивается под запросы и нужды заказчика; наконец, в силу того что деятельность каждой компании на рынке ЧВОК редко когда ограничивается одним направлением и тем более – одним кругом задач, провести грань и создать классификацию и типологизацию по основаниям военного / невоенного характера услуг в сфере безопасности практически невозможно. Так, деятельность значительного числа ЧВОК (например, деятельность одной из крупнейших ЧВОК – “G4s”) может одновременно включать развитие производственных мощностей, линий по установке систем спутникового слежения, направлений по подготовке вооруженных сил и правоохранительных органов, отделов по оценке рисков и стратегического управления и планирования и пр. Кроме того, как и в любой коммерческой деятельности, в сфере ЧВОК постоянно происходят сделки по приобретению и поглощению одних компаний-гигантов другими, что создает еще большую диверсификацию в рамках одной компании. В подтверждение вышесказанного можно привести пример США, в национальном законодательстве которых нет разделения на военных, невоенных и прочих подрядчиков. Вместо этого в США используются понятия «частный подрядчик в сфере безопасности» (*private security contractor*) и «частная компания в сфере безопасности» (*private security company*), которые подразумевают услуги самого широкого спектра, оказываемые на контрактной основе¹.

История формирования рынка ЧВОК

Существует два основных подхода к истории формирования современного рынка ЧВОК. Один подход принимает за отправную точку дату регистрации первой в мире ЧВОК и началом периода развития рынка ЧВОК считает 1967 г., когда в результате секретной наемнической операции Лондона во время подъема национально-освободительного движения, охватившего Северный Йемен в начале 1960-х гг., усилиями отставного офицера, в прошлом создателя специальных военно-воздушных сил Великобритании Д. Стирлинга, была зарегистрирована первая в мире ЧВОК “*Watchguard International*”². После той операции правительство Великобритании видело перспективу в том, чтобы использовать ресурсы частной фирмы для увеличения круга секретных операций, не входивших в официальный список интересов Соединенного Королевства на международной политической арене³. Компания “*Watchguard International*” по замыслу ее основателей создавалась именно для того, чтобы осуществлять консультирова-

1 “US Code of Federal Regulations,” LII, accessed March 12, 2022, <https://www.law.cornell.edu/cfr/text>.

2 Kinsey 2007a.

3 Kinsey 2007b.

ние и оказывать различные услуги в области военной разведки, обеспечивать безопасность дружественным Лондону главам государств, включая их личную охрану, а также реализовывать подготовку и обучение сил специального назначения.

Другим примером в рамках данного подхода можно считать еще одну британскую компанию – *“Keeni-Meeni Services – KMS”*, – которую сослуживец Д. Стирлинга и участник йеменской операции Д. Джонсон зарегистрировал в 1975 г. По признаниям самого Д. Джонсона его фирма действовала в серой зоне, лавируя между тем, что было «политически допустимо и формально отвергаемо»¹. В самом начале своей деятельности компания охраняла британских дипломатов в Латинской Америке, а также иностранных политических деятелей, например саудовских принцев. Позднее ЦРУ и МИ-6 привлекали *“KMS”* для обучения и тренировки моджахедов в целях противостояния войскам СССР в Афганской кампании, а также для подготовки сил специального назначения нового султана Омана². Контракты компании *“KMS”* включали в себя такие услуги, как охрана саудовского короля Фахда и его советников, подготовка и обучение сил специального назначения Пакистана, тренировка и обучение сил Шри Ланки навыкам подавления мятежей, проведение антиповстанческих операций по приглашению президента Судана и т.п.³. К концу 1980-х гг. компания пережила реорганизацию, расширила спектр оказываемых услуг и начала сотрудничать с представителями бизнеса.

Другой подход предлагает иную точку отсчета, согласно которой были и более ранние прецеденты создания ЧВОК. Так, американская ЧВОК *“DynCorp”* датой своего основания считает 1946 г., когда она была зарегистрирована как компания, специализирующаяся на грузовых авиаперевозках *“California Eastern Airways”*. Однако всемирно известной корпорацией с названием *“DynCorp”* компания стала лишь в 1987 г. в результате ряда слияний и поглощений, происходивших в разные периоды XX в.⁴

Еще одним примером в рамках данного подхода можно считать одного из главных поставщиков боевых компонентов зенитных управляемых ракет *SM-1MR* для нужд американской армии в Афганистане ЧВОК *“BAE Systems”*, чья история берет начало в конце XIX в. Если проследить за этапами создания компании, то выяснится, что хотя годом регистрации *“BAE Systems”* считается 1999, ее история восходит к 1886 г., когда была основана всемирно известная британская корпорация *“General Electric Company plc.”*, чье подразделение по оборонной электронике и строительству кораблей *“Marconi Electronic Systems”* спустя годы приобрело производителя морских и авиасистем *“British Aerospace – BAe”*, созданного в 1977 г. в результате слияния нескольких компаний, основанных еще в 1910-е, 1920-е и 1930-е гг.

Наконец, одна из крупнейших современных транснациональных ЧВОК *“G4s”* существует на рынке 120 лет. Хотя известное всем наименование *“G4s”* возникло в 2004 г. в результате слияния компаний *“Group4Falck”* и *“Securicor”*, ее исто-

1 Johnson 2008.

2 Armstrong 2009; Chase, Pezzullo 2017.

3 Kinsey 2007b; Chase, Pezzullo 2017, 46.

4 “California Eastern Aviation Inc.,” accessed February 27, 2022, <http://cortisscommando.e-monsite.com/pages/operators/civilian-operators/usa/california-eastern-airways.html>.

рия уходит корнями в начало XX в. Основатель компании *"Kjøbenhavn Frediksberg Nattevagt" (Night Watch)* Филип Соренсен начал свой бизнес в Дании в 1901 г.¹. В 1934 г. его сын Эрик-Филип Соренсен открыл в Швеции филиал компании с названием *"Securitas AB"*. В 1950-е гг. компания *"Securitas AB"* вышла на рынок Великобритании, где позднее в результате ряда слияний британское направление бизнеса стало развиваться под названием *"Group4Securitas"*. В 1981 г. концерн, управляемый внуками основателя, распался на два направления: *"Group4"* осталась в ведении одного брата (Jørgen Philip-Sørensen), а *"Securitas AB"*, которая стала результатом выкупа шведских активов, была сосредоточена в руках другого брата (Sven Philip-Sørensen). В начале 1999 г. *"Securitas AB"* приобрела старейшее американское частное детективное агентство *"Pinkerton Inc."*, основанное еще в 1850 г., обеспечив себе выход на рынок США³.

Начиная с 1980-х гг. *"Group4"* завоевывает внешние рынки: Индию, Венгрию, Бельгию, Турцию, ОАЭ, Австрию, Канаду, Украину и пр. В 2000 г. *"Group4"* объединилась с датской компанией *"Falck"* – вторым по величине оператором услуг в сфере безопасности, – образовав *"Group4Falck"* и продолжив приобретение ряда компаний по всему миру. Покупка в 2002 г. *"Group4Falck"* второй по величине американской ЧВОК *"Wackenhut Corporation"* позволила ей выйти на американский рынок. Наконец, в 2004 г. произошло слияние *"Group4Falck"* и зарегистрированной в Великобритании *"Securicor,"* в результате и была образована одна из крупнейших мировых ЧВОК *"Group4Securicor – G4s"*.

Несмотря на разные подходы к этапам становления западного рынка ЧВОК, можно констатировать, что оба процесса – будь то специальное создание ЧВОК для нужд государства по типу *"Watchguard International"* и *"Keeni-Meeni Services – KMS"* или нащупывание компаниями, изначально не являвшимися ЧВОК, своей ниши в результате ряда слияний и поглощений, типа *"DynCorp"*, *"BAE Systems"*, *"G4s"* и – постепенно формировали западный рынок частных подрядчиков, которые стали наиболее востребованными и продемонстрировали свои возможности как в период Йеменских событий 1962–1967 гг., так и во время военной кампании коалиционных сил НАТО и США в Афганистане в период 2001–2021 гг. Кроме того, история показывает, что создателями как ЧВОК, так и компаний-предшественниц современных ЧВОК были не сторонние лица, а люди, некогда причастные к военной службе. Иными словами, процесс формирования рынка ЧВОК не случаен, и ЧВОК вполне встроены в военную экономику государств.

Изменение подхода государств к вооруженным конфликтам и последствия для сферы прав человека

Трансформация арсенала средств и методов, которыми пользуются ЧВОК, и их смещение в сторону более высокотехнологичных и наукоемких сфер проис-

1 Abrahamsen 2011, 43.

2 "Group 4 Falck A/S," Encyclopedia.com, accessed February 27, 2022, <https://www.encyclopedia.com/books/politics-and-business-magazines/group-4-falck>.

3 "Securitas and Pinkerton to Form World Leader in Security," February 22, 1999, accessed February 27, 2022, <https://archive.ph/20130119044449/http://www.cisionwire.com/secuiritas/secuiritas-and-pinkerton-to-form-world-leader-in-security-2>.

4 Abrahamsen 2011, 41–45.

ходят на фоне уже ставших привычными неразрывных процессов приватизации и аутсорсинга государственных функций в сфере безопасности. Тем временем «технический прогресс изменяет само представление о том, что можно считать оружием...»¹. В последние годы ЧВОК активно завоевывают новые ниши в сфере безопасности и уже предлагают разного рода услуги в сфере киберпространства. В результате «средства ведения войн в киберпространстве – новый вызов в области безопасности, возникший в результате технического прогресса...»². Эволюционирующие ЧВОК одновременно являются значимым негосударственным инструментом в реализации достижений науки и техники и актором, который усиливает спрос на свои услуги в передовых сферах, предлагая более гибкие и нестандартные решения, и тем самым способствует дальнейшему прогрессу и развитию новых разработок, а значит – большей заинтересованности государств в аутсорсинге функций в руки ЧВОК при одновременном использовании результатов разработок и решений самих ЧВОК.

Некоторые ученые усматривают угрозу государственному суверенитету и монополии на легитимное насилие в делегировании полномочий в сфере безопасности частным структурам³ и в росте зависимости государств от ресурса ЧВОК, о котором сказано выше, однако тенденция на аутсорсинг и приватизацию сохраняется и усиливается. По информации аналитических агентств, предоставляющих информацию о развитии мировой индустрии, рост на рынке ЧВОК связан с политикой лидера на этом рынке – США, – с более активным делегированием функций в сфере национальной безопасности, а также с ожиданиями, возлагаемыми на сами компании, которые представляются полезными союзниками для современных армий⁴.

Другие ученые полагают, что ЧВОК, «приватизируя» часть силовых функций, сами по себе неразрывно связаны с политикой государств, действуют с их согласия в соответствии с контрактами, которые ограничивают реализацию услуг определенными условиями. То есть, являясь «единственным источником “права” на насилие», государство реализует это право в той мере, в которой оно готово делегировать его третьим лицам. Согласованность политики государств с действиями ЧВОК подтверждают многочисленные примеры. Так, в 1995 г. ЧВОК “MPRI” (*“Military Professional Resources Incorporated”*) планировала заключить долгосрочный контракт с одним из военных ведомств США для работы в Заире, однако из Госдепартамента поступили сведения о нежелательности работы “MPRI” в этой африканской стране в связи с изменением американского внешнеполитического вектора в отношении Заира в тот период⁵. Компания приняла решение отказаться от своих планов.

Дискуссии относительно угроз государственному суверенитету, которые могут представлять ЧВОК, во многом связаны с пониманием государственности

1 SIPRI Yearbook 2013, 5.

2 Ibid., 5.

3 Abrahamsen 2011; Avant 2005; Krahnemann 2010; Mandel 2002; Verkuil 2007; Wall 2012.

4 “Private Military & Security Services market to total USD 457.3 billion in 2030,” ASD Reports, February 19, 2020, accessed January 28, 2022, <https://www.asdreports.com/news-29618/private-military-security-services-market-total-usd-4573-billion-2030>.

5 Singer 2003, 122.

в Вестфальском смысле слова как незыблемого конструкта¹. Однако за период существования Вестфальской системы помимо государств как основного субъекта мировой политики возникали и продолжают возникать другие субъекты международных отношений (международные организации, ТНК, СМИ, НКО и пр.), отвоюывая себе право заниматься различными аспектами публичной политики: сфера коммуникаций и транспорта, добыча полезных ископаемых и развитие технологий, образование и здравоохранение и пр. В то же время мировая система состоит из множества образований и территорий, которые принято называть государствами, применяя к ним не всегда соответствующие лекала Вестфальской системы. То есть существует «единая общемировая система суверенитета, которая служит основой международного права, благодаря которой возможен международный порядок и мировая политика. Однако сами эти суверенные члены мирового сообщества не обязательно политики одного определенного типа или даже природы. Только часть из них государства в строгом смысле, да и то разных типов»².

При этом наиболее насущной проблемой в связи с привлечением ЧВОК являются вопросы защиты и соблюдения законодательства в области прав человека. Делегируя часть функций в сфере безопасности ЧВОК, государства в некотором смысле самоустраиваются от последствий их деятельности. То есть ЧВОК становятся буфером между государствами, которые снимают с себя часть ответственности и создают иллюзию своего «присутствия, не присутствуя», в конфликтах по всему миру, и теми группами населения, которые испытывают на себе последствия деятельности ЧВОК. Многочисленные расследования в отношении нарушений прав человека сотрудниками разных ЧВОК свидетельствуют о том, что случаи нарушений редко доходят до суда, часто замалчиваются, а иногда заканчиваются увольнением тех сотрудников, которые заявляют о злоупотреблениях. Так произошло с ЧВОК *“DynCorp”* в 1990-е гг. в Боснии, когда разразился скандал, связанный с обвинениями в сексуальном насилии над сотрудницами компании. В результате сотрудницы, которые предали огласке эпизоды насилия, были уволены. Эта же компания в тот же период была замешана в организации проституции и торговле сексуальными услугами в Боснии, оказывая услуги миссии ООН по контракту с США. При этом, несмотря на скандал и общественное осуждение, ЧВОК *“DynCorp”* не была внесена ООН в черный список³.

Другая ЧВОК *“ArmorGroup”*, прежде носившая название *“DSL”*, выполняла контракт по охране трубопроводов корпорации *“BP”* в Колумбии в 1990-е гг. Позднее стало известно, что сотрудники ЧВОК тренировали колумбийские военные подразделения, которые ранее были замечены в жестоком обращении и насилии. Кроме того, сотрудники *“DSL”* предоставляли военным списки граждан, выступавших против проекта *“BP”*⁴.

Еще одна ЧВОК *“Saracen Uganda”* – одно из подразделений *“Executive Outcomes”* – в 2002 г. была обвинена в незаконной добыче ресурсов на территории ДРК. Доклад,

1 Мартынов 1999, 14; Цыганков 2005.

2 Ильин 2008, 16.

3 Pingeot 2012, 11.

4 Ibid., 16–28.

представленный группой экспертов ООН по незаконной добыче природных ресурсов и других богатств ДРК, сообщает, что помимо вышеуказанной незаконной деятельности ЧВОК *"Saracen Uganda"* совместно с братом президента Уганды Йовери Мусевени, занимающего этот пост с 1986 г., генералом Салимом Салехом также занималась обучением, подготовкой и вооружением полувоенных группировок. По информации группы экспертов, Салим Салех владел 25% ЧВОК *"Saracen Uganda"*¹.

Важно отметить, что государства и международные организации продолжают сотрудничать с компаниями-нарушителями даже после эпизодов грубых нарушений. Так, например, судебное разбирательство в отношении сотрудников небезызвестной ЧВОК *"Blackwater"*, виновных в расстреле гражданского населения в 2007 г., длилось долгие годы. Несмотря на то что в результате многолетнего расследования в апреле 2015 г. суд США признал четырех сотрудников ЧВОК *"Blackwater"* виновными и вынес наказание в виде пожизненного срока заключения одному обвиняемому и по 30 лет тюремного заключения троим обвиняемым, принимавшим участие в инциденте², в декабре 2020 г. Дональд Трамп помиловал всех четверых осужденных³.

Есть и другие эпизоды нарушений со стороны ЧВОК. Например, компания *"G4s"*, которая управляет четырьмя частными тюрьмами в Великобритании, многократно обвинялась в нарушениях прав заключенных и недолжном обращении с ними⁴. Эта же компания обвинялась в нарушениях прав наемных рабочих, которых она приглашала для сотрудничества в Катаре и ОАЭ. Так, известно, что у многих рабочих из Индии, Пакистана и Непала сотрудники *"G4s"* отбирали паспорта и выплачивали меньшую зарплату, чем обещали ранее. С некоторых рабочих менеджмент компании требовал плату за то, чтобы они могли заступить на работу. В связи с этим будущие сотрудники были вынуждены брать кредиты в размере 1800 долл., в то время как их месячный заработок составлял от 130 до 179 долл. При этом они не могли отказаться от работы в связи с угрозой попасть в долговое рабство перед работодателем. Результатом злоупотреблений стало то, что в 2019 г. по рекомендации Совета по этике Государственный инвестиционный фонд Норвегии, который владеет небольшой долей акций компании *"G4s"*, внес ее в черный список⁵.

Следует отметить, что похожие эпизоды злоупотреблений в отношении субподрядчиков в разные периоды случались и во время длительной американской военной кампании в Афганистане. Как показало расследование, проведенное в 2010 г., только в течение нескольких лет афганской войны на Программу логистической поддержки и обеспечения войск на территории страны пребывания (*Host Nation Trucking*) США истратили 2,16 млрд долл. На услуги транспортно-логистического обеспечения в рамках Программы приходилось более 70% всего логистического обеспечения сил коалиции в стране⁶.

1 "Plundering of DR Congo Natural Resources: Final Report of the Panel of Experts (S/2002/1146)," UN, October 16, 2002, accessed March 4, 2022, <https://reliefweb.int/report/burundi/plundering-dr-congo-natural-resources-final-report-panel-experts-s20021146>.

2 Bruer, Pearson 2015.

3 Safi 2020.

4 Grierson, Duncan 2019; Hopkins 2021.

5 Jolly 2019.

6 "Extortion and Corruption Along the US Supply Chain in Afghanistan," June 2010, accessed March 4, 2022, http://www.cbsnews.com/htdocs/pdf/HNT_Report.pdf.

В течение нескольких лет военной операции для реализации материально-технической поддержки США заключили контракт с афганской компанией *“Watan Risk Management”*, которая гарантировала безопасность транспортировки оборудования для натовских баз. Позднее в рамках проведенного расследования выяснилось, что реализацией контракта занималась не эта компания-генподрядчик, а субподрядные формирования, возглавляемые разными полевыми командирами. В распоряжении этих командиров было достаточное количество людей, чтобы осуществлять непосредственное сопровождение американских грузов на всем протяжении их следования. В свою очередь командиры гарантировали безопасность перевозок американского оборудования, продовольствия и прочих грузов на различных участках дорог: Кабул – Кандагар, Чаман – Спин Болдак, Кандагар – Тарин Кот¹.

Схема работы была следующая. Бывший боевик, а позднее – полевой командир по имени Рухулла отвечал за безопасную доставку американских грузов по пути от Кабула до Кандагара. Он возглавлял субподрядное формирование и имел в своем распоряжении более 600 вооруженных солдат, которые осуществляли безопасный провоз грузов до места назначения. Сохранность каждого грузовика, идущего в автоколонне, Рухулла оценивал в сумму 1500-3000 долларов. При этом все, что прибывало на территорию Афганистана для нужд коалиционных сил, сначала складировалось в одном месте до того момента, пока не наберется груза, достаточного для формирования автоколонны из нескольких десятков машин. Лишь тогда Рухулла брался ее сопровождать. По приблизительным подсчетам, только на участке дороги от Кабула до Кандагара оборудование, продовольствие и прочие товары ежемесячно перевозили 3500 грузовиков. Прибыль от сопровождения только для одного Рухуллы могла превышать пять миллионов долларов в месяц². По утверждениям самого Рухуллы, такая практика была необходима как защита от нападений талибов, которые могли в любой момент атаковать грузовики. В случае, когда сопровождение автоколонн обеспечивал сам Рухулла и его люди, нападения случались очень редко³.

Как правило, машины для транспортировки грузов искали через знакомых среди местных жителей, которые, имея в своем распоряжении транспорт, не пренебрегали возможностью заработать. Иными словами, субподрядные формирования лишь на словах можно было считать организациями. В действительности же состав водителей грузовиков и вооруженных солдат, набиравшихся для сопровождения автоколонн, мог меняться от рейса к рейсу. По словам все того же Рухуллы, иногда приходилось платить полицейским на пути следования грузов за то, чтобы те не задерживали автоколонны и пропускали их дальше. Рухулла был лишь одним из нескольких десятков полевых командиров, каждый из которых действовал подобным образом на разных направлениях следования автоколонн.

Помимо местного населения в субподрядах с западными ЧВОК участвовали граждане третьих стран, которые оказывались в еще более уязвимом положении, чем афганцы. За двадцатилетний период работы западных контрактников

1 “Extortion and Corruption Along the US Supply Chain in Afghanistan.”

2 Небольсина 2012, 295.

3 “Extortion and Corruption Along the US Supply Chain in Afghanistan.”

бизнес по привлечению субподрядчиков из третьих стран был поставлен на поток. Посреднические полулегальные организации предлагали хорошо оплачиваемую работу в Афганистане гражданам Непала, Бангладеш и др., взимая плату за возможность трудоустройства. По прибытии в Афганистан у них, так же как и в случае с "G4s" на Ближнем Востоке, изымали документы и предупреждали о том, что выход на улицу с территории охраняемых объектов грозит арестом со стороны афганских властей. Кроме того, выяснялось, что условия труда, как и оплата, отличались от обещанных, а штрафы за невыполнение своих обязанностей или малейшие нарушения были непомерно высоки. Граждане третьих стран, не изъясняясь на пушту или дари, оказывались без документов и в бесправном положении. В конце концов они либо продолжали оставаться в рабстве, либо покидали места работы из-за невыносимых условий, оказываясь впоследствии арестованными афганскими властями за нелегальное пребывание на территории Афганистана. Никакие компенсационные выплаты, помощь или юридическая поддержка субподрядчикам из третьих стран со стороны генподрядчиков практически не оказывались. Один из непальских субподрядчиков, который работал в Афганистане на американскую фирму в течение 2013–2014 гг., был обвинен в шпионаже и приговорен к 18-летнему сроку тюремного заключения. Суд в Афганистане счел его виновным в краже информации о плане баз, возводимых американской компанией, с целью дальнейшей передачи этих данных пакистанским властям. Как заявил осужденный, лишь однажды с ним связался адвокат американской компании, но с тех пор никакой помощи ему оказано не было¹. Тем временем генподрядчики менялись, заключали новые контракты и через посредников набирали других субподрядчиков.

Проблема контроля за исполнением обязательств субподрядными контрагентами в США по-прежнему не урегулирована. На аутсорсинг функций американский бюджет выделял десятки миллиардов долларов, при этом значительная часть контрактов с подрядчиками носила сомнительный характер, что приводило к нецелевому расходованию средств, в некоторых случаях – к финансированию антикоалиционных сил². В целом можно констатировать, что случаи привлечения к ответственности виновных в нецелевом использовании бюджетных средств, участии в коррупционных схемах и хищениях единичны и происходят довольно редко. Так, информация о сомнительной деятельности при исполнении субподрядных контрактов в рамках Программы материально-технического обеспечения в Афганистане стала известна широкой общественности только благодаря публикации расследования. Однако, несмотря на обнаружение фактов сомнительного расходования бюджетных средств, никто не понес наказание. С одной стороны, в законодательной практике США, которые выделяли бюджет на осуществление материально-технической поддержки вооруженных сил в Афганистане, не существует процедур привлечения к ответственности субподрядных организаций, которые в конечном счете тем или иным образом участвуют в реализации контрактов. С другой – между

1 Coburn 2017.

2 "Extortion and Corruption Along the US Supply Chain in Afghanistan."

правительством Временной администрации Афганистана и Международными силами содействия безопасности (МССБ) с 2002 г. действовало Военно-техническое соглашение, регламентировавшее условия пребывания сил коалиции в Афганистане¹. В соответствии с документом персонал МССБ наделялся иммунитетом в отношении задержания или ареста со стороны местных афганских властей. Кроме того, в отношении любых дисциплинарных или уголовных правонарушений, совершенных на территории Афганистана, на сотрудников МССБ распространялась юрисдикция тех стран, гражданами которых они являлись. Эти же положения в части привлечения к уголовной ответственности распространялись и на американских сотрудников ЧВОК, ограничивая деятельность местных компетентных органов в их отношении.

Помимо этого, привлечение к ответственности осложнялось неспособностью властей страны, где продолжался вооруженный конфликт, заниматься изучением подобных эпизодов, а также коррумпированностью местных государственных институтов. Например, в Афганистане с 2008 по 2012 г. действовали Правила, регламентировавшие деятельность частных военных и охранных компаний внутри страны. В соответствии с Правилами никто из родственников высших руководителей Афганистана не имел права регистрировать или владеть ЧВОК. На практике же данный запрет не соблюдался, так как упоминавшаяся уже *“Watan Risk Management”* принадлежала двоюродному брату действовавшего в тот период президента Х. Карзая. В течение следующих лет *“Watan Risk Management”* продолжила работу, назвавшись не ЧВОК, а компанией в сфере риск-менеджмента, что никак не повлияло на характер оказываемых услуг.

Национальный подход к приватизации и аутсорсингу функций в сфере безопасности на примере США и Китая

Западный опыт показывает, что компании на разных этапах предлагали не только консалтинговые услуги, но также производили и поставляли разного рода военное оборудование. Многие компании-производители еще задолго до формирования рынка частных военных и охранных услуг были связаны с оборонной промышленностью. Прирастая разными услугами и мощностями, компании вносили свой вклад в развитие рынка ЧВОК и завоевывали новые ниши, привлекая клиентов, прежде всего из числа государств. Позднее и международные организации, например ООН, стали пользоваться ресурсами ЧВОК, нанимая их на контрактной основе для выполнения некоторых видов деятельности (разминирование, очистка воды и пр.) в рамках своих миротворческих миссий, тем самым расширяя сферу применения ЧВОК².

Говоря об этапах приватизации и аутсорсинга функций, как правило, подразумеваются западные ЧВОК или ЧВОК, работающие по контрактам с крупными в экономическом, ресурсном и военно-политическом отношении государствами. Однако в последнее десятилетие на рынке ЧВОК наблюдается активная экс-

1 “Military Technical Agreement Between the International Security Assistance Force (ISAF) and the Interim Administration of Afghanistan (Interim Administration),” accessed April 15, 2022, https://www.bits.de/public/documents/US_Terrorist_Attacks/MTA-AFGHFinal.pdf.

2 Nebolsina 2020.

пансия Китайской Народной Республики, которая как развивает сотрудничество с китайскими ЧВОК, так и взаимодействует с ЧВОК, зарегистрированными в других юрисдикциях.

Опыт США

Активное делегирование функций в сфере безопасности в руки ЧВОК на современном этапе началось в США, которые были ориентированы на реализацию своих военно-политических интересов посредством военных операций за рубежом¹. Последствия Корейской и Вьетнамской войн, вызвавшие критику в адрес правительства США за огромные потери среди личного состава вооруженных сил, заставили Вашингтон искать иные возможности для реализации своих внешнеполитических интересов новыми средствами, одновременно стремясь избежать недовольства в обществе. Так, в 1985 г. была разработана *Программа усиления тыловых служб гражданскими специалистами (LOGCAP, Logistics Civil Augmentation Program)*, в рамках которой все чаще Министерство обороны США начинает привлекать различных подрядчиков в сфере безопасности на контрактной основе с целью осуществления поддержки американской армии в зарубежных операциях.

Компания "*Brown & Roots Services*" (дочернее предприятие компании "*Halliburton*") стала крупнейшим подрядчиком в сфере безопасности во время операции в Ираке в 1991 г., обеспечив себе выход на рынок частных военных и охранных услуг. В 1992 г. в рамках Программы "*Brown & Roots Services*" обошла 36 компаний, участвовавших в тендере, и выиграла контракт с военным ведомством на осуществление логистического планирования в чрезвычайных военных операциях. Впервые армия США делегировала частному подрядчику полномочия на разработку всего логистического обеспечения для американских военных операций по всему миру². В том же 1992 г. "*Brown & Roots Services*" заключила контракт с Министерством обороны США на сумму 3,9 млн долл. на оказание консультационных услуг. В частности, требовалось предоставить секретный доклад о мерах, которые ЧВОК могут реализовать для армии США в вопросе оказания материально-технической поддержки при переброске войск в потенциальные районы конфликта по всему миру. Позднее в том же году Пентагон заключил с "*Brown & Roots Services*" контракт на сумму 5 млн долл. на предоставление уточняющего доклада, который детализировал бы меры по реализации более специфических услуг в чрезвычайных зарубежных операциях для армии США. Результатом стало трехлетнее сотрудничество с "*Brown & Roots Services*," когда компания была переброшена в Сомали для оказания помощи армии США в разрешении гуманитарного кризиса с 1992 по 1995 г. Также "*Brown & Roots Services*" в разные годы работала с армией США во время кризисов в Руанде, Гаити, Кувейте, бывшей Югославии. Хотя во время югославского кризиса компания сотрудничала по контракту с США, она также оказывала логистические услуги миротворческим

1 Хотя наиболее известные эпизоды в тот же самый период происходили с компаниями, которые участвовали в различных африканских конфликтах не по контрактам с США – "*Executive Outcomes*" и "*Sandline International*," именно системное использование ЧВОК в конфликтах возникло в США.

2 Singer 2003, 138–142.

силах НАТО *IFOR* в Боснии и Герцеговине. В 1997 г. в рамках Программы компании *"Brown & Roots Services"* в Югославии на несколько лет сменила другая ЧВОК *"DynCorp"*¹.

Другим известным примером привлечения ЧВОК является сотрудничество компании *"MPRI"* с правительством Хорватии в середине 1990-х гг. с целью подготовки хорватской армии. В связи с тем что ООН ввела эмбарго, которое распространялось не только на поставку вооружений в Балканский регион, но также на обучение, подготовку и прочие консультационные услуги любой из противоборствующих сторон, правительство Хорватии обратилось напрямую к компании *"MPRI"*. Реализация контракта началась в январе 1995 г., и уже в начале августа того же года подготовленная хорватская армия провела операцию «Буря» и захватила территорию самопровозглашенной Сербской Краины. Итоги данной операции не только изменили баланс сил на Балканах, но и выявили некоторые другие проблемы, которые неизбежно возникают, когда речь заходит о ЧВОК: нарушения законодательства в области прав человека. Кроме того, данный эпизод со всей очевидностью продемонстрировал, как ЧВОК могут служить инструментом внешней политики. За подготовкой хорватской армии стояли интересы США, которые стремились поддержать Хорватию в укреплении ее лидерства на Балканах. Именно Пентагон предложил хорватскому министру обороны Г. Шушаку обратиться к *"MPRI"*². Еще одним важным обстоятельством было то, что США, являясь членом ООН, по сути проигнорировали миротворческую миссию СООНО (Силы ООН по охране), в мандат которой входили задачи по демилитаризации районов, охраняемых ООН (РОООН).

Теракты в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. и последовавшая за ними международная военная операция в Афганистане, которая продлилась до 31 августа 2021 г., позволяют проследить за тем, как в течение 20 лет непрерывного конфликта менялся и совершенствовался рынок ЧВОК. Начавшаяся «глобальная война с терроризмом» породила небывалый рост сумм контрактов. Так, за период с 2000 по 2005 г. бюджет, выделяемый США на контракты с подрядчиками, вырос на 174 млрд долл., достигнув 377 млрд долл. Кроме того, суммы контрактов, заключенных без конкурса, увеличились более чем вдвое: с 67 до 145 млрд долл.³

Во время военной операции в Афганистане сотрудники американских ЧВОК предоставляли стационарную и мобильную охрану как объектов, так и физических лиц, осуществляли логистическую поддержку, занимались обучением и консультированием полицейских сил и военнослужащих. Иными словами, в их ведении оказались те виды деятельности, которые ранее относились к неотъемлемым государственным функциям. Военная операция в Афганистане показала, как традиционные войны с участием вооруженных сил меняют свой облик, перемещаясь в сторону наименьшего использования человеческого ресурса и наибольшего задействования совершенных технологических форм. Ярким свидетельством такой трансформации являются контракты, заключенные в последние годы между военным ведомством США и некоторыми ЧВОК, на обслуживание и поставку БПЛА

1 Singer 2003.

2 Avant 2009.

3 Radin 2012.

и высокоточных систем вооружения для нужд военной операции в Афганистане. Несмотря на то что на афганском направлении БПЛА были задействованы практически с самого начала операции, привлечение частных подрядчиков к управлению БПЛА на территории Афганистана началось с конца 2015 г. Тогда военно-воздушные силы США заключили контракты с двумя компаниями, *“General Atomics Aeronautical Systems Inc.”* и *“Aviation Unmanned”*, на управление MQ-9 *“Reapers”* – модульными разведывательно-ударными БПЛА. Оба эти контракта на сегодняшний день засекречены, в связи с чем не раскрываются ни суммы контрактов, ни детали, позволяющие больше узнать о возложенных на компании функциях.

Следует отметить, что частные контрактники и прежде участвовали в работе с БПЛА в части обработки информации, полученной беспилотниками¹, но постепенно Министерство обороны США расширило полномочия подрядчиков. При этом в военном ведомстве подчеркивали, что управление беспилотниками силами подрядчиков должно производиться только в целях наблюдения, рекогносцировки и сбора разведданных. Как и прежде, функции наведения на цели и уничтожения объектов не делегируются и остаются в зоне ответственности американских вооруженных сил². Иными словами, можно увидеть, какие перемены в аутсорсинге произошли с 1992 г. до настоящего времени. Если в начале 1990-х компании *“Brown & Root Services”* была доверена работа по разработке логистического планирования в военных операциях американской армии, то в 2015 г. компаниям передавались в подряд функции по рекогносцировке, наблюдению и сбору разведданных с использованием БПЛА.

В США привлечение контрактников объясняется нехваткой военного персонала, способного обслуживать и управлять беспилотниками, в связи с ростом спроса на этот вид деятельности при проведении новых операций армии США в Ираке и Сирии в борьбе с ИГИЛ³. Однако сам факт привлечения частных подрядчиков к сотрудничеству с вооруженными силами США указывает на тенденцию большего делегирования функций, прежде являвшихся исключительной компетенцией государства, а также на рост технологической составляющей военных операций, когда в боевых действиях все больше используют машины, управляемые частными лицами, и, следовательно, свидетельствуют о трансформации облика войны.

По данным оборонного ведомства США, только с конца 2014 по март 2021 г. в целях реализации военных задач в афганской кампании с различными подрядчиками были заключены крупные контракты на обслуживание и поставку беспилотников различных модификаций, например *“Hunter”*, *“Shadow”*, *“Scan Eagle”* и др. Общая сумма контрактов достигла почти 2,5 млрд долл. Состав компаний очень различный, среди них можно встретить поставщиков-гигантов – *“AAI Corporation”*, *“General Atomics Aeronautical Systems Inc.”* и *“Textron Systems Corporation”*, входящих в конгломерат *“Textron Incorporated”*, – а также компании, которые военное ведомство США причисляет к малому бизнесу, например *“Insitu Inc.”*⁴.

1 Brannen 2017.

2 Thompson 2015.

3 Террористическая организация, запрещенная в РФ.

4 “Contracts,” US Department of Defense, accessed February 17, 2022, <https://www.defense.gov/Newsroom/Contracts/>.

Одновременно с интенсификацией аутсорсинга функций в целях реализации собственных интересов в различных конфликтах по всему миру США задействуют ресурс ЧВОК для совершенствования навыков обороноспособности войск. Такой вывод можно сделать, если посмотреть на сотрудничество вооруженных сил с ЧВОК во время учений *COMPTUEX*, совместно проводимых армией США с разными подрядчиками. Так, в 2020 г. во время учений, направленных на отработку боевых навыков ударной авианосной группы ВМС США, применялось предоставленное подрядчиками тактическое вооружение¹. Скоординированное использование такого ресурса ЧВОК, как крылатые ракеты, бомбардировщики, истребители и прочая техника, задействуется для отработки сценария, при котором необходимо отразить нападение на эсминцы и ракетные крейсера оборонной авианосной группы ВМС США со стороны условного иностранного противника. Хотя подобное взаимодействие между американскими ВМС и ЧВОК в сфере обороны возникло еще в конце 1990-х гг., можно утверждать, что масштабы сотрудничества увеличиваются. Возможности ЧВОК свидетельствуют о том, что они способны в какой-то степени конкурировать с регулярными вооруженными силами.

Опыт Китая

КНР начал активно пользоваться услугами ЧВОК совсем недавно – с 2010 г., стремительно завоевывая рынок безопасности. Пекин принял решение отойти от доктрины невмешательства и выпустил закон, который санкционировал создание охранных и оборонных фирм и регламентировал их деятельность. Принятие закона было продиктовано необходимостью продвигать свои интересы за рубежом. В основном китайские частные силовые компании обеспечивают безопасность представителям китайского бизнеса, действующего в странах Африки.

Начавшийся с 2010 г. бурный рост на рынке частной военно-охранной индустрии Китая уже в следующем 2011 г. привел к тому, что зарегистрированная в Пекине китайская частная компания в сфере безопасности *“DeWe Security Services”* работала по контрактам в Эфиопии, Южном Судане и Центральноафриканской Республике, постепенно расширяя географию своей деятельности. Еще одна китайская ЧВОК – *“Hua Xin Zhong An – HXZA”* – занимается безопасностью морских судов, оказывая услуги китайским государственным судоходным гигантам.

Важно подчеркнуть, что частный характер деятельности китайских компаний не означает абсолютно коммерческую природу таких структур. В этом состоит одно из важных отличий китайской модели военно-силового бизнеса от западной. Для китайских компаний частный статус, как правило, является номинальным, в то время как персонал фирм частично укомплектован ветеранами Народно-освободительной армии Китая, а их деятельность негласно поддерживается и контролируется правительством КНР.

1 В учениях были задействованы всепогодный многоцелевой истребитель *“F-21 Kfir”*, околосвуковые истребители-бомбардировщики *“Mk-58 Hawker Hunters”*, легкие реактивные истребители *“F-5AT”*, многоцелевые турбореактивные самолеты *“Learjet 35s”*, предоставленные частными подрядчиками *“Airborne Tactical Advantage Company”* – ATAC, *“Tactical Air Support, Inc.”* – TacAir и *“Phoenix Air”*. Tyler Rogoway, “Watch Flight Tracks Of Contractor Adversary Jets Bum-Rush A Carrier Group For Training”, The Drive, December 28, 2020, accessed February 23, 2022, <https://www.thedrive.com/the-war-zone/38429/watch-flight-tracks-of-contractor-adversary-jets-bum-rushing-a-carrier-group-for-training>.

Сегодня *“DeWe Security Services”*, которая обеспечивает безопасность сотрудников Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC), считается крупнейшей китайской компанией на рынке частной силовой индустрии Южного Судана. Еще одна китайская ЧВОК *“VSS Security Group”* также работает в Южном Судане и обеспечивает безопасность компании Петрочайна – подразделения Китайской национальной нефтегазовой корпорации. Ранее, в 2014 г., эта компания работала в Ираке, где обеспечивала безопасность Китайской машиностроительной инжиниринговой корпорации (CMEC). Среди клиентов *“VSS Security Group”* есть не только представители китайского бизнеса, но и такие ТНК, как *“Unilever”*, *“Samsung”*, *“Siemens”*, *“Emerson”*, *“Coca-Cola”* и др.

Хотя точное количество зарегистрированных китайских частных военно-охранных фирм неизвестно, к 2017 г. их число превысило 5000 компаний. Примерно 20 компаний активно действуют за рубежом. В общей сложности более 3000 сотрудников этих фирм обеспечивают безопасность в Ираке, Южном Судане и Пакистане.

Помимо развития своего рынка частных военно-охранных услуг, Китай сотрудничает и с другими компаниями. Например, зарегистрированная в 2014 г. в Гонконге ЧВОК *“Frontier Services Group”* – FSG, которую возглавляет Эрик Принс, бывший глава печально известной *“Blackwater”*, законтрактована Пекином для оказания услуг в сфере безопасности как внутри Китая, так и за его пределами. 15 февраля 2022 г. стало известно, что китайская добывающая компания *“The Chinese Enterprises Association”* заключила контракт с *“Frontier Services Group”* для тренировки и обучения персонала в сфере безопасности в трех провинциях на востоке и северо-востоке ДРК: Северном и Южном Киву, а также в Итури, в связи с нападениями на китайские добывающие фирмы¹.

Следует отметить, что компания *“Frontier Services Group”* возникла на рынке в результате партнерства Э. Принса с бизнесменом из Гонконга Джонсоном Чун Шун Ко, возглавлявшим в то время *“DVN (Holdings) Limited”*. С целью создания ведущего производителя в сфере авиации, материально-технического обеспечения и риск-менеджмента на африканском направлении компания *“DVN (Holdings) Limited,”* зарегистрированная в 2013 г. в офшорной зоне на Бермудских островах, приобрела у Э. Принса оператора авиационных и логистических услуг, действующего в Восточной Африке, – *“Frontier Services Limited – FSL”*². В январе 2014 г., изменив название с *“DVN (Holdings) Limited”* на *“Frontier Services Group Limited”*, компания превратилась в холдинг во главе с Э. Принсом³. *“Frontier Services Group”* плотно работает с китайскими партнерами и осуществляет деятельность в тех странах Азии, Африки и Ближнего Востока, которые представляют интерес для китайской инициативы «Один пояс – один путь»⁴. В рамках

1 “Chinese Miners Hire Frontier Services Group for Security Training in Troubled Kivus,” Africa Intelligence, February 15, 2022, accessed February 17, 2022, https://www.africaintelligence.com/mining-sector_exploration-production/2022/02/15/chinese-miners-hire-frontier-services-group-for-security-training-in-troubled-kivus,109734207-bre.

2 “DVN (Holdings) Limited Announces Appointment of Erik Prince as Chairman,” GlobeNewswire, January 10, 2014, accessed February 17, 2022, <https://www.globenewswire.com/news-release/2014/01/10/1235864/0/en/DVN-Holdings-Limited-Announces-Appointment-of-Erik-Prince-as-Chairman.html>.

3 Ibid.

4 Siegelman 2018.

сотрудничества по развитию китайского проекта компания *“Frontier Services Group”* открыла в Казахстане свое представительство¹.

Китайские частные силовые компании имеют свои особенности. Во-первых, они более ориентированы на консультирование, а не на боевое участие в обеспечении безопасности. Во-вторых, сферой интересов этих компаний, а следовательно – и китайского правительства, являются бизнес-контракты, продвижение инициативы «Один пояс – один путь», а также работа с китайскими бизнес-гигантами. В-третьих, стоимость услуг таких компаний ниже, чем у западных коллег, что делает их привлекательными не только для китайских корпораций, но и для западных ТНК. Известно, например, что оплата услуг бригады из 12 китайских охранников сопоставима с вознаграждением одному американскому или британскому сотруднику в сфере частной охраны.

Растущая заинтересованность Пекина в коммерческой безопасности объясняется необходимостью защиты китайских активов за рубежом. В будущем не исключено столкновение интересов Пекина и западных держав на пути продвижения упомянутой инициативы в связи с привлечением к ее реализации частных силовых структур. Другой аспект может представлять проблемы в связи с тем, что китайский проект направлен на укрепление мирового лидерства Пекина в свете протекционистских мер, которые были приняты в США во время администрации Д. Трампа, а американский гражданин Э. Принс возглавляет гонконгскую компанию, способствующую реализации проекта КНР.

Выводы

ЧВОК сегодня являются весьма гибким и многогранным феноменом, который одновременно сочетает в себе способности быть инструментом в арсенале средств государства и выступать негосударственным актором во внешней политике. В чем-то данный феномен способен конкурировать с вооруженными силами в мощи и квалифицированности сотрудников, а также в технологическом и ресурсном отношении, однако он не может существовать отдельно от интересов государств, международных организаций и крупнейшего бизнеса.

Сфера деятельности ЧВОК расширяется на все новые области, а спектр услуг, которые они способны оказывать, весьма диверсифицирован и постоянно пополняется новыми функциями. Вместе с тем не хватает должного инструментария нормативного регулирования и контроля над деятельностью ЧВОК. Это, в свою очередь, приводит к нарушениям как прав самих сотрудников ЧВОК, которые часто не защищены в зонах вооруженного конфликта, так и тех, кто страдает от их деятельности.

Для ряда государств ресурс ЧВОК представляет экономический и политический интерес. Рынок ЧВОК сегодня постоянно развивается и совершенствуется в технологическом смысле, снижает нагрузку на государственный бюджет, позволяя не создавать различные профильные подразделения в многочисленных ведомствах, заменяя их частными подрядчиками. Политически же привлечение

1 Van ver Kley 2020.

ресурса ЧВОК в некоторых случаях позволяет реализовывать задачи международного масштаба, которые по тем или иным причинам государства, международные организации и представители крупнейшего бизнеса не готовы решать собственными силами.

Масштабы и интенсивность вооруженных конфликтов могут меняться, но действие такого инструмента внешней политики государств, как ЧВОК, очевидно сохранится. Наряду с этим будет совершенствоваться и технологический компонент рынка ЧВОК, смещаясь от театра военных действий в сторону развития коммерческой кибербезопасности. Услуги в данной области также будут диверсифицироваться, и таких компаний, как *“Cambridge Analytica”*, *“Black Cube”*, *“Axon Vision”*, *“Carbyne”*, *“Terrogence”*, которые специализируются в сфере развития искусственного интеллекта, также будет становиться больше. То есть можно ожидать совершенствование негосударственного инструмента и экспансию частных разведывательных сетей в интернет-пространство на более передовом уровне и, как следствие, роста влияния на мировые процессы с помощью частных подрядчиков. Иными словами, неконвенциональные методы в конфликтах будут использоваться все активнее. Обучение и подготовка противоборствующих сил конфликтов, наряду с поставками обычных видов вооружения силами ЧВОК в обход эмбарго ООН и рекомендаций международной организации, также продолжатся. В отсутствие международного нормативного регулирования определить национальную принадлежность ЧВОК по-прежнему будет непросто, равно как и привлечь ЧВОК к ответственности.

Многочисленные случаи злоупотреблений со стороны подрядчиков при применении ими силы, в том числе с помощью летального оружия, в первую очередь требуют расследования правоохранительными органами государств и правовой оценки. Кроме того, в национальное законодательство необходимо вносить такие изменения, которые запрещали бы сотрудникам ЧВОК непосредственно участвовать в военных действиях. Интересно отметить, что подобный запрет внесен в проект обсуждаемого Рабочей группой ООН дискуссионного документа, касающегося разработки международно-правового регулирования деятельности ЧВОК. Однако, если допустить государственное лицензирование деятельности в отношении непосредственного участия ЧВОК в военных действиях, это позволило бы государствам осуществлять контроль над ЧВОК. В таком случае нарушения, совершаемые подрядчиками, или действия ЧВОК, противоречащие реализации интересов государства, позволят привлекать их к ответственности и отзываться лицензию.

По мнению автора, по большей части ЧВОК не представляют существенной угрозы государственному суверенитету, так как они во многом зависят от вектора политики государств и от сотрудничества с ними в реализации государственных интересов. Тем не менее вопрос о характере и перечне услуг и функций, которые государства могут делегировать ЧВОК, остается актуальным и важным. Решения о функциях в области безопасности, которые принципиально не могут быть переданы третьим лицам и которые должны оставаться в исключительной компетенции государств, необходимо политически закрепить в национальном законодательстве, так как данный вопрос напрямую связан с сохранением государственной монополии на легитимное насилие. В то же время возникает вопрос

о заинтересованности самих государств в создании списка делегируемых / неде-
легируемых функций. Заинтересованы ли государства в сохранении контроля
над легитимным насилием, и стремятся ли они к созданию дополнительной на-
грузки на государственный бюджет, распределяя делегируемые сегодня функ-
ции по национальным ведомствам и структурам, проводя обучение персонала и
возвращая дополнительный силовой ресурс министерствам и ведомствам?

Как показывает исследование, ряду государств сегодня политически вы-
годно передавать подрядным организациям различные функции материально-
технического обеспечения, технической и инфраструктурной поддержки в про-
должающихся конфликтах, как это было в американской военной кампании
в Афганистане, где в начале операции активно нанимали подрядчиков, а их
количество в отдельные периоды значительно превышало число военнослужа-
щих. В последующем расширился и спектр услуг, которые ЧВОК оказывали раз-
личным ведомствам США, от непосредственного участия в военных действиях
до логистики и консультирования. Крупные американские подрядчики были за-
интересованы в длительной военной кампании, что показывают значительные
суммы, которые ЧВОК направляли на лоббирование собственных интересов для
получения федеральных контрактов. В то же время генподрядчики сами практи-
чески не занимались выполнением услуг на территории Афганистана, а опи-
рались на ресурсы субподрядчиков из числа как местных жителей, так и граждан
третьих стран. Так, по данным доклада Конгресса США о соотношении уровня во-
оруженных сил и контрактников на территории Афганистана и Ирака за период
с 2007 по 2020 г., начиная со второго полугодия 2008 г. и заканчивая четвертым
кварталом 2020 г., доля иностранных контрактников колебалась от почти 40%
до более чем 99%¹. Незадолго до завершения операции в Афганистане общее
количество подрядчиков составляло около 7,8 тыс., из них около 2,7 тыс. были
американцы². В отсутствие в США мер нормативно-правового характера и долж-
ного контроля, направленных на регулирование данной сферы, генподрядчики
нередко передавали исполнение своих контрактных обязательств незаконным
вооруженным формированиям, в том числе талибам, против которых США объ-
явили войну. Тем не менее пока США продолжают и интенсифицируют политику
привлечения ЧВОК к различным видам деятельности в области безопасности,
укрепляя взаимодействие американских силовых структур с ЧВОК.

Хотя некоторая легитимация такого явления, как ЧВОК, происходит в связи с
тем, что действия государств, задающих тенденции в сфере международных от-
ношений, «могут сами по себе становиться правилом как нормой, закрепленной
цепью прецедентов»³, а также потому, что международные организации сотруд-
ничают с ЧВОК и привлекают их для выполнения различных задач во время ми-
ротворческих миссий и постконфликтного урегулирования⁴, приведенные выше
соображения побуждают мировое сообщество искать подходы и формулировать

1 "Department of Defense Contractor and Troop Levels in Afghanistan and Iraq: 2007–2020," Congressional Research Service, 2021, accessed February 2, 2022, 9–10, <https://fas.org/sgp/crs/natsec/R44116.pdf>.

2 "Department of Defense. Contractor Support of U.S. Operations in the USCENTCOM Area of Responsibility," 2021, accessed February 2, 2022, https://www.acq.osd.mil/log/ps/CENTCOM_reports.html/FY21_3Q_5A_Jul2021.pdf (Accessed 02.02.2022)

3 Боратупов 2012, 545.

4 Singer 2003, 40.

предложения, направленные на международное регулирование деятельности ЧВОК. Иными словами, необходима разработка стратегий для придания статуса и закрепления ответственности за новыми негосударственными акторами.

В настоящее время назрела необходимость в конструктивной дискуссии с участием широкого круга политических и академических экспертов, специалистов в области права, а также представителей сферы частного военного и охранного бизнеса для выработки сбалансированной и функциональной системы регулирования как на национальном, так и на международном уровнях. В такой системе должны присутствовать элементы профессионального контроля и мониторинга, критерии и стандарты саморегулирования, изложенного в Документе Монтре – модели «мягкого права». Наконец, необходимо создание стандартов лицензирования и учета деятельности ЧВОК на государственном уровне, подкрепленных и усиленных механизмами межгосударственного контроля со стороны ООН.

Следует отметить, что усилия по международному регулированию деятельности ЧВОК постоянно предпринимаются начиная с 2005 г. В ООН было принято решение отойти от первоначальной идеи создания конвенционального регулирования ЧВОК, попытаться найти более четкие формулировки для определения контрактников, а также поработать с нормативно-правовой базой. Новая Межправительственная рабочая группа открытого состава по разработке содержания международной нормативно-правовой базы, без предопределения вопроса о ее характере, в целях защиты прав человека и обеспечения привлечения к ответственности за нарушения и злоупотребления, связанные с деятельностью ЧВОК, созданная в соответствии с резолюцией ООН от 9 октября 2017 г.¹ и сменившая предыдущую группу с идентичным названием, существовавшую с 2010 г.², детально обсуждает элементы международной нормативно-правовой базы. В частности, проект т.н. нулевого документа, представленного для обсуждения в середине апреля 2022 г.³, уделяет внимание субподрядным организациям, национальной принадлежности сотрудников ЧВОК, вопросам юрисдикции, а также государственным функциям, которые не могут быть делегированы в руки частных подрядчиков. Однако пока позиции государств по многочисленным вопросам остаются далекими от какого бы то ни было консенсуса.

- 1 Резолюция 36/11 (2017), принятая Советом по правам человека 28 сентября 2017 г. // ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G17/294/66/PDF/G1729466.pdf?OpenElement> (дата обращения: 12.03.2022).
- 2 Резолюция 15/26 (2010), принятая Советом по правам человека 7 октября 2010 г. // ООН. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G10/167/44/PDF/G1016744.pdf?OpenElement> (дата обращения 12.03.2022).
- 3 "Revised Zero Draft Instrument on an International Regulatory Framework on the Regulation," Monitoring of and Oversight over the Activities of Private Military and Security Companies, April 14, 2022, accessed April 24, 2022, <https://www.ohchr.org/sites/default/files/2022-04/revised-zero-draft-instrument.pdf>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Айдарбеков, Ч.А. Правовой статус наемника: проблемы законодательного регулирования // Управленческое консультирование. – 2016. – № 4. – С. 48–60.
- Aidarbekov, Chingiz. "The Legal Status of the Mercenary: Problems of Legislative Regulation." *Administrative Consulting*, no. 4 (2016): 48–60 [In Russian].
- Астафьев, Ю.Н. Наемничество – преступное орудие колониалистской политики // Советское государство и право. – 1978. – № 11. – С. 113–117.
- Astaf'ev, Yu.N. "Naemnichestvo – prestupnoe orudie kolonialistskoi politiki." *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 11 (1978): 113–117 [In Russian].
- Блищенко, И.П., Жданов, Н.В. Наемничество – международное преступление // Советский ежегодник международного права. – М.: Наука, 1980. – С. 146–160.
- Blishchenko I.P., and Zhdanov N.V. Naemnichestvo – mezhdunarodnoe prestuplenie. In *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*, 146–160. Moscow: Nauka, 1980 [In Russian].
- Богатуров, А. Современный международный порядок // Россия в глобальном мире: 2000–2011. Хрестоматия в 6 томах / под общ. ред. И.С. Иванова. – М.: Аспект Пресс, 2012. – Т.1.
- Bogaturov, A. Sovremenniy mezhdunarodnyy porядok. In *Rossiya v global'nom mire: 2000–2011*, edited by I.S. Ivanov. Moscow: Aspekt Press, 2012 [In Russian].
- Волеводз, А.Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009 а. – № 1. – С. 12–16.
- Volevodz, A.G. "O mezhdunarodnykh initsiativakh v sfere pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii." *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, no. 3 (2009a): 12–16 [In Russian].
- Волеводз, А.Г. О проектах правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009 б. – № 2. – С. 4–10.
- Volevodz, A.G. "O proektakh pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii." *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, no. 2 (2009b): 4–10 [In Russian].
- Волеводз, А.Г. Проблемы, принципы и перспективы международно-правового регулирования деятельности частных военных и охранных предприятий // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 3 (12). – С. 78–88. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-3-12-78-88>
- Volevodz, A.G. "Problems, principles and prospects of international legal regulation of activities of private military and security companies." *MGIMO Review of International Relations* 12, no. 3 (2010): 78–88 [In Russian].
- Изьянов, А.Д. Наемничество по международному и российскому уголовному праву / Отв. ред. А.А. Ашин. – Калуга: Политоп, 2008. – 180 с.
- Iz'yanov, A.D. *Naemnichestvo po mezhdunarodnomu i rossiiskomu ugovolnomu pravu*, edited by A.A. Ashin. Kaluga: Politop, 2008 [In Russian].
- Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в дондальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковской. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
- Kaldor, M. *New and Old Wars: Organised Violence in a Global Era*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara, 2015 [In Russian].
- Королькова, Е.Е. О гарантиях соблюдения прав сотрудников частных военных и охранных компаний, принимающих участие в вооруженных конфликтах: сравнительно-правовой анализ // Военное право. – 2020. – № 1 (59). – С. 225–235.
- Korolkova, E.E. "Legal protection of the employees of private military and security companies participating in armed conflicts: a comparative legal analysis." *Voennoe pravo* 59, no 1 (2020): 78–88 [In Russian].
- Кревельд, М. ванн. Трансформация войны / пер. с англ. под ред. Ю. Кузнецова; 2-е изд. – М.: ИРИСЭН, Социум, 2015.
- Creveld, M. van. *The Transformation of War*. Moscow: IRISEN, Sotsium, 2015 [In Russian].
- Мартынов, В.А. Прогноз тенденций мирового экономического развития. Главные факторы становления мирового порядка // Космополис: Альманах. – М.: Полис. – 1999. – С. 12–17.
- Martynov, V.A. "Prognoz tendentsii mirovogo ekonomicheskogo razvitiya. Glavnye faktory stanovleniya mirovogo porядka." In *Kosmopolis: Al'manakh*, 12–17. Moscow: Polis [In Russian].
- Най, С. Джозеф (младший). Будущее власти. – М.: АСТ, 2014.
- Nye Jr, Joseph S. *The Future of Power*. Moscow: AST, 2014 [In Russian].
- Небольсина, М.А. Частные военные и охранные компании в Ираке и Афганистане: аспекты деятельности и механизмы контроля // Ежегодник ИМИ. – 2012. – С. 288–306.
- Nebolsina, M.A. "Private Military and Security Firms in Iraq and Afghanistan: Aspects of the Activity and Mechanisms of Control." *Yearbook of the IIR*, (2012): 288–306 [In Russian].
- Никитин, А.И., Небольсина, М.А. Афганистан, Ирак: разработка новой Конвенции ООН // Государственная служба. – 2009. – № 6. – С. 88–94.
- Nikitin, A.I., and Nebolsina, M.A. "Afghanistan, Irak: razrabotka novoi Konventsii OON." *Gosudarstvennaya sluzhba*, no. 6 (2009): 88–94 [In Russian].
- Пархоменко, С.В., Литвинцев А.А. Понятие «наемник» в международном и российском уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 3. – С. 60–65.
- Parkhomenko, S.V., and Litvintsev, A.A. "Concept of 'Mercenary' in Russian and International Criminal Law: Comparative Law Aspect." *Siberian Law Herald*, no. 3 (2017): 60–65 [In Russian].
- Сазонова К.Л. Деятельность частных военных и охранных предприятий: вопросы ответственности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2013. – № 5–2. – С. 124–130.
- Sazonova, K.L. "Deyatel'nost' chastnykh voennykh i okhrannykh predpriyati: voprosy otvetstvennosti." *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5–2 (2013): 124–130 [In Russian].
- Сафранчук, И.А. Генезис частных военных компаний: частная сила во второй половине 20-го века // Мир и политика. – 2012. – № 2(65). – С. 77–83.
- Safranchuk, I.A. "Genezis chastnykh voennykh kompanii: chastnaya sila vo vtoroi polovine 20-go veka." *Mir i politika*, no 2(65) (2012): 77–83 [In Russian].
- Сафранчук, И.А. Феномен «частной силы»: последствия для государственных и негосударственных акторов // «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты / ред. М.М. Лебедева. – М.: Издательство «Голден-Би», 2008. – С. 254–278.
- Safranchuk, I.A. "Fenomen 'chastnoi sily': posledstviya dlya gosudarstvennykh i negosudarstvennykh aktorov." In *'Privatizatsiya' mirovoi politiki: lokal'nye deistviya – global'nye rezul'taty*,

254–278. Moscow: Izdatel'stvo «Golden-Bi», 2008 [In Russian].

Селезнев, А.А. Ответственность за наемничество по французскому уголовному законодательству // Вестник РГГУ. – 2014. – № 15 (137). – С. 123–131.

Seleznev, A.A. "Responsibility for mercenarism by French criminal law." *RSUH/RGGU Bulletin*, no. 15 (137) (2014): 123–131 [In Russian].

Старцун, В.Н. Научная школа военного права и создание нормативной правовой основы деятельности по оказанию частных услуг военного назначения: точки сопряжения // Военное право. – 2015. – № 1 (33). – С. 62–75.

Startsun, V.N. "Scientific school of military law and the normative legal framework for the provision of private services for military purposes: the point mate." *Военное право* 33, no. 1 (2015): 62–75 [In Russian].

Суверенитет. Трансформация понятий и практик : монография / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой; Моск. гос. ин-т междуна. отношений (ун-т) МИД России, каф. сравнит. политологии. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 228 с.

Suverenitet. Transformatsiya ponyatii i praktik, edited by M.V. Il'in, and I.V. Kudryashova. Moscow: MGIMO-University, 2008 [In Russian].

Сучков, М.А. Война в эпоху нового технологического уклада: модель инновационного цикла // Будущее мировой политики: технологии, конфликты, институты / ред. А.А. Сушенцов, И.В. Фомин, У.К. Уолфорт. – М.: «Весь мир», 2020. – С. 92–114.

Suchkov, M.A. "Voina v epokhu novogo tekhnologicheskogo uklada: model' innovatsionnogo tsikla." In *Budushchee mirovoi politiki: tekhnologii, konflikty, instituty*, 92–114. Moscow: Ves' mir, 2020 [In Russian].

Цыганков, П.А. Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. – 2005. – Том 3. – №1 (7). – С. 53–65.

Tsygankov, Pavel. "The Substance of World Politics as a Discipline." *International Trends* 3, no. 1 (2005): 53–65 [In Russian].

Abrahamsen, Rita, and Michael C. Williams. *Security Beyond the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511974441>.

Armstrong, Stephen. *War plc: The Rise of the New Corporate Mercenary*. London: Faber & Faber Limited, 2009.

Avant, Deborah D. *The Market for Force*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490866>.

Avant, Deborah. "NGOs, Corporations and Security Transformation in Africa." *International Relations* 21, no. 2 (June 2007): 143–61. <https://doi.org/10.1177/0047117807077000>.

Avant, Deborah. Making peacemakers out of spoilers: international organizations, private military training, and statebuilding after war. In *The Dilemmas of Statebuilding: Confronting the Contradictions of Postwar Peace Operations*, edited by Roland Paris and Timothy D. Sisk, 104–126. Abington: Routledge, 2009.

Buzatu, Anne-Marie. "European Practices of Regulation of PMSCs and Recommendations for Regulation of PMSCs through International Legal Instruments." *The Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF)*, 2008. http://psm.du.edu/media/documents/reports_and_stats/think_tanks/dcaf_buzatu_european-practices.pdf.

Chase, Simon, and Pezzullo, Ralph. *Zero Footprint: The True Story of a Private Military Contractor's Covert Assignments in Syria, Libya, And the World's Most Dangerous Places*. New York: Mulholland Books, 2017.

Coburn, Noah. *The Guards, Cooks, and Cleaners of the Afghan War: Migrant Contractors and the Cost of War*. Brown University, 2017.

Cockayne, James. Private Military and Security Companies Agree to Increased International Oversight. *International Peace Institute Global Observatory*, 2013. <http://theglobalobservatory.org/2013/03/private-military-and-security-companies-agree-to-increased-international-oversight/>.

Cockayne, James, Mears Emily Speers, Cherneva Iveta, Gurin Alison, Oviedo Sheila, and Yaeger Dylan. *Beyond Market Forces: Regulating the Global Security Industry*. New York: International Peace Institute, 2009.

Creutz, Katja. *Transnational Privatised Security and the International Protection of Human Rights*. Helsinki: Erik Castrén Institute of International Law and Human Rights, 2006.

Gjeijeses, Piero. " 'Flee! The white giants are coming!': The United States, mercenaries and the Congo 1964–1965." In *Empire and revolution. The United States and the Third World since 1945*, edited by P.L. Hahn, M.-A. Heiss, 71–93. Columbus: Ohio State University Press, 2001.

Del Prado, José L. Gómez. "Whether the Criteria Contained in the 1989 International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries Notably Motivation Apply to Today's Foreign Fighters?" *International Community Law Review* 18 no. 5 (December 2016): 400–417. <https://doi.org/10.1163/18719732-12341339>.

Gumedze, Sabelo. *Elimination of Mercenarism in Africa: a Need For a New Continental Approach*. Pretoria: Institute for Security Studies, 2008.

Hoare, Mike. *Congo Mercenary*. London: Robert Hale, 1967.

Hudson, Andrew. *Congo Unravalled: Military Operations From Independence To The Mercenary Revolt 1960–1968*. West Midlands, Pinetown: Helion & Co., 2012.

Isenberg, David. *Private Military Contractors and U.S. Grand Strategy*. Oslo: International Peace Research Institute, 2009a. https://wikipooks.com/w/images/7/76/Isenberg_Private_Military_Contractors.pdf.

Isenberg, David. *Shadow Force: Private Security Contractors In Iraq*. Westport, Conn: Praeger Security International, 2009b.

Kinsey, Christopher. "Private Security Companies: Agents of Democracy or Simply Mercenaries?" In *Private Military and Security Companies: Chances, Problems, Pitfalls and Prospects*, edited by Thomas Jäger, and Gerhard Kümmel, 87–104. Wiesbaden: Vs Verlag für Sozialwissenschaften, 2007a.

Kinsey, Christopher. "Problematising the Role of Private Security Companies in Small Wars." *Small Wars & Insurgencies* 18, no. 4 (December 2007b): 584–614. <https://doi.org/10.1080/09592310701778472>.

Krahmann, Elke, and Anna Leander. "Contracting Security: Markets in the Making of MONUSCO Peacekeeping." *International Peacekeeping* 26, no 2 (2019): 165–189. <https://doi.org/10.1080/13533312.2018.1557051>.

Krahmann, Elke. "From State to Non-State Actors: The Emergence of Security Governance." In *New Threats and New Actors in International Security*, edited by Elke Krahmann, 3–19. New York: Palgrave Macmillan, 2005. https://doi.org/10.1057/9781403981660_1.

Krahmann, Elke. *States, Citizens and the Privatisation of Security*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139042727>.

MacLeod, Sorcha. "Private Security, Human Rights and COVID-19: Regulatory Challenges at the Margins." *SSRN Electronic Journal*, 2020. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3716492>.

Mandel, Robert. *Armies Without States: The Privatization of Security*. London: Lynne Rienner Publishers, 2002.

McFate, Sean. *The Modern Mercenary: Private Armies and What They Mean for World Order*. New York: Oxford University Press, 2014.

Mockler, Anthony. *The New Mercenaries*. London: Sidgwick & Jackson Ltd., 1985.

Mumford, Megan, Schanzenbach, Diane Whitmore, and Nunn Ryan. *The Economics of Private Prisons*. The Hamilton Project, Brookings, 2016. https://www.hamiltonproject.org/papers/the_economics_of_private_prisons.

Nebolsina, M. A. 2020. "Private Military and Security Companies in UN Peacekeeping Operations: Problems and Perspectives." *Journal of International Analytics* 11, no. 3 (2020): 61–77. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-61-77>.

Østensen, Åse Gilje. "In the Business of Peace: The Political Influence of Private Military and Security Companies on UN Peacekeeping." *International Peacekeeping* 20, no. 1 (2013): 33–47. <http://dx.doi.org/10.1080/13533312.2012.761872>.

Othen, Christopher. *Katanga 1960–1963: Mercenaries, Spies And The African Nation That Waged War On The World*. Stroud: The History Press Ltd., 2015.

Percy, Sarah. *Regulating the Private Security Industry*. London: Routledge, 2006.

Percy, Sarah. *Mercenaries: The History of a Norm in International Relations*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Pingeot, Lou. *Dangerous Partnership Private Military & Security Companies and the UN*. New York: Global Policy Forum and Rosa Luxemburg Foundation, 2012.

Del Prado, José L.Gómez. "Private Military and Security Companies and the UN Working Group on the Use of Mercenaries." *Journal of Conflict and Security Law* 13, no. 3 (2008): 429–450. <https://doi.org/10.1093/jcsl/krp010>.

Puren, Jerry. *Mercenary Commander*. Alberton, Republic of South Africa: Galago, 1986.

Radin, B.A. *Federal Management Reform in a World of Contradictions (Public Management and Change)*. Washington: Georgetown University Press, 2012.

Rosemann, Nils. "Code of Conduct: Tool for Self-Regulation for Private Military and Security Companies." *Occasional Paper No. 15*. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF), 2008.

Schahill, Jeremy. *Blackwater: The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army*. New York: Nation books, 2008.

Schwartz, Moshe. "The Department of Defense's Use of Private Security Contractors in Afghanistan and Iraq: Background, Analysis, and Options for Congress." Report for Congress." *Congressional Research Service*, 2011. <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R40835.pdf>.

Singer, Peter W. *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry*. New York: Cornell University Press, 2003.

SIPRI Yearbook 2013: Armaments, Disarmament and International Security. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Spearin, Christopher. "UN Peacekeeping and the International Private Military and Security Industry." *International Peacekeeping* 18, no. 2 (2011): 196–209. <https://doi.org/10.1080/13533312.2010.546099>.

Steiner, Rolf. *The Last Adventurer*. Boston: Little, Brown, 1978.

Tkach, Benjamin, and Joe Phillips. "UN Organizational and Financial Incentives to Employ Private Military and Security Companies in Peacekeeping Operations." *International Peacekeeping* 27, no. 1 (2020): 102–23. <https://doi.org/10.1080/13533312.2019.1698296>.

Tzifakis, Nikolaos. "Contracting out to Private Military and Security Companies: The Market for Security Services." *European View* 11, no. 1 (2012): 125–26. <https://doi.org/10.1007/s12290-012-0197-3>.

Verkuil, Paul R. *Outsourcing Sovereignty*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511509926>.

White, Adam. 2018. "Beyond Iraq." *Armed Forces & Society* 44, no. 3 (July 2018): 387–407. <https://doi.org/10.1177/0095327X17711898>.

Yau, N., and van ver Kley, D. "The growth, adaptation and limitations of Chinese private security companies in Central Asia." *The OXUS Society for Central Asian Affairs*, 2020. <https://oxussociety.org/wp-content/uploads/2020/10/the-growth-adaptation-and-limitations-of-chinese-private-security-companies-in-central-asia.pdf>.

Сведения об авторе

Мария Александровна Небольсина,

к.пол.н., научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований МГИМО, Россия, Москва, Проспект Вернадского, 76, 119454.

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 апреля 2022.

Переработана: 1 июня 2022.

Принята к публикации: 10 июня 2022.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Небольсина, М.А. Частные военные и охранные компании (ЧВОК) в современных международных процессах // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13 (2). – С. 107–133.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-107-133>

Private Military and Security Companies (PMSCs) in Modern International Processes

ABSTRACT

The period of rapid growth and development of the phenomenon, that is presently characterized as private military and security companies (PMSCs), coincided with two processes of modern history of international relations: the end of the Cold War and the beginning of the US Global War on Terror (GWOT) in Afghanistan. Concurrently, state attitude towards violence and transformation of warfare has been changing as well. Two different approaches to the history of the private security market's rise unveil the fact that, in one way or another, the originators of the private security services were associated with the defense industry and armed forces. Non-state security actors look back on a history that stretches to mid- and the second half of the 20th century – the period of national liberation movements across the world. Meanwhile, the 1990s marked the rapid growth in the number of PMSCs and in the development and enlargement of the market in private security services. Its growth is ongoing and is gaining the interest of new states, particularly in utilizing its capacity as a political instrument. Against the backdrop of global political processes, the private security market experienced technological growth and enhancement. Both the normative regulation and the approaches of the international community to the phenomenon of PMSCs have been evolving and changing. Despite its functionality, flexibility and technological advantages, the market of private security can challenge human rights, as well as bare responsibility for corruption and improper fulfillment of contractual obligations. Nevertheless, episodes of revealed grave violations rarely reach courts, with infrequent cases of perpetrators' sentencing. These, among problems occurring in the private security industry, require close attention by states and the international community, which has been making efforts for elaboration of the applicable normative mechanisms to regulate private military and security activity for over fifteen years.

KEYWORDS

private military and security companies (PMSCs), contractors, outsourcing and privatization of state functions, armed conflicts, violence, violation of human rights, international regulation

Author

Maria A. Nebolsina,

PhD in Political Science, Researcher for the Center of Euro-Atlantic Security of the International Studies Institute, MGIMO University, 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

e-mail: nebolsinama@gmail

Additional information

Received: April 1, 2022. Revised: June 1, 2022. Accepted: June 10, 2022.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Nebolsina, Maria A. "Private Military and Security Companies (PMSCs) in Modern International Processes."

Journal of International Analytics 13, no. 2 (2022): 107–133.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-107-133>

Почему ошибается разведка, а уроки извлекать полезно всем?

Джервис, Роберт. Почему разведка терпит неудачу: уроки революции в Иране и войны в Ираке / Пер. с англ. Т. Ованнисяна – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2020. – 256 с.

Адлан Рамзанович Маргоев, ИМИ МГИМО, Москва, Россия

Адрес для связи: a.margoev@inno.mgimo.ru

«Когда вице-президент встал и сказал: “Мы уверены” – ну кто мы такие, чтобы спорить?»

Высокопоставленный сотрудник военной разведки США о событиях, приведших к американскому вторжению в Ирак

«Надо знать армию, чтобы пред- ставить себе судьбу офицера, рискуя открыто оспаривать дан- ные и выводы, утвержденные самим начальником Генштаба».

В.В. Шлыков, ветеран Главного раз- ведывательного управления (ГРУ)

8 января 1978 г. в Куме – одном из центров шиитского духовенства в Иране – вспыхивает крупная демонстрация, подавленная силами безопасности шахского режима. Зная, что спустя год шах покинет страну, а строить исламскую респу- блику вместо монархии в нее вернется аятолла Хомейни, легко назначить дату начала Исламской революции, но аналитики Центрального разведывательного управления (ЦРУ) США углядели ее лишь осенью 1978 г., когда падение династии Пехлеви было неизбежно.

Тогда директор Национального центра иностранных оценок ЦРУ Р. Боуи обратился к своему другу, молодому профессору Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Р. Джервису с просьбой изучить причину столь крупной неудачи американской разведки. Рассекреченный спустя почти 30 лет доклад Р. Джервиса стал главой книги, рецензируемой в этой заметке.

Когда пришлось разбирать ошибки разведки, которые – наряду с политической волей администрации Дж. Буша-младшего – привели к вторжению американских войск в Ирак в 2003 г., у Р. Джервиса оказалось достаточно рассекреченных материалов и публичных отчетов, чтобы написать еще одну главу своей книги. Изданная в оригинале в 2010 г.¹, а в переводе на русский язык – спустя 10 лет, монография Р. Джервиса сегодня выглядит как никогда актуальной.

При обилии публицистической литературы о разведке (подчас весьма сомнительного толка) на русском языке доступно мало академических работ по этой теме в силу ее закрытого характера. Единственным фундаментальным исследованием остаются «Очерки истории российской внешней разведки», публиковавшиеся с 1996 по 2014 гг. в шести томах под редакцией академика Е.М. Примакова, генерала В.И. Трубникова и генерала С.Н. Лебедева.

В предисловии к первому тому Е.М. Примаков ставит вопросы деполитизации и деидеологизации разведки. При должной симпатии и антипатии к различным внутривнутриполитическим силам глава Службы внешней разведки призывает разведчиков руководствоваться исключительно соображениями национальных интересов и не участвовать во внутренней политике страны. Он также считает, что отказ от идеологии после распада Советского Союза не лишил внешнюю разведку возможности выходить на сотрудничество с лучшими зарубежными источниками информации: теперь их стала мотивировать не вера в социализм, а «нежелание видеть мир однополюсным»².

Самая свежая коллективная монография о военной разведке зарубежных стран подготовлена Центром анализа стратегий и технологий и вышла в свет в 2021 г.³ В ней не только описывается устройство разведорганов различных европейских, ближневосточных и азиатских стран, процесс сбора и анализа данных, но и дана попытка оценить эффективность работы этих структур.

Все же костяк доступной, но достоверной литературы о разведке формируют мемуары и биографические очерки разведчиков⁴. К таким публикациям относится серия книг «Секретные миссии» издательства «Международные отношения», хотя в ней встречается и научное издание о советской разведке в Америке в предвоенные годы с рецензентами из МГИМО и ИВИ РАН⁵.

Попытки извлечь уроки из прошлого опыта российской и американской разведок содержатся в работах ветерана ГРУ В.В. Шлыкова, среди которых можно

1 Jervis 2010. См. также: Connelly et al. 2021.

2 Примаков 1996.

3 Робинсон, Пухов 2021.

4 Раздел «Книги» на сайте Службы внешней разведки Российской Федерации // Служба внешней разведки России. [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.gov.ru/book.htm> (дата обращения: 06.06.2022.)

5 Позняков 2015.

отметить «Демонополитизацию информации»¹ и «Что погубило Советский Союз: Генштаб и экономика»². Обобщенные Р. Джервисом в финальной главе своей книги причины неудач разведывательных органов во многом созвучны выводам В.В. Шлыкова и поддаются еще более краткому изложению в виде уроков, которые необходимо учесть на четырех условных этапах работы: сбор данных, их трактовка, сотрудничество с другими компетентными сторонами в процессе их анализа и донесение результатов до заинтересованных лиц во властных структурах.

Сбор данных

Общей проблемой разведки в иранском и иракском случаях была скудность источников. Американские дипломаты и разведчики в шахском Иране больше концентрировались на динамике внутриэлитных отношений, а для того, чтобы понимать назревающую революцию, нужна была социология, важно было понимать настроения широких масс населения. Неслучайно информация от консульств, которые теснее контактировали с иранцами, содержала более тревожные оценки относительно внутривластной устойчивости шаха, чем сведения, которые транслировало посольство.

Р. Джервис не уточняет, от скольких человек ЦРУ получало сведения о состоянии иракских программ оружия массового уничтожения (ОМУ), но приводит этот показатель для британских спецслужб – пять человек. Последствия учета искаженной или ложной информации в столь узкой выборке были слишком высоки. Поскольку информация об источниках редактировалась перед передачей сведений аналитикам в Лэнгли, у тех не было четкой картины о числе каналов, по которым добывается информация и делаются выводы. Например, озвученный К. Пауэллом в Совете Безопасности ООН вывод о способности Ирака производить биологическое оружие в высушенном виде – знаменитая пробирка с белым порошком – основывался на сведениях одного источника, который к тому же выдумал эту историю.

Наконец, предвзятая постановка вопроса приводит к предвзятым результатам: если что-то приказано искать, высока вероятность это найти, даже если этого не существует. Агентам ЦРУ было достаточно обнаружить любые намеки на разработку Ираком ОМУ, чтобы подкрепить предзаданные, почти аксиоматичные убеждения о существовании этой программы. А отсутствие других значимых доказательств оправдывалось тем, что такие работы, вероятно, тщательно скрываются.

Трактовка данных

Р. Джервис критикует аналитиков, которые работали в режиме журналистов и фокусировались на пересказе свежих событий, а не тщательном анализе

1 Шлыков, В.В. Демонополитизация информации. Почему военную разведку нужно подчинить министру обороны // Россия в глобальной политике, № 4. 20 июля 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/demonopolizacziya-informaczii/> (дата обращения: 31.05.2022).

2 Шлыков, В.В. Что погубило Советский Союз? Генштаб и экономика // Военный вестник МФИТ. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/cdhcsp> (дата обращения: 06.06.2022).

причинно-следственных связей в историческом разрезе. Суточные разведсводки занимали большую часть рабочего времени, а в силу формата ни один вопрос, поднимавшийся в них, не мог быть изучен глубоко. На посольства также росла нагрузка, особенно по сопровождению парламентских и деловых делегаций, из-за чего у дипломатов также оказывалось все меньше времени на аналитическую работу по политическим темам. Неудивительно, что и у тех, и других оказался «замылен глаз»: пропустить ежедневные изменения было легче, чем если бы ситуацию до 1977 г. сравнили с тем, что происходило в 1978 г. А поскольку аналитикам каждый раз было важнее сдать отчет начальству в срок, то вместо того, чтобы искать факты, которые подтвердят или опровергнут исходные предположения и гипотезы, а также прорабатывать альтернативные версии, на основе типичных объяснительных моделей они выдавали одно-единственное связное объяснение событий, по их мнению, наиболее близкое к истине. Без поощрения руководства аналитики едва ли изменили бы формат своей работы.

В этих условиях проблемы возникали из-за того, что на выводы аналитиков больше влияли не полученные от источников сведения, а то, что оставалось за пределами этих бумаг: убеждения, представления, идеи и образы, сформированные задолго до того, как нужно было подготовить какой-либо документ для начальства. Многочисленные фрагменты информации, пусть и неоднозначные каждый сам по себе, складывались в убедительный вывод, претендующий на доказательство исходных убеждений, а затем единичные убедительные фрагменты, противоречащие этой картинке, подвергались сомнению. В таком случае было сложно понять в точности, как достигнут конкретный вывод: изложенный на бумаге, он обретал силу, аналогичную фактам, и цементировал неверное представление американского разведсообщества и государственных деятелей о действительности. Например, информация об использовании Ираком подставных фирм для закупок алюминиевых труб трактовалась как попытка произвести центрифуги для обогащения урана, тогда как те использовались для производства корпусов ракет.

Еще одна проблема была связана с нехваткой специалистов со знанием языка, культуры, религии и психологии. Трудно верить в непоследовательность, путаницу, коррупцию и импровизацию иностранных действующих лиц, эмпатия не срабатывает на должном уровне, когда поведение другого игрока кажется странным и саморазрушительным. Иракские ученые боялись раскрывать международным инспекторам часть данных в том числе потому, что произведенные когда-то споры язвы были закопаны неподалеку от одного из дворцов С. Хусейна: раскрыв локацию, они боялись вызвать у него гнев. Выдавать доказательства применения химоружия против Ирана не хотели, потому что боялись использования этих сведений в судах против Ирака. Пресловутые трубы понадобились инженерам для того, чтобы обойти возможный конфликт с хорошим другом С. Хусейна, который отвечал за ракетную программу. При этом видимость программ разработки ОМУ сохранялась для сдерживания Ирана, а риск нападения США на Ирак не учитывался как серьезный, ведь Вашингтон не воспринимался в Багдаде врагом: по мнению тогдашних иракских властей, американцам было достаточно своего присутствия в регионе, а главное противоречие между США и Ираком было в режиме санкций против последнего. Чтобы понять мотивы ирак-

ского поведения, нужно было не только обладать большим объемом информации, но и проявить способность складывать из нее нестандартные объяснения, логичные не для американских, а для иракских деятелей того времени.

Коллегиальность

Горизонтальное и вертикальное сотрудничество аналитиков с другими заинтересованными сторонами при анализе полученных данных могло быть полезным для перекрестной проверки убеждений, которые брались за основу отчетов. В случае с Ираном политический анализ был оторван от экономического – им занимались разные люди, которые мало взаимодействовали друг с другом, поэтому упустили влияние экономического положения в стране на революционные настроения масс.

Разведка была замкнута на себе и не выстраивала ни эффективный межведомственный процесс, ни диалог со специалистами вне государственных органов, хотя у ученых зачастую были более широкие контакты и нюансированное представление о стране. Ошибку с трактовкой закупки Ираком алюминиевых труб допустили в том числе потому, что межведомственная группа, которая занималась вопросами центрифуг, не функционировала должным образом. Ожесточенные споры между ЦРУ и Министерством энергетики США десятилетней давности стали и причиной, и результатом испорченных личных отношений, поэтому более осторожные трактовки специалистов Минэнерго не учитывались в Лэнгли должным образом.

Да и вне особых противоречий тогдашний руководитель ЦРУ Дж. Тенет, который исполнял роль главы всего разведсообщества США, доверял своим аналитикам больше, чем специалистам других ведомств, игнорировал разногласия между ними и, пользуясь своим положением, мог докладывать политикам выводы ЦРУ до полного согласования с остальными ведомствами по принципу «доложи, пока не опередили». Хуже того могли быть случаи, когда он мог и не знать об этих разногласиях, будучи в отдалении от аналитиков вне ЦРУ и получая информацию от своего ведомства в сжатом виде.

Это произошло потому, что когда сведения «сжимались» для начальства, то аналитики упустили из виду важность того, чтобы включить в сводки информацию о критических нерешенных вопросах, неопределенности и разногласиях, которые имели место при анализе первичных данных. «Испорченный» на этом этапе телефон приводил к еще большим негативным последствиям на следующем этапе работы с разведданными.

Коммуникация с властями

Даже идеальная разведка не означает идеальной политики, и способность первой влиять на лиц, принимающих решения (ЛПР), ограничена. Власти думают категориями проблем и решений, а потому не заинтересованы в информации по странам, которые не требуют незамедлительных действий. Если на этом этапе разведка бросает попытки влиять на умы политиков, то в критический момент позицию ЛПР по принципиальным вопросам гораздо труднее изменить, если и вообще возможно.

Власти могут находиться под влиянием недавних уроков: обширные программы ОМУ, обнаруженные в Ираке после начала операции «Буря в пустыне», провоцировали алармистские ожидания от намерений С. Хусейна, хотя те существенно изменились за десятилетие. В иранском случае идеология шла вразрез с тем, что подсказывала политическая наука: администрация Дж. Картера толкала шаха к более активным преобразованиям, тогда как радикальные демократические реформы противопоказаны слабым режимам и грозят их распадом.

В ситуации, когда разведданные опровергают убеждения властей, работа разведки начинает быть опасной внутривнутриполитически – ее основной задачей становится «не нравиться властям». Авторов неудобных отчетов понижают в должности, урезают «проблемным» подразделениям ресурсы, а те, в свою очередь, игнорируют вопросы, которые могут вызвать недовольство ЛПР. Именно поэтому чрезмерно прирученная разведка теряет свою ценность, а если разведчики еще и не уверены в своей оценке, им куда легче идти в русле начальства, особенно если руководители обладают авторитарным характером, игнорируют сигналы своих подчиненных и монополизуют трактовки при анализе разведданных.

«Когда вице-президент встал и сказал: “Мы уверены,” – ну кто мы такие, чтобы спорить?», – вспоминал один из высокопоставленных представителей военной разведки США. Неслучайно отдельные сотрудники и разведслужбы замолчали, когда поняли, что война неизбежна и администрация Буша привержена этому решению. Так сформировалась ползучая политизация, когда на аналитиков не оказывали прямого давления, чтобы они изменили свои выводы в пользу того, что хотят видеть ЛПР, но самоцензура и конформизм сделали возможным уверенное вторжение американских войск в Ирак. Когда некоторые представители разведорганов публично напомнили властям о несогласии с войной в Ираке, их обвинили в попытке заработать политические очки, хотя справедливее могло бы быть заявление Дж. Буша о том, что решение принадлежало не разведке, а ему и его администрации.

Не сработала накануне войны и система «сдержек и противовесов»: Конгресс единственный настаивал на оценке национальной разведки по ОМУ в Ираке – отдельном отчете, посвященном этому вопросу, – но поздно добился его подготовки, когда администрация Дж. Буша уже «утопала» в казавшейся четкой информации с мест и спешила составить эту оценку сообразно сформировавшемуся мнению. Шанс вдумчивее изучить этот вопрос был упущен, и никакого плана Б не было подготовлено: мало того, что это затратно, так еще и ослабляет веру в план А. Чтобы не признать собственного поражения и не нести имиджевых потерь, в 2007 г. Дж. Буш принял решение увеличить воинский контингент в Ираке: даже если бы план Б существовал, он был бы бесполезен до тех пор, пока ЛПР не готовы к нему перейти.

Уроки для всех

Почему ошибаются разведорганы, а уроки необходимо извлекать всем? После исламской революции в Иране прошло 43 года, а качество знаний об этой стране ничуть не сделало прогнозирование ее дальнейшего развития легче. В 1978 г. оценки устойчивости шахского режима напрямую коррелировали с отно-

шением конкретного аналитика к режиму: если нравится – значит, продержится, нет – значит, падет. Не похоже ли на сегодняшнюю ситуацию, когда одни симпатизируют Исламской Республике и тому, как она справляется с жизнью под санкциями¹, а другие, преимущественно западные, специалисты только и твердят о том, что режим аятолл – несостоявшийся²? Насколько тщательно каждый лагерь проверяет свои гипотезы? Понимают ли они, от чего зависит устойчивость современного политического строя в Иране?

Неслучайно обе изучаемые в книге Р. Джервиса страны находятся на Востоке и требуют особой подготовки аналитиков. В связи с этим встает вопрос о том, что в образовании отечественных дипломатов, разведчиков и ученых – выпускников МГИМО, ИСАА МГУ, СПбГУ и других институций – должно оставаться ядром (языковая подготовка, страноведение, основы религии и культуры), а что требует реформы? На вопрос автора о том, в чем заключается следующий шаг для отечественного востоковедения, в 2020 г. академик В.В. Наумкин заметил, что ученым необходимы не только блестящие знания о странах региона, но и владение современными методами научного исследования.

Наконец, руководство России объявило специальную военную операцию на Украине, в том числе ссылаясь на украинские программы разработки ОМУ. В какой степени представление о безальтернативности этого решения было подкреплено выводами разведсообщества, а в какой стало результатом убежденности лиц, принимающих решения? Что необходимо знать об условиях, в которых военные действия были предложены как эффективное решение восьмилетнего конфликта на Украине, чтобы избежать таких сценариев в будущем? Ответы востребованы не только в России, но и среди тех специалистов в недружественных России странах, которые понимают, как их руководство безответственно подстегивало этот конфликт, десятилетиями игнорируя озабоченность России в сфере безопасности и не рассчитывая на решительные меры с российской стороны.

Как утверждает Р. Джервис, специалисты из академических кругов и аналитики из разведки примерно одинаково понимают предмет своих интересов и владеют схожими инструментами его изучения, несмотря на доступ к различному объему и характеру данных. Это значит, что уроки неудач разведки в полной мере относятся и к специалистам-международникам, которые не всегда чувствуют аналогичную ответственность за свои выводы. Между тем миссия последних заключается не только в тщательной, методологически выверенной работе с информацией, но куда больше прежнего – в здоровой дискуссии, где сомнения будут звучать в той же тональности и громкости, в которой излагаются убеждения.

1 Abrahamian 2009.

2 Etourneau, Therme 2022.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Военная разведка / Под ред. П. Робинсона и Р. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. – 376 с.

Military Intelligence, edited by P. Robinson, and R. Pukhov. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2021 [In Russian].

Очерки истории российской внешней разведки [В 6 т.]: Т. 1. От древнейших времен до 1917 года / Гл. ред. и авт. предисл. Е.М. Примаков. – М.: Междунар. отношения, 1996. – 238 с.

Essays on the History of Russian Foreign Intelligence. From Ancient Times to 1917, edited by Evgeniy M. Primakov. Moscow: International Relations, 1996.

Позняков, В.В. Советская разведка в Америке. 1919–1941. – 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2015. – 584 с.

Pozdnyakov, V.V. *Soviet Intelligence in America. 1919–1941*. Moscow: International Relations, 2015.

Abrahamian, E. “Why the Islamic Republic has Survived.” *Middle East Report* 250, no. 39 (2009): 10–16.

Connolly, Matthew, Raymond Hicks, Robert Jervis, and Arthur Spirling. “New Evidence and New Methods for Analyzing the Iranian Revolution as an Intelligence Failure.” *Intelligence and National Security* 36, no. 6 (2021): 781–806.

Etourneau, Matthieu, and Clément Therme. 2022. “Iran’s Economic Strategy: Between Collapse and Opening Up.” *Politique Étrangère*, (1): 149–60.

Jervis, Robert L. *Why Intelligence Fails: Lessons from the Iranian Revolution and the Iraq War*. Cornell University Press, 2010.

Сведения об авторе

Адлан Рамзанович Маргоев

научный сотрудник Центра ближневосточных исследований
Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

e-mail: a.margoev@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 мая 2022.

Принята к публикации: 6 июня 2022.

Благодарности

Автор выражает благодарность студенту Факультета международных отношений МГИМО иранисту Ф. Голубеву за реферирование книги, оказавшееся полезным при подготовке рецензии.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Маргоев, А.Р. Почему ошибается разведка, а уроки извлекать полезно всем? // Международная аналитика. – 2022. – Том 13 (2). – С. 134–142.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-134-142>

Author

Adlan R. Margojev,

Research Fellow, Center for Middle East Studies,
Institute for International Studies, MGIMO University
76 Vernadsky Prospekt, Moscow 119454

e-mail: a.margojev@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: May 1, 2022. Accepted: June 6, 2022.

Acknowledgements

The author is grateful to F. Golubev, a student of the Faculty of International Relations at MGIMO, for abstracting the book, which was helpful in preparing the review.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was declared by the author.

For citation

Margojev, Adlan R. "Why Does Intelligence Fail Yet We All Have to Learn from Mistakes?"

Journal of International Analytics 13, no. 2 (2022): 134–142.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-134-142>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трем направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б, Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно:

в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2022 – 13(2). – С. 1-142.

Подписано к печати: 27.06.22.

Формат: 108х70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 200 экземпляров. Заказ 670

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.